

СССР
№1414

проблемы ЭКОНОМИКИ

орган
института
экономики
коммунистической
академии

6 1934

ОГИЗ ● СОЦЭКГИЗ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1935 г.
НА ЖУРНАЛ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Орган Критико-библиографического научно-исследовательского ин-та

«Сельскохозяйственная литература» помещает рецензии и критические обзоры на книги, брошюры и журналы по всем отраслям сельского хозяйства. Публикует рекомендательные списки литературы к текущим сельскохозяйственным кампаниям.

«Сельскохозяйственная литература» является необходимым руководством для агротехника, педагога, учащихся сельскохозяйственных вузов и техникумов, библиотекарей, избачей, бригадиров.

«Сельскохозяйственная литература» выходит два раза в месяц. Объем каждого номера 1,5 печ. листа. Подписная цена: на год—9 р. 60 к., на 6 мес.—4 р. 80 к., на 3 мес. 2 р. 40 к. Цена отдельного номера 40 коп.

Подписка принимается издательством института, Москва, Пушечная, 5, всеми отделениями и магазинами КОГИЗа, всюду на почте.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1935 г.

НА ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ СССР

Орган Критико-библиографического научно-исследовательского института

«Литература национальностей СССР» ставит своей задачей борьбу за марксистско-ленинскую национальную книгу, содействие росту литератур и языкового строительства народов СССР путем критической оценки книжно-журнальной продукции, выходящей на языках: немецком, еврейском, польском, английском, китайском, корейском, марийском (горный и луговой), коми-зырянском, коми-пермяцком, татарском, цыганском, армянском и др.

«Литература национальностей СССР» помещает рецензии и критические обзоры на оригинальные и переводные издания всех разделов национальностей литературы, уделяя особое внимание оригинальным произведениям и критическому анализу переводов работ классиков марксизма-ленинизма.

«Литература национальностей СССР» рассчитана на работников культурно-массового просвещения (работников библиотек, изб-читален, кружков, лекторов, нац. инструкторов на предприятиях и др.), преподавателей нац. школы, работников нац. печати, издательства и др.)

«Литература национальностей СССР» выходит один раз в месяц. Объем каждого номера 1,5 печ. листа. Подписная цена: на год—9 р. 60 к., на 6 мес.—4 р. 80 к., на 3 мес.—2 р. 40 к. Цена отдельного номера 80 коп.

Подписка принимается издательством института, Москва, Пушечная, 5, всеми отделениями и магазинами КОГИЗа, всюду на почте.

ГОД
ИЗДАНИЯ
ШЕСТОЙ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Д
В
У
Х
М
Е
С
С
Я
Ч
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

ОРГАН
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 6

СОЦЭКГИЗ 1934

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

С. М. Киров	V
К итогам ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)	VII
Э. Локшин — Сдвиги в отраслевой структуре промышленности СССР	1
Р. Аркус и Г. Мовшович —оборотный металл в черной металлургии	17
А. Герценштейн — Освоение техники на советских предприятиях	38
М. Адлер — Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального	56
А. Соловьев — Концентрация и технический уровень стали в Англии	69
ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	
В. Келлер — Национальные особенности некоторых направлений буржуазной политэкономии	90
Ф. Зильберборд — Социал-империалистические теории госкапитализма в период империалистической войны	102
КОНЪЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	
Т. Лоуф-Бохен — Влияние засухи на мировой рынок с.-х. продуктов	111
И. Гольдштейн — Девизная катастрофа Германии и «новый план» Шахта	121
ПРАКТИКА ЗАВОДОВ	
С. Лифшиц — «Красный пролетарий» в борьбе за освоение техники	131
КОНСУЛЬТАЦИЯ	
Г. Дашевский — О формальном и реальном подчинении труда капиталу	140
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЖУРНАЛАМ	
Я. С. — Новейшие «откровения» англо-американской политэкономии	149
БИБЛИОГРАФИЯ	
А. Казарин — О крепостной мануфактуре в России	154
А. Казарин — О некоторых вопросах истории экономического развития народов СССР	157
Из новейшей иностранной литературы о мировом кризисе и фашизме	165

Редколлегия: Бутаев К. (ответственный редактор), Вознесенский И., Гатовский Л., Кривицкий М., Партигул С., Шурыгин В.

Сдано в производство 13/XI—23/XII—1934 г.
Подписано к печати 26/XII—1934 г.
Уполн. Главлита Б—40348
Выпускающий А. Налимов

Формат 72×105¹/₁₆
Союзгиз № 1442 (п) Зак. тип. 2884
Объем 11 1/2 печ. лист. 67.000 зн. в п. л.
Тираж 13200 экз.

Сергей Миронович КИРОВ

(1886—1934)

С. М. Киров

С. М. Киров. 31566

Сергей Миронович Киров

Первого декабря 1934 г. выстрелом классового врага, одним из подлых подонков бывшей зиновьевской антипартийной группы вырван из руководящих рядов коммунистической партии, партии Ленина, Сталина, Сергей Миронович Киров.

Револьверный выстрел в Ленинграде был услышан не только в Смольном. Его услышал весь огромный Советский союз, начиная от Ленинграда, Москвы, кончая далекими окраинами Союза — Петропавловском на Камчатке и т. д. Его услышали каждый город, каждая деревня, каждый завод, каждый колхоз...

Ответом на этот выстрел является многомиллионная монолитная преданность делу партии, за которое боролся и погиб вождь, трибун т. Киров, многомиллионная монолитная ненависть к врагам рабочего класса, к врагам социализма.

Подлый выстрел вырвал из рядов партии одного из лучших вождей ее, ученика и соратника т. Сталина.

Живого Кирова можно было убить револьверным выстрелом, но нельзя убить живое дело Кирова.

Киров и после смерти живет. Он живет в огромном деле социалистического строительства, в которое он так много внес. Он живет в сознании каждого трудящегося, продолжающего дело Кирова. Не только люди, воспитанные Кировым, но даже вещи, созданные под его руководством, продолжают дело Кирова. Во всех городах и деревнях Союза работают созданные кировским Ленинградом тракторы, блюминги, электропечи, текстильные машины, лино типы, электрокраны. Под руководством преданных социалистическому строительству людей они продолжают дело Кирова. И бессилен подлый револьверный выстрел врага рабочего класса остановить это дело.

В ответ на этот выстрел еще напряженнее работают трудящиеся над созданием социализма, быстрее вертятся станки, быстрее бежит ток по электропроводам, напряженнее работают домны...

Мобилизованы люди, и люди мобилизуют машины.

Город Ленина, Ленинградская область преобразились под руководством Кирова. Велики заслуги города Ленина перед Союзом, велики его заслуги в деле социалистического строительства.

«Особенно велики заслуги города Ленина в постановке новых производств и освоении новой техники. Тракторное производство, турбогенераторное строение, дизелестроение, блюминги, машинные детали, мощные кабели, текстильные, обувные, полиграфические машины и др., — вот важнейшие завоевания ленинградской промышленности, ведущие к освобождению

СССР от иностранной зависимости, к ускорению темпов социалистической индустриализации»¹.

Кировский Ленинград был застрельщиком развертывания социалистического соревнования. Он был родиной многих новых форм социалистической организации труда. На заводе им. Карла Маркса зародился встречный план.

Далекий север, угрюмый, молчаливый север под руководством Кирова заговорил на твердом, чеканном языке социалистического строительства. Он заговорил громким говором машин, впервые проникших в нелюдимую тундру. Он заговорил голосами новых городов.

В Хибиногорской тундре, которую Киров называл «краем непуганных птиц», выросли рудники, шахты, фабрики, вырос город, живущий напряженной производственной жизнью. По всему северу идет строительство, одно за другим вступают в строй большевистской работы новые производства, тысячами нитей связанные со всей жизнью великого Советского союза.

Бурные воды севера одеваются в бетон и гранит и свою мощную энергию отдают социалистическому строительству.

Даже ветер севера, движущийся со скоростью 30—50 километров в час, перестает быть вольным ветром и включается в дело социалистического строительства. Создаются станции, использующие голубую энергию ветра.

Хибиногорск, по праву переименованный в Кировск, созданный заново Мурманск, мощный Туломстрой, возникший на месте села Мурмаши, состоявшего из одной деревянной избышки, Беломорстрой и т. д. и т. д., — все говорит о проснувшемся севере. Его разбудили ленинградские большевики под руководством т. Кирова, ученика и соратника гениального вожда международного пролетариата т. Сталина.

Тов. Киров убит.

Вся страна встретила эту весть огромным возмущением и требует беспощадной расправы с подлыми убийцами и их вдохновителями. Подлые убийцы, подонки бывшей антипартийной зиновьевской группировки, контрреволюционеры, стремившиеся внести замешательство в ряды строителей социализма, стремившиеся вместе с белобандитами свергнуть советскую власть, искавшие помощи у интервентов, — ошиблись. Вся страна продолжает дело Кирова. Она его доведет до конца. Порукой этому весь прошлый путь ее, ее большевистская решимость пройти его до конца. Порукой этому мощь Страны советов, ее трудящиеся, ее испытанный в боях за социализм рабочий класс, его авангард — коммунистическая партия, руководимая ленинским ЦК во главе с гениальным командармом этой огромной и мощной армии т. Сталиным.

Страна советов продолжает дело т. Кирова.

¹ Резолюция по докладу т. Кирова на IV объединенной областной и городской конференции ВКП(б).

К итогам ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)

Решения ноябрьского пленума ЦК имеют огромное политическое и хозяйственное значение. Не только широкие массы трудящихся нашей страны, но и трудящиеся всех стран с огромным удовлетворением встретят эти решения как новое свидетельство растущей мощи Советского союза, как яркий показатель успехов, которых добилась наша партия на путях развертывания большевистского наступления по всему фронту социалистического строительства.

Резолюции по двум основным вопросам, стоявшим на повестке дня пленума — об отмене карточной системы и о работе политотделов, — отражают в значительной мере всю работу партии за последние годы и в первую очередь итоги социалистической реконструкции сельского хозяйства. Особенно здесь отражены итоги 1933—1934 гг., т. е. тех двух лет, которые являются для сельского хозяйства первыми годами после завершения реорганизационного периода в сельском хозяйстве: «1933 год — первый год после окончания реорганизационного периода — является переломным годом в развитии зерновых и технических культур» (С т а л и н). 1934 г. характеризуется дальнейшим подъемом сельского хозяйства, дальнейшими успехами в области политического и организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Если в период до 1933 г. сельское хозяйство переживало «не столько период быстрого подъема и мощного разбега, сколько период создания предпосылок для этого подъема, для этого разбега в ближайшем будущем» (С т а л и н), то первые два года второй пятилетки являлись по линии сельского хозяйства годами начала мощного разбега, подъема социалистического земледелия. Ярким выражением этого подъема является успех хлебозаготовок и рост хлебных ресурсов в руках пролетарского государства.

Резолюция об отмене карточной системы в свою очередь подводит итоги работы партии в течение ряда лет по подготовке предпосылок для отмены карточной системы и перехода на рельсы развернутой советской торговли. Мы имеем определенное единство в постановке обоих вопросов на ноябрьском пленуме. Политотделы представляют собою чрезвычайную организационную форму по линии сельского хозяйства, по линии нашей деревенской работы. Те успехи, которые одержаны партией по линии сельского хозяйства, в значительной мере одержаны при помощи той чрезвычайной формы организации нашей политической работы в деревне, которой являлись

политотделы. При помощи этой чрезвычайной формы организации партия добилась положительных результатов в области сельского хозяйства, что в свою очередь позволяет сейчас отказаться и от такой временной, чрезвычайной формы организации распределения, каковой являлась карточная система, система рационирования. Решение ноябрьского пленума ЦК об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам подводит решающую черту той системе рационирования, которая сложилась за последние 6—7 лет.

Введение карточной системы в 1928/29 году, т. е. в первом году пятилетки, было осуществлено не в обстановке падения, а в обстановке мощного подъема производительных сил и в первую очередь гигантского роста нашей промышленности. Система рационирования была введена в период, когда сельское хозяйство и в частности зерновое производство находились на низком уровне, когда предложение хлеба далеко не покрывало спроса на него, бурно выросшего в процессе индустриализации страны. «Почему мы ввели карточную систему 6 лет тому назад? — Потому что мы хотели обеспечить осуществление политики быстрой индустриализации нашей страны, обеспечить принятые партией темпы индустриализации, обеспечить, несмотря на крайнюю отсталость нашего сельского хозяйства того времени» (М о л о т о в, Доклад на ноябрьском пленуме ЦК). Ограниченность хлебных ресурсов в руках пролетарского государства в тот период была непосредственно обусловлена социальной структурой хлебного производства, развернутый анализ которой был дан т. Сталиным в его беседе со слушателями ИКП «На хлебном фронте».

В этот период в деревне преобладало мелкое и мельчайшее индивидуальное крестьянское хозяйство, которое давало 74% всего товарного хлеба. Довольно значительные позиции в этот период принадлежали кулацким элементам, которые прибегли к хлебной стачке и пытались использовать хлебные затруднения для срыва хозяйственной политики советской власти. Совхозы и колхозы давали в этот период лишь 6% товарного хлеба. В этих условиях хлебные ресурсы в руках государства были весьма ограниченными и составляли к моменту введения карточной системы 650 млн. пудов. Хлебная стачка кулачества в деревне сопровождалась взлетом базарных цен на хлеб. Разрыв цен обобщественной и базарной торговли все более и более обострялся. В обстановке ограниченности ресурсов для снабжения в руках государства и резких разрывов цен обобщественной и частной торговли сохранение свободной торговли хлебом означало бы, во-первых, быстрое разбазаривание и исчерпание государственных фондов; во-вторых, это означало бы, что разницу между ценами обобщественной и частной торговли клали бы себе в карман: в городе — частный торговец, а в деревне — кулак, т. е. мы

имели бы такое перераспределение народного дохода, которое шло бы во вред социалистическому строительству. В обстановке товарного дефицита и обостренной классово-борьбы экономическая политика пролетарской диктатуры должна была провести такие мероприятия, которые парализовали бы эти отрицательные тенденции. В этих условиях единственно правильной формой организации снабжения и явилась карточная система по хлебу, а затем и по другим продуктам.

Карточная система сыграла огромную положительную роль, активно содействуя осуществлению проводимой партией политики быстрой индустриализации Советского союза, закрепления коллективизации сельского хозяйства. Она обеспечивала в первую очередь снабжение хлебом — этим важнейшим, политического значения товаром, под углом зрения первоочередного обслуживания решающих участков социалистического строительства, важнейших категорий населения. Она обеспечивала бесперебойное снабжение городских и промышленных центров, новостроек, а также специализированных с.-х. районов, производящих сырье для легкой промышленности. При этом снабжение хлебом рабочих и сдатчиков с.-х. сырья осуществлялось по твердым низким государственным ценам в период, когда базарные цены были весьма высоки. Карточная система оберегала бюджет рабочего от непомерно возрастающих цен вольного рынка. Несмотря на ряд отрицательных сторон для народного хозяйства, связанных с карточной системой, последняя была совершенно необходима в конкретной исторической обстановке последних 6—7 лет. Карточная система явилась мощным орудием в руках пролетарской диктатуры в деле успешного осуществления великих задач социалистической реконструкции народного хозяйства. «Несмотря на то, что период, о котором идет речь, был периодом громадного роста городов и все растущих заготовок технических культур в деревне, нам удалось удержать на должном уровне снабжение рабочих центров и обеспечить снабжение хлебом районов технических культур, дающих сырье для промышленности» (М о л о т о в, Доклад на ноябрьском пленуме ЦК).

Огромное положительное значение карточной системы ярко сформулировано в решениях ноябрьского пленума ЦК. Только благодаря системе нормированного снабжения «государство при ограниченности своих ресурсов могло полностью обеспечить снабжение городов и промышленных районов, могло обеспечить преимущественное снабжение наиболее важных центров и ударников на производстве и вместе с тем обеспечить снабжение хлебом по твердым государственным ценам сдатчиков с.-х. сырья» (из резолюции ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы).

За истекшие 6—7 лет коренным образом изменилась экономическая и политическая обстановка в стране. За этот период достигнуты круп-

ные успехи в деле индустриализации страны. Создана мощная тяжелая индустрия, способная осуществить техническую реконструкцию всех отраслей народного хозяйства. Создана мощная техническая база крупного социалистического земледелия. Завершена в решающей части социалистическая реконструкция сельского хозяйства. Создан колхозный строй в деревне. Советская страна из страны самого отсталого, раздробленного, мелкого и мельчайшего сельского хозяйства превратилась под руководством партии и ее вождя т. Сталина в страну самого крупного и технически вооруженного сельского хозяйства. Ленинская проблема «кто—кого» полностью разрешена не только в городе, но и в деревне. Достигнуты решающие успехи в деревне — ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

В период реорганизации сельского хозяйства колхозы не могли сразу обеспечить того роста продукции, который бы в достаточной мере удовлетворял потребности. Сейчас реорганизационный период в сельском хозяйстве завершен, самая трудная крестьянско-колхозная проблема решена, партия добилась значительных успехов в деле политического и организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Сельское хозяйство уже стало на путь быстрого подъема.

То обстоятельство, что уже на второй год после завершения реорганизационного периода в сельском хозяйстве пролетарское государство сумело сконцентрировать в своих руках мощные хлебные ресурсы, достаточные для бесперебойного снабжения населения посредством открытой торговли, выражает торжество проводимой нашей партией и вождем т. Сталиным ленинской политики индустриализации нашей страны, социалистической реконструкции сельского хозяйства, широкого строительства колхозов и совхозов, политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Таким образом коренное изменение базы для снабжения населения с.-х. товарами привело к росту ресурсов в руках государства. Давая характеристику базы для развертывания товарооборота на данном этапе, т. Сталин в докладе на январском (1933 г.) пленуме ЦК подчеркнул, что «мы имеем теперь довольно развитую государственную промышленность и целую систему колхозов и совхозов, обеспечивающих государству громадные ресурсы сельскохозяйственных и промышленных товаров для разворота советской торговли» (Сталин, Итоги первой пятилетки; подчеркнуто нами — *Ред.*).

В условиях коренного изменения базы снабжения хлебом, «когда господствующее положение в сельском хозяйстве заняли колхозы и совхозы и когда мы уже добились их значительного организационно-хозяйственного укрепления» (из резолюции ноябрьского пленума ЦК), резко возросли хлебные ресурсы государства. Если в условиях ограниченности хлебных ресурсов в руках государства карточная система являлась «важнейшим условием улучшения снабжения рабочих», то на данном этапе, когда положение коренным образом изменилось,

карточная система «может быть лишь тормозом в улучшении снабжения», поскольку она сковывает товарооборот. Партия вводила карточную систему как временную меру, как чрезвычайную форму организации снабжения населения, вызванную обстановкой товарного дефицита в условиях обостренной классово-борьбы в стране.

Система рациионирования, брониования и отоваривания заготовок характеризуется целым рядом отрицательных моментов по линии товарооборота, которые сказываются во всех отраслях и областях народнохозяйственной жизни. Карточная система, брониование и отоваривание ведут к замораживанию товарооборота, к известной его бюрократизации, к распространению методов механического распределения, к обезличенному подходу к потребителю и ухудшению качества его обслуживания.

Обстановка двойных цен, связанная с системой нормирования, подталкивала развитие спекуляции и вела к разбазариванию хлеба, создавая особую категорию продавцов — продавцов своих собственных пайков.

Вместе с тем карточная система и отоваривание в известной мере подрывали значение рубля в выполнении его основных важнейших функций и ослабляли значение контроля рублем над производством и обращением товаров.

Несмотря на огромное значение карточной системы в период 1928—1934 гг., партия и правительство уделяли в этот период, а особенно с 1931 г., исключительное внимание развертыванию товарооборота, развитию торговли. Первым крупным мероприятием в деле ограничения круга нормируемых товаров и усиления борьбы с методами механического распределения явилось майское (1931 г.) обращение ЦК и Совнаркома. Майским обращением было резко сокращено брониование и нормирование промтоваров (нормирование было временно сохранено лишь по трем остро дефицитным группам товаров) и со всей остротой поставлена задача ликвидации механического распределения и развертывания советской торговли. Майским обращением во всей широте была поставлена задача всемерного развертывания государственной и кооперативной торговой сети как необходимого условия развертывания советского товарооборота. Эти же моменты нашли отражение в решениях последующих октябрьского (1931 г.) и сентябрьского (1932 г.) пленумов ЦК ВКП(б). Задача подготовки условий для отмены нормирования и перехода от централизованного распределения к развертыванию советской торговли была с большой остротой поставлена в решениях XVII партийной конференции и подтверждена в решениях XVII партийного съезда.

По инициативе т. Сталина увеличивается программа производства товаров ширпотреба, усиливается борьба за повышение доли рыноч-

ных фондов, широко разворачивается сеть государственных коммерческих магазинов, неуклонно повышается удельный вес открытой торговли, развивается колхозная торговля. Понижается под воздействием государственной коммерческой торговли уровень базарных цен, сближаются цены нормированной и коммерческой торговли.

Если в 1931 г. был сделан первый крупный шаг в деле ограничения круга нормируемых промышленных товаров, ширпотреба, то в апреле 1932 г. постановлением партии и правительства был сделан второй крупный шаг в деле решительного сокращения круга нормируемых продовольственных товаров. Круг последних был сокращен с 13 до 6 товаров (хлеб, крупа, мясо, сахар, жиры, сельди), каковой круг нормируемых продовольственных товаров сохранился до последнего времени.

Все эти мероприятия сыграли крупную роль в подготовке отмены карточной системы. Таким образом решение ноябрьского пленума ЦК об отмене карточной системы является одним из важнейших и решающих звеньев в цепи мероприятий, проводимых партией на путях перехода к развернутой советской торговле.

Значение отмены карточной системы отнюдь не ограничивается, как подчеркнул т. Молотов, задачей дальнейшего улучшения снабжения. Она отразится на всех отраслях и областях народного хозяйства, скажется на всей экономической жизни СССР.

Какие же стороны народнохозяйственной жизни затрагиваются решениями об отмене карточной системы? Прежде всего отмена карточной системы играет исключительную роль с точки зрения подготовки условий для общей отмены нормирования и для полного перехода к развертыванию советской торговли. Как подчеркнул т. Молотов в своем докладе на ноябрьском пленуме ЦК, мы начинаем с отмены нормирования по хлебу, муке, крупе. Однако это означает в то же время начало отмены карточной системы по всем продуктам. Отмена карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам означает устранение тех элементов бюрократизации, которые неизбежны в условиях нормирования. Отмена карточной системы по хлебу наносит удар системе механического распределения в одной из важнейших областей товарооборота, что означает новый крупный шаг на пути устранения механического распределения централизованных фондов. Переход на рельсы открытой торговли означает ускорение товарооборота и в то же время возможность более широкого привлечения дополнительных местных ресурсов для развертывания товарооборота. Установление единой цены на хлеб означает установление более твердой базы для всего народнохозяйственного планирования и усиливает значение контроля рублем — основы управления нашим хозяйством и планирования. Отмена карточной системы означает далее создание новых стимулов для производства технических культур, а

также для развития животноводства. Устранение обстановки, вызывавшейся разрывом цен на хлеб, — в условиях снижения базарных цен на хлеб, муку, отруби, овес, — будет благоприятствовать использованию части хлебных излишков внутри хозяйства, будет способствовать развитию животноводства. Отмена отоваривания хлеба, заготовок технических культур и замена его широкой открытой торговлей хлебом на селе означают улучшение обслуживания сельского потребителя.

С другой стороны, повышение заготовительных цен означает усиление стимулов к расширению производства технических культур.

Отмена карточной системы и отоваривания сыграет положительную роль в деле укрепления союза рабочих и крестьян, укрепления товарной смычки между ними.

Переход к широкой открытой торговле хлебом по единой цене в обстановке, когда имеется возможность дополнительного снижения хлебных цен в дальнейшем, а также снижения цен на промтовары, создаст «благоприятные условия для дальнейшего роста благосостояния рабочих и крестьянских масс» (из резолюции ноябрьского пленума).

Отмена карточной системы подсекает экономическую базу для развития спекуляции хлебом и в то же время устраняет экономический стимул существования такого рода продавцов хлеба на советском рынке, как продавцы своего собственного пайкового хлеба, что вело к разбазариванию хлеба, с одной стороны, и к спекуляции хлебом — с другой.

Ликвидация множественности цен и карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам имеет огромное значение с точки зрения устранения уравниловки в оплате труда. Если денежная заработная плата в основном строилась по принципу оплаты по количеству и качеству труда, то пайковая система включала в себя элементы уравниловки и обезлички в оплате труда. С отменой карточной системы по хлебу резко увеличивается роль денежной заработной платы. Этим самым устраняются элементы уравниловки в оплате труда.

Отмена карточной системы вместе с тем имеет огромное значение в деле повышения качества обслуживания потребителя. В условиях карточной системы многие работники торгового аппарата привыкли работать автоматически, не видя живого потребителя, имея дело в основном с обезличенным держателем карточки, и оперировали частенько «средневзвешенными» потребностями абстрактного человека. Отмена карточек потребует от торговых организаций гибкого маневрирования товарными массами, расширения торговой сети и нового ее размещения в соответствии с реальным спросом. Создается обстановка, которая будет значительно больше, чем раньше, стимулировать

повышение качества работы, изучение потребительского спроса и уважение к потребителю, к его запросам.

Установление единой цены на уровне, значительно более низком по сравнению с коммерческой ценой на хлеб, является фактором снижения общего уровня розничных цен в стране. В то же время повышение цен по сравнению с нормированными ценами на хлеб, которые, как подчеркнул т. Молотов, давно оторвались от рынка, полностью компенсируется для рабочих и служащих соответственным повышением заработной платы, а для сдатчиков с.-х. сырья — соответственным повышением заготовительных цен.

Снижение уровня коммерческих цен на хлеб при переходе к единой цене имеет огромное значение с точки зрения его воздействия на уровень базарных колхозных цен в сторону их снижения. Снижение цен на хлеб, муку, крупу несомненно скажется и на понижении уровня цен других товаров.

Наконец отмена карточной системы имеет исключительное значение для укрепления советского рубля, для системы советского денежного обращения, поскольку создаются условия для успешного выполнения советским рублем основных важнейших его функций (функций контроля над мерой труда и мерой потребления, функций орудия всеобщего учета, важнейшего рычага хозрасчета, орудия обращения и т. д.).

Реализация решений ноябрьского пленума ЦК не может быть осуществлена самотеком, а требует упорной, кропотливой работы. Необходима перестройка методов и системы работы торгующих организаций в соответствии с создающейся новой обстановкой. Значительные изменения должны произойти в системе планирования и регулирования торговли. Роль планирования особенно возрастает в новых условиях. Однако формы и методы его должны быть значительно изменены. Значительно повышается удельный вес методов экономического регулирования, которое все больше становится орудием осуществления народнохозяйственного плана.

Своевременное проведение подготовительной работы для перехода к открытой торговле хлебом должно обеспечить такую реализацию перехода к бескарточной торговле, когда население сразу почувствовало бы весь положительный эффект этой реформы. Наличие очередей с первых же дней означало бы подрыв того огромного положительного значения, которое имеет отмена карточной системы. В то же время наличие очередей будет являться экономическим стимулом для существования в дальнейшем спекуляции хлебом. Отсюда огромное политическое значение борьбы с очередями, борьбы за правильную организацию торговой сети. Классово враждебные элементы постараются приложить все усилия для того, чтобы помешать успешному осуществлению отмены карточной системы. Отсюда вытекает

необходимость повышения классовой бдительности на этом важнейшем участке классовой борьбы.

О необходимости повышения классовой бдительности нам недавно напомнил выстрел убийцы, подосланного «агентами классовых врагов, подлыми подонками бывшей зиновьевской антипартийной группы», выстрел, убивший т. Кирова и вызвавший гулкое эхо возмущения и протеста во всей стране.

Если отмена карточной системы подготовлена успехами партии на всех участках советского строительства и особенно в сельском хозяйстве, то и решения ноябрьского пленума ЦК о политотделах непосредственно обусловлены успехами в деле укрепления колхозного строя, которые достигнуты в упорной борьбе с классово враждебными элементами. Политотделы были организованы в соответствии с решениями январского (1933 г.) пленума ЦК и явились острым оружием партии в борьбе с классово враждебными элементами в деревне, за организационное и хозяйственное укрепление колхозов и совхозов. Партия рассматривала создание политотделов как временную меру, как чрезвычайную форму организации нашей политической работы в деревне. Опираясь на силу и авторитет партии, политотделы проделали огромную положительную работу по устранению тех крупных недостатков нашей партийной работы в деревне, о которых говорил т. Сталин в своей речи о работе в деревне на январском (1933 г.) пленуме ЦК, и добились значительных результатов в деле продвижения отсталого участка социалистического строительства—сельского хозяйства—вперед. Именно на основе этих успехов на ноябрьском пленуме ЦК и был поставлен вопрос о преобразовании политотделов.

В решениях XVII съезда партии и в частности в новом уставе партии, принятом на XVII съезде, Центральному комитету было предоставлено право «создавать политические отделы на отстающих участках социалистического строительства, приобретающих особо важное значение для народного хозяйства и страны в целом, а также по мере выполнения политотделами своих ударных задач превращать их в обычные партийные органы, построенные по производственно-территориальному признаку».

В настоящее время задачи партийной работы в деревне значительно усложнились. Политотделы занимались преимущественно вопросами производства. В настоящее время партийная работа в деревне должна охватить и политическую, и хозяйственную, и культурно-бытовую работу, для чего требуется укрепление нормальных партийных и советских органов. Этим и вызвано постановление ноябрьского пленума ЦК о преобразовании политотделов МТС в обычные партийные органы.

Решения ноябрьского пленума ЦК об отмене карточной системы

по хлебу и некоторым другим продуктам и о преобразовании политотделов МТС являются новым показателем роста силы Советского союза, показателем новых успехов строительства социализма в нашей стране. Таким же ярким показателем успехов партии является и досрочное выполнение нашей черной металлургией 10-миллионной программы выплавки чугуна. Это означает, что Советский союз стал первой страной в Европе по производству чугуна, что является одним из основных показателей индустриализации страны.

Всесторонняя реализация решений ноябрьского пленума ЦК должна обеспечить новые победы социализма в нашей стране, должна обеспечить успешное осуществление великого плана работ второй пятилетки.

Сдвиги в отраслевой структуре промышленности СССР

I

Социалистическому обществу в отличие от капиталистического свойственны свои особые принципы распределения общественного труда между отдельными секторами народного хозяйства и между отдельными отраслями внутри этих секторов.

При капиталистическом способе производства распределение капиталов между отдельными отраслями определяется их стремлением к высшей норме прибыли. Под действием слепого закона стоимости как единственного регулятора развития капиталистической системы совершается в капиталистических странах столь же слепое с точки зрения всего процесса общественного воспроизводства перекачивание, перераспределение капиталов. «Конкуренция... — указывает Маркс, — распределяет общественный капитал между различными сферами производства»¹.

Это стихийное установление структуры капиталистической промышленности означает невозможность обеспечения пропорциональности капиталистического производства.

Производственные связи между отдельными отраслями производства устанавливаются помимо сознательного воздействия и установления этих связей и общего контроля над процессом производства. В силу указанных моментов в основе развития капиталистического производства лежит его диспропорциональность; пропорциональность же выступает из этого постоянного развития и смены диспропорциональностей лишь как частный момент.

«Когда говорят, — указывал Маркс, — что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это не означает ничего иного, кроме того, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства выступает из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь взаимная связь всего производства навязывается лицам, действующим в производстве, как слепой закон, а не как закон, который, будучи постигнут их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняет их общему контролю процесс производства»².

Снятие закона стоимости для нашей экономики означает и коренное изменение принципов распределения труда между отдельными отраслями сферы производства. Впервые в истории человечества с захватом пролетариатом основных командных высот экономики открывается возмож-

¹ Маркс. Капитал, т. III, ч. I, изд. 1930 г., стр. 125.

² Там же, стр. 194—195.

ность планирования соотношений между отраслями, т. е. планирования структуры как всего народного хозяйства, так в частности и промышленности.

Это огромнейшее преимущество социалистической системы хозяйства, вытекающее из планового ее характера, единодушно отрицалось всеми буржуазными экономистами, в том числе и вредителями Громаном, Базаровым, Гинзбургом и др.

Пропорции довоенной экономики рассматривались и провозглашались как единственные определяющие возможность бескризисного развития нашей страны, как врожденные, имманентно присущие нашей экономике.

Рассматривая соотношение между товарными продуктами промышленности и сельского хозяйства, сложившееся в 1913 г., как 63 к 37, Громан всячески предостерегал от каких бы то ни было попыток изменить это соотношение.

«Всякое нарушение соотношения 63 : 37, — писал Громан, — грозит самыми ужасными последствиями, ибо равновесие есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований».

По существу отрицал возможность сознательного изменения структуры экономики и Бухарин, выдвигая в качестве внеисторического, всеобщего и вечного регулятора развития всех общественных формаций, включая и социалистическую, пресловутый «закон трудовых затрат».

Нет надобности сейчас доказывать всю теоретическую нищету и подлинную подоплеку подобных теорий. Фактическое развитие нашей экономики блестяще практически доказало возможность коренного преобразования и социальной и экономической структуры нашей страны.

Чем же, на основе каких принципов определяется структура нашей промышленности?

Исходным, отправным моментом при определении структурных сдвигов во всем народном хозяйстве и в частности в промышленности, равно как и при планировании всех остальных показателей нашего развития, является целевая установка плана. Исходя из конечной цели нашего строительства—построения социализма, учитывая соотношение классовых сил внутри страны и достигнутый уровень развития производительных сил, учитывая далее внешнюю обстановку нашего развития,—партия определяет основные, ведущие задачи, которые подлежат разрешению в планируемый период. Эти узловыи важнейшие задачи планируемого периода, составляющие общую целевую установку плана, определяют необходимость соответствующего изменения структуры нашего хозяйства и в первую очередь структуры промышленности как ведущего звена всего нашего развития. Мы говорим—необходимость, потому что экономическая структура хозяйства и отдельных его секторов не есть нечто внешнее, случайное для социальной сущности данного хозяйства.

Наоборот, каждому общественному способу производства соответствует определенная, ему присущая экономическая структура народного хозяйства. Социалистическое общество будет отличаться от капитали-

стического не только более высоким уровнем развития производительных сил, но и иной их структурой.

Переделывая экономику нашей страны в социалистическом направлении, мы одновременно изменяем и структуру нашей экономики, создавая новый характер, новый тип производительных сил.

Построение новой системы соотношений и производственных связей между отраслями промышленности представляет собой одну из важнейших экономических задач пролетарской диктатуры. Из сказанного явствует, что проблема планирования структуры народного хозяйства, в частности, проблема планирования структуры промышленности представляет, во-первых, неотъемлемую, во-вторых, важнейшую часть общего процесса планирования.

Следует указать далее, что планирование структуры промышленности не может происходить без учета тех сдвигов, которые намечаются в структуре всего народного хозяйства. Более того, определение структурных сдвигов внутри промышленности должно исходить и исходит из изменения роли и значения промышленности в реконструкции народного хозяйства на том или ином этапе нашего развития. Именно задачи нашего строительства в целом определяют место и значение промышленности в разрешении конкретных задач планирования производства и именно в соответствии с теми требованиями, которые предъявит промышленности целевая установка плана, должны планироваться сдвиги внутри промышленности.

Намечая определенные сдвиги в структуре промышленности, мы должны рассматривать промышленность как систему отраслей, взаимосвязанных друг с другом. Ставя перед собой задачу изменения прежней пропорциональности с целью создания такой системы отраслей, которая соответствовала бы социалистическому типу производства, мы вовсе не ставим перед собой задачу уничтожения всякой пропорциональности между отдельными отраслями. Наоборот, только плановая система хозяйства дает возможность заранее намечать и устанавливать определенные соотношения между отраслями, используя для этого метод построения материальных балансов. Определяя в отдельных материальных балансах (балансы металла, топлива, стройматериалов и т. д.) не только источники покрытия, но и распределение того или иного продукта, сопоставляя и корректируя далее отдельные материальные балансы как с точки зрения их соответствия друг другу, так и их соответствия каждого в отдельности и в комплексе целевой установке плана, мы тем самым устанавливаем желаемый объем и характер производственных связей между отраслями и необходимые пропорциональные соотношения в их развитии.

Следует особо подчеркнуть, что метод материальных балансов ни в коем случае не может рассматриваться как метод равнения на «узкие места» или как метод установления каких-то раз навсегда застывших неизменных пропорциональных соотношений между отраслями.

Наоборот, разработка материальных балансов, выявляя отдельные небалансирующиеся элементы, направляется в сторону необходимого в интересах всего народнохозяйственного плана подтягивания от-

стающих участков. Разработка материальных балансов и их взаимосвязка являются таким образом методом планирования межотраслевого оборота, соответствующего общей идее плана и обеспечения определенной пропорциональности между отраслями в процессе изменения их удельных весов в структуре.

Рычагом изменения структуры промышленности являются темпы развития отдельных подразделений промышленности. Поскольку в наших условиях все отрасли промышленности получают те или иные темпы прироста, постольку изменение в структуре промышленности может произойти за счет различия в поступательных темпах развития отдельных отраслей. При этом очевидно общий средний темп прироста (исчисляемый как средний взвешенный арифметический) и будет той границей, которая будет отделять отрасли, повышающие свой удельный вес в случае, если их темп роста выше этого среднего, от отраслей, понижающих свой удельный вес в случае, если их темп роста ниже общего среднего.

Это обстоятельство устанавливает неразрывную связь между планированием структуры и планированием темпов отдельных отраслей, определяющих общую структуру целого. Темпы развития и изменения структуры представляют собой таким образом функционально зависимые процессы, взаимно обуславливающие друг друга. Задача изменения структуры требует различных темпов роста, равно как и различные темпы роста должны изменить структуру.

Установив связь между изменением структуры и темпами развития, нам предстоит разрешить вопрос, чем определяются различия в темпах развития, даваемых отдельным отраслям. Совершенно очевидно, что в наших условиях различные темпы развития, придаваемые отдельным отраслям, определяются той ролью, тем значением, которое имеют эти отрасли в разрешении конкретных задач социалистического строительства, стоящих перед нами на каждом отдельном этапе.

С точки зрения конечных целей нашего строительства ведущую роль на всех этапах его играет тяжелая индустрия, в частности машиностроение. Общеизвестны указания Ленина и Сталина на значение тяжелой индустрии и машиностроения для построения социализма и создания технического уровня, адекватного социалистическому способу производства. Именно тяжелая индустрия и высокоразвитое машиностроение представляют собой ту базу, которая дает возможность внедрить новейшую технику во все отрасли хозяйства и перевооружить их на этой основе. Одновременно развитие тяжелой индустрии означает и усиление позиций социалистического сектора в классовой борьбе.

Рост тяжелой индустрии, в частности машиностроения, означает создание материальной базы для ликвидации капиталистических элементов не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Однако из того обстоятельства, что в процессе расширенного социалистического воспроизводства машиностроение выступает как ведущая отрасль народного хозяйства, еще не следует, что на всех этапах нашего строительства мы должны были и могли давать наиболее высокие по сравнению с другими отраслями темпы развития именно машиностроения.

Модификация общей задачи нашего строительства в ряде конкретных задач, учитывающих своеобразие этапов нашего развития, со-

ответствие методов достижения конечной цели этому своеобразию, наконец уровень развития отдельных отраслей,—все это определяло необходимость на тот или иной промежуток времени придания более убыстренных темпов развития различным отраслям промышленности.

Темпы развития отраслей и сдвиги в структуре промышленности определялись таким образом задачами отдельных этапов нашего строительства, что обязывает нас рассмотреть структурные сдвиги в промышленности в разрезе отдельных этапов.

II

Структура промышленности довоенной России отражала техническую отсталость и аграрный характер довоенной экономики. Легкая промышленность занимала преобладающее место. По последним исчислениям ЦУНХУ (см. сборник «Социалистическое строительство СССР», изд. ЦУНХУ, 1934 г.), на долю легкой индустрии приходилось в 1913 г. 58,2% всей промышленной продукции. На одну лишь текстильную и пищевую отрасли приходилось более половины всей продукции промышленного производства: из 10 251 млн. руб. на текстильную промышленность падало 2 886 млн. руб., пищевую—2 722 млн. руб.

С другой стороны, удельный вес решающих, важнейших отраслей промышленности был исключительно низким. Так, на долю машиностроения приходилось всего 6,9% промышленной продукции, на выработку электроэнергии—0,45%, на долю электротехники—0,8%.

Таким образом решающие отрасли народного хозяйства имели в довоенной промышленности ничтожный удельный вес.

Годы империалистической и гражданской войн коренным образом изменили структуру промышленности. Общее снижение промышленного уровня, достигшее в 1920 г. своей крайней точки (13,8% от 1913 г.) значительно варьировалось между отдельными отраслями.

По данным отчета ВСНХ IX съезду советов, выпуск продукции в 1920 г. по сравнению с 1913 г. по отдельным отраслям промышленности составлял:

В % к 1913 г.	В % к 1913 г.
Нефть 42,5	Серная кислота 9,0
Кожа 38,0	Сахар 6,7
Льняная пряжа 38,0	Электромашины и аппараты сильного тока 5,4
Шерстяная пряжа 27,5	Хлопчатобумажная пряжа 5,1
Соль 30,0	Азотная кислота 4,4
Уголь 26,0	Вагоны 4,2
Бумага и картон 25,0	Цемент 3,0
Паровозы 14,8	Чугун 2,2
Плуги 13,3	

В соответствии с уровнем падения отдельных отраслей произошли за этот период и изменения в структуре промышленности. Резкое снижение удельного веса важнейших отраслей машиностроения, металлургии, производства цемента рисует тяжелое положение, в котором оказалась наша страна к окончанию периода военного коммунизма.

Глубокая хозяйственная разруха, усугублявшаяся обострением положения в деревне, выдвинула перед партией две основных задачи:

быстрейшее форсированное восстановление нормальной хозяйственной жизни и установление развернутого товарооборота между городом и деревней.

В соответствии с этими задачами IX съезд партии, собравшийся в апреле 1920 г., устанавливает следующую последовательность в развертывании отдельных отраслей промышленности.

«В соответствии с глубиной хозяйственной разрухи и прямым обнищанием страны хозяйственный план естественно распадается на ряд последовательных, друг друга обуславливающих коренных задач:

а) в первую голову улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимейших запасов хлеба, топлива и сырья;

б) машиностроение на транспорт и на добычу топлива, сырья и хлеба;

в) усиленное развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления;

г) усиленное производство продуктов массового потребления»³.

Дальнейшие партийные решения в области хозяйства исходили из этих указаний, особенно подчеркивая необходимость форсированного развития предметов широкого потребления.

Так, майская конференция партии в 1921 г. указывает на необходимость «пересмотра (в известной части) производственных программ крупной промышленности в направлении усиления производства предметов широкого потребления и крестьянского обихода».

В соответствии с этими указаниями партии в первые годы нэпа отрасли легкой индустрии и выработка орудий производства для сельского хозяйства развивались весьма высокими темпами.

Так например, хлопчатобумажная промышленность дала в 1921 г. годовой прирост в 58,7%, в 1922 г.—144,2%, в 1923 г.—45%, в 1924 г.—55,2%, в 1925 г.—73,9% и т. д. Производство борон за четыре года (1920—1924) возросло более чем в двадцать раз. Резко возросло за эти годы и производство сеялок, жаток и косилок, стекла, цемента, сахара и других продуктов товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством.

Предпринятые партией мероприятия в указанном направлении привели к быстрому преодолению топливного кризиса, восстановлению нормальной работы транспорта и широкому развертыванию товарооборота.

Этому способствовало и то обстоятельство, что, как мы уже указывали, топливная промышленность, а также большинство отраслей легкой индустрии пострадали от империалистической и гражданской войн меньше, чем остальные отрасли индустрии.

С успехами легкой индустрии, топливной промышленности и транспорта партия получила возможность перейти к подъему черной металлургии.

Рассмотрение соотношения уровней развития отдельных отраслей промышленности в 1923/24 г. с уровнем 1913 г. показало значительное отставание черной металлургии. Быстрейший подъем металлургии выдвигался как важнейшая задача хозяйственной политики.

«В области поднятия государственной промышленности, — указывал XIII съезд партии, — важнейшей задачей наступающего периода является поднятие металлургии. После того как обеспечено дело с

³ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов», ч. 1, стр. 387.

топливом, как поднят транспорт, как сдвинута денежная реформа,— очередь за металлом. Наладить производство средств производства внутри Союза означает создать действительно прочную базу для социалистического хозяйства и в значительной степени освободить себя от необходимости передачи больших заказов за границу»⁴.

Наряду с необходимостью подтянуть черную металлургию выявилась необходимость и форсирования развития электрификации для создания мощной энергетической базы, опираясь на которую можно было бы начать развернутую индустриализацию страны.

Тот же XIII съезд партии «поручает ЦК уделять делу электрификации СССР еще больше внимания, чем до сих пор, дабы сделать все возможное для проведения в жизнь всего плана электрификационных работ, имеющих такое громадное значение для упрочения нашего хозяйства и тем самым — для упрочения социализма»⁵.

Одновременно с ростом нашей промышленности в последние годы восстановительного периода, а затем с окончанием восстановительного периода партия все больше и больше внимания уделяет машиностроению со всеми его подразделениями.

Еще на XIV съезде партии (в декабре 1925 г.) Сталин дал блестящее обоснование необходимости развивать ускоренными темпами машиностроение вообще, в частности наиболее сложное подразделение машиностроения — производство машин для производства машин.

Директива XIV съезда партии об индустриализации страны определила ускорение темпов развития машиностроения. При этом в соответствии с необходимостью подготовить соответствующую материальную базу для приступа к коренному преобразованию социального и технического уклада в сельском хозяйстве более убыстренные темпы партия обеспечивала в эти годы именно сельскохозяйственному машиностроению.

Так, в 1926 г. сельхозмашиностроение дало прирост примерно в 80%, в 1927 г. — 41,1%, в 1928 г. — 35,0% и т. д., что значительно превышало средние темпы прироста промышленности в целом. Неуклонное повышение удельного веса сельхозмашиностроения в структуре промышленности представляет собой несомненно одну из наиболее ярких черт развития промышленности в первые годы реконструктивного периода.

Быстрее средних темпов росли за эти годы и некоторые другие подразделения металлообрабатывающей промышленности, а также выработка электроэнергии.

Благодаря этому уже к началу первой пятилетки в структуре нашей промышленности по сравнению со структурой довоенной промышленности произошли довольно заметные сдвиги в сторону тяжелой индустрии. Если в 1913 г. на металлургическую и металлообрабатывающую промышленность, включая электротехнику, приходилось 16,2% всей продукции, то в 1928 г. эти отрасли дали уже 19,6% промышленной продукции. Удельный вес выработки энергии электростанциями, составивший в 1913 г. 0,4% всей продукции, достиг в 1928 г. 1,1%.

⁴ «ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов», ч. 2, стр. 42

⁵ Там же,

При всем этом однако группа «Б» продолжала оставаться преобладающей (хотя и несколько снизила свой удельный вес против 1913 г.), и решительное изменение довоенной структуры промышленности еще предстояло произвести.

III

Со вступлением страны в реконструктивный период роль и значение тяжелой индустрии и в особенности ведущего ее звена — машиностроения — резко возросли.

К началу первой пятилетки страна накопила уже достаточно сил, чтобы приступить за осуществление наиболее сложных задач социалистического строительства — ликвидацию капиталистических элементов в деревне на базе коллективизации и машинной техники и техническую перестройку всего народного хозяйства.

Утверждая пятилетний план, партия видела основную задачу пятилетнего плана «в том, чтобы перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой — на рельсы новой современной техники... в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство — на базе социализма» (С т а л и н).

Эти целевые установки первого пятилетнего плана предопределили необходимость значительного изменения структуры нашей промышленности.

При этом со вступлением в реконструктивный период проблема изменения структуры промышленности приобрела иной характер, чем в период восстановительный.

Прежде всего установление новой структуры, которая соответствовала бы высокоразвитой технически передовой промышленности, способной реорганизовать все народное хозяйство, требовало не только изменения соотношения между ранее входившими в промышленность отраслями, но и включения в структуру промышленности ряда новых, сложнейших производств, до сего непоставленных в СССР.

Характерным для структуры дореволюционной промышленности России было отсутствие в ней многих важнейших отраслей промышленности. Ассортимент промышленной продукции России ярко выявлял экономический зависимый характер ее развития: ответственной и сложнейших отраслей современной промышленности не значилось в промышленном ассортименте царской России.

Стремление обеспечить экономическую независимость нашей страны настоятельно диктовало необходимость постановки у нас большого количества новых отраслей. Именно эти новые отрасли должны были занять и, как известно, в результате выполнения первой пятилетки заняли подобающее им место в структуре промышленности; именно эти новые отрасли несли с собой новую высокую технику, способствовали перевооружению на новой технической основе всей промышленности и всех остальных отраслей народного хозяйства.

Автостроение, тракторо- и комбайностроение, самолетостроение, сложное станкостроение, производство всех видов оборудования для металлургии, угольной, нефтяной и других отраслей самой промышленности, производство мощных энергетических агрегатов, основные

подразделения химии и т. д., — все эти основные отрасли являются детищами первой пятилетки. Этот процесс создания новых отраслей определял основное направление преобразования структуры и технического облика всей промышленности в первой пятилетке.

Для показа огромного преобразования структуры промышленности СССР за эти годы укажем лишь несколько фактов.

До 1931 г. турбогенераторов мощностью в 24 тыс. кВт и выше мы не изготовляли, за 1931 и 1932 гг. мы выпустили 29 таких турбогенераторов. До 1931 г. мы не умели изготовлять блюмингов и электроприводов к ним, в 1931 г. мы выпускаем первый советский блюминг с электроприводом, а в 1932 г. выпускаем еще 2 блюминга с приводами. Сложные комбинированные станки типа Краузе мы впервые осваиваем производством в 1931 г., а в 1932 г. выпускаем уже 30 таких станков.

В последние годы пятилетки мы впервые начали выпускать сверхмощные товарные паровозы серии «ФД» и пассажирские паровозы серии «ИС», электровозы, мотовозы, саморазгружающиеся вагоны и т. д. и т. д.

Развитие перечисленных выше новых отраслей промышленности потребовало в свою очередь организации ряда смежных производств и изменения ассортимента продукции старых отраслей. Так, самолетостроение, автостроение и другие новые отрасли вызвали потребность в постановке и соответствующем развитии производств высококачественных сталей и легких сплавов, лакокрасочной промышленности, особых видов стекла, развития резиновой промышленности, сложнейших оптико-механических и точнейших контрольно-измерительных приборов цветной металлургии, производства шарикоподшипников и т. д.

Таким образом организация новых отраслей промышленности внесла коренные изменения как в отраслевую структуру всей промышленности, так и во внутреннюю структуру отдельных ее отраслей.

Если развитие новых отраслей представляет первую характерную особенность структурных сдвигов за первую пятилетку, то второй характерной особенностью этих сдвигов является охват ими самого производственного аппарата. До реконструктивного периода изменения в структуре промышленной продукции достигались главным образом за счет большей или меньшей загрузки старого производственного аппарата и не обуславливались значительными изменениями в структуре основных фондов.

Со вступлением же страны в реконструктивный период положение изменилось. Уже к началу 1926 г. стала очевидной необходимость быстрого расширения основных фондов промышленности для обеспечения ее дальнейшего роста. В решениях XIV съезда партии (декабрь 1925 г.), апрельского пленума ЦК партии 1926 г. и XV партконференции (октябрь—ноябрь 1926 г.) весьма заострился вопрос о новом промышленном строительстве.

XV партконференция дала и общее указание, в каком направлении должны расширяться основные фонды нашей промышленности.

«...Предпосылкой дальнейшего роста промышленности, — читаем мы в резолюции XV конференции, — является расширение основного капитала. Все усилия партии и Советского государства должны быть,

в первую очередь направлены на обеспечение такого расширения основного капитала, которое обуславливало бы постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе...»⁶.

В соответствии с этим партия и распределяла капитальные вложения с таким расчетом, чтобы быстрее создавались и росли основные фонды в наиболее важных и ведущих отраслях промышленности. Тем самым сложившаяся ранее структура основных фондов подвергалась решительному изменению.

Ясно, что рост новых производственных мощностей и изменение их структуры становились все более и более существенным источником ускорения темпов отдельных отраслей и изменения структуры продукции нашей промышленности.

То обстоятельство, что первая пятилетка внесла коренные изменения не только в структуру промышленной продукции, но и в структуру самого производственного аппарата промышленности, определило и третью характерную особенность структурных сдвигов за этот период. Эта особенность заключается в том, что отрасли, повышавшие свой удельный вес в промышленной структуре, являлись как в отношении уровня обобществления труда, так и в отношении технического наиболее совершенными и передовыми в нашей промышленности.

Новые отрасли промышленности по степени концентрации производства, по уровню электрификации и автоматизации производственных процессов, по высоте технической организации всего производства, наконец по уровню производительности труда далеко обогнали средний технический уровень нашей промышленности. Повышение удельного веса этих отраслей при одновременной технической реконструкции старых отраслей означало поэтому подъем вверх общего технического уровня промышленности и перемещение центра тяжести в технической структуре промышленности к новым отраслям.

Таким образом за первую пятилетку структурные сдвиги в промышленности глубоко преобразовали ее, превратив ее в передовую, мощную отрасль народного хозяйства.

Подробное представление об изменении структуры промышленности как по валовой продукции, так и по основным фондам за период первой пятилетки и в сравнении с 1913 г. дает таблица на стр. 11.

Направление сдвигов ярко выявляет мощное развертывание индустриализации страны на основе переделки дореволюционной структуры промышленности и ее технического уровня.

IV

Выполнение задач первой пятилетки — превращение нашей страны в передовую индустриальную, значительное укрепление обороноспособности — завершение в основном ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации — позволило партии наметить на вторую пятилетку еще более высокие задачи.

Вторая пятилетка, как известно, будет пятилеткой построения социалистического общества, завершения технической реконструкции

⁶ «ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч. 2, стр. 280.

Структура промышленности СССР (в % к итогу)⁷

Наименование отраслей	По валовой продукции			По основн. фондам	
	1913 г.	1928 г.	1932 г.	на 1/X 1928 г.	на 1/1 1933 г.
Вся промышленность	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Группа «А»	42,0	41,5	53,3	58,0	71,9
Группа «Б»	58,0	55,5	46,7	42,0	28,1
Электростанции	0,4	1,1	1,9	7,1	8,8
Топливная	8,1	7,7	7,1	10,9	11,0
В том числе:					
Каменноугольная	3,0	2,4	1,8	3,8	4,2
Торфяная	0,2	0,4	0,5	0,7	0,9
Металлическая	16,2	19,6	30,0	25,1	31,8
В том числе:					
Металлургия черная	нет свед.	4,7	3,7	6,8	6,9
» цветная	нет свед.	1,4	1,3	1,4	2,5
Металлообработывающая	11,1	13,5	25,0	16,8	22,4
В том числе:					
Машиностроение	6,8	10,8	21,0	нет свед.	нет свед.
Сельхозмашиностроение	0,5	0,9	1,2	1,1	1,3
Тракторостроение	—	0,04	0,8	} 0,2	2,1
Автостроение	—	0,1	0,9		
Электротехника	0,8	1,3	3,3	1,3	1,4
Основная химия	0,8	0,6	0,8	1,2	2,3
Стройматериалы	1,6	1,6	1,6	2,3	4,0
Текстильная	28,3	24,8	13,2	19,5	10,9
Трикотажная	0,2	1,2	1,7	0,5	0,6
Пищевая	26,7	22,4	16,6	15,3	11,7

всего народного хозяйства и решительного подъема материально-культурного уровня жизни трудящихся.

Эти установки второго пятилетнего плана выдвигают в области хозяйственного строительства три основные задачи:

«Первой узловой хозяйственной задачей второй пятилетки является полное преодоление отставания транспорта и прежде всего усиление железнодорожного транспорта, ибо это отставание транспорта начинает уже сейчас тормозить дальнейшее развитие народного хозяйства.

Второй узловой хозяйственной задачей второй пятилетки является подтягивание в кратчайший срок некоторых отстающих звеньев внутри тяжелой промышленности.

Третьей узловой задачей второй пятилетки является усиление и укрепление базы коренного улучшения материального благосостояния трудящихся и развертывание товарооборота между городом и деревней»⁸.

Разрешение этих задач потребовало прежде всего изменения соотношения между тяжелой и легкой индустрией. И действительно вторая пятилетка меняет соотношение между темпами развития группы «А» и группы «Б» Если в первую пятилетку тяжелая индустрия

⁷ Таблица составлена нами по данным ЦУНХУ. См. сб. «Социалистическое строительство СССР», изд. 1934 г.

⁸ Стенографический отчет XVII партсъезда (доклад т. Куйбышева), стр. 382—383.

стрия развилась быстрее легкой, го во вторую пятилетку легкая индустрия будет развиваться быстрее тяжелой. При среднегодовом темпе роста продукции всей промышленности во второй пятилетке в 16,5%, а крупной промышленности — 17,5%, для гр. «Б» запроектирован среднегодовой прирост в 18,5% против 14,5%, запроектированных для гр. «А».

В результате подобных темпов развития удельный вес гр. «Б» достигнет в 1937 г. 50,9%, тогда как в 1932 г. он составлял 46,7%. Соответственно доля гр. «А» понизится с 53,3% до 49,1%⁹.

Задача решительного улучшения ассортимента выпускаемых предметов широкого потребления диктует необходимость во второй пятилетке изменить и производственную структуру отраслей гр. «Б».

По текстильной промышленности например повышается удельный вес льняных и шерстяных тканей, а также трикотажа.

	В %-м отношении к условному м ²	
	1932 г.	1937 г.
Хлопчатобумажные ткани	80,1	67,0
Льняные ткани	5,4	10,9
Шерстяные ткани	5,2	5,6
Шелковые ткани	1,0	1,1
<hr/>		
Всего тканей	91,7	84,6
Всего трикотажа	8,3	15,4
Всего текстильных изделий	100,0	100,0

Серьезные сдвиги в сторону улучшения ассортимента намечаются также в пищевой промышленности, в структуре которой к концу второй пятилетки повысится удельный вес жиров при общем улучшении качества всей продукции.

Наряду с количественным ростом легкой индустрии (гр. «Б») второй пятилетний план намечает и значительное техническое перевооружение ее. Последнее находит свое выражение в частности в росте удельного веса гр. «Б» в общей сумме капитальных вложений с 14,1% за первую пятилетку до 23,2% во второй пятилетке и в усилении машиноснабжения отраслей легкой промышленности.

Изменение соотношения между легкой и тяжелой промышленностью является основной характерной чертой структурных сдвигов в промышленности за пятилетку. Однако только этим сдвигом, разумеется, далеко не исчерпываются все структурные изменения, намечаемые на вторую пятилетку.

Задачи пятилетки вызвали необходимость изменения и характера развития тяжелой индустрии. Характерным для развития промышленности во второй пятилетке становится тот момент, что если в первой пятилетке тяжелая промышленность в значительной степени работала на самую себя, то во второй пятилетке тяжелая промышленность в значительно большей мере будет работать на другие секторы народного хозяйства (сельское хозяйство и транспорт).

⁹ Все данные по второй пятилетке здесь и далее взяты из «Второго пятилетнего плана», изд. Госплана СССР.

Совершенно справедливо указывал на это обстоятельство т. Пятаков, выступая на XVII съезде партии.

«...В первой пятилетке, пятилетке построения основной базы социализма, тяжелая промышленность была вынуждена работать в значительной мере на себя. Конечно нельзя это понимать в абсолютном смысле — так, что тяжелая промышленность работала исключительно и только на себя. Преобразующая роль тяжелой промышленности выявилась уже и в первом пятилетии. Огромная работа по техническому перевооружению сельского хозяйства и обороны страны уже проводилась тяжелой промышленностью особенно во второй половине первой пятилетки. Тем не менее огромная часть работы в первой пятилетке шла еще на себя.

Во второй пятилетке тяжелая промышленность имеет возможность в значительной мере пойти навстречу нуждам других отраслей народного хозяйства, и в этом состоит главная, коренная задача тяжелой промышленности во втором пятилетии: сочетать дальнейший разворот собственного производственного технического аппарата со все более и более широким обслуживанием других отраслей народного хозяйства, разворачивающихся во вторую пятилетку значительно больше, чем в первую...»¹⁰.

Таким образом целевая установка второго пятилетнего плана изменяет не только соотношение между тяжелой и легкой индустрией в сторону повышения удельного веса второй, но и изменяет внутреннюю структуру тяжелой индустрии.

Наиболее общий сдвиг внутри тяжелой индустрии характеризуется повышением удельного веса добывающей и сырьевой промышленности за счет снижения удельного веса обрабатывающей промышленности. Так, если все машиностроение и металлообработка должны будут дать за вторую пятилетку среднегодовой прирост в 15,7%, каменноугольная промышленность должна будет дать 18,7% среднего прироста, добыча железной руды—23,1%, добыча марганцевой руды—26,5%, черная металлургия в целом—22%, цветная металлургия—23% и т. д. Довольно значительно повышает во второй пятилетке свой удельный вес и химическая промышленность, в особенности основная химия, что прямым образом связано с установками второго пятилетнего плана на повышение урожайности в сельском хозяйстве и на завершение технической реконструкции всего народного хозяйства, одним из существеннейших элементов которой (реконструкции) является химизация.

Ускорением темпов развития топливной, металлургической и химической отраслей будет преодолено отставание этих участков и выравнен общий индустриальный фронт.

Переходя далее к разбору изменения структуры самого машиностроения, легко установить, что в полном соответствии с основным замыслом второго пятилетнего плана именно те подразделения машиностроения, которые создают базу для реконструкции сельского хозяйства, транспорта, легкой индустрии и наиболее ответственных отраслей тяжелой индустрии, получают наибольшие темпы роста. Авто-тракторная промышленность к примеру получает средний годовой прирост в 33,1%, транспортное машинострое-

¹⁰ Из выступления т. Пятакова на XVII партсъезде.

ние—в 25,8%, текстильное машиностроение—в 42,2%, станкоинструментальная промышленность—в 27,4%, что на много превышает не только темпы, намеченные для всей металлообрабатывающей промышленности, но и превышает темпы, намеченные для всей промышленности в целом.

В итоге внутренняя структура машиностроения значительно изменяется.

	1932 г. (в % к итогу)	1937 г.
Машиностроение и металлообработка НКТП	100,0	100,0
В том числе:		
Авто-тракторная промышленность	7,9	15,2
Транспортное машиностроение, включая электровозостроение и судостроение	10,7	15,9
Оборудование для легкой и пищевой промышленности	1,7	3,2

Подводя итоги всему сказанному, мы можем указать на 4 основные линии, определяющие направление структурных сдвигов во второй пятилетке:

а) внутри всей промышленности — увеличение удельного веса легкой индустрии;

б) внутри легкой промышленности — увеличение удельного веса более ценных в качественном отношении продуктов;

в) внутри тяжелой промышленности — увеличение удельного веса добывающих и сырьевых отраслей, а также химической промышленности;

г) внутри машиностроения — повышение удельного веса подразделений, обслуживающих транспорт, сельское хозяйство и легкую индустрию.

V

Истекшие два года второй пятилетки дают возможность подвести уже некоторые итоги в изменении структуры промышленности.

Уже в 1933 г. мы имели довольно большие успехи нашего транспортного машиностроения. Еще большие победы одержало транспортное машиностроение в 1934 г. Производство паровозов за первые 9 мес. 1934 г. составило 121,6% по отношению к соответствующему периоду 1933 г.; производство товарных вагонов увеличилось за этот же период на 64,0%. Поскольку эти темпы оказались на много выше средних темпов роста всей промышленности в целом, совершенно очевидно, что удельный вес транспортного машиностроения за 1933 и 1934 гг. весьма повысился.

Более высокими темпами, чем средние, для всей промышленности развивалось и производство тракторов. Так, за 1933 г. прирост производства тракторов против 1932 г. составил 54%; прирост производства за первые 9 мес. 1934 г. составил 31,2%.

За истекшие годы второй пятилетки мы сделали также довольно существенные шаги в деле реализации задачи повышения удельного веса отраслей добывающей и сырьевой промышленности.

В первую голову здесь следует отметить успехи черной металлур-

гии. Уже в 1933 г. в черной металлургии наметился некоторый пере-лом к лучшему. В 1934 г. черная металлургия впервые за последние годы сумела дать весьма высокие темпы роста, далеко оставляющие позади средний прирост промышленности в целом. За первые 9 мес. 1934 г. производство металла выросло на 49,7% против соответствующего периода 1933 г., выплавка стали — на 42,6%, выпуск проката — на 37,0%. Уже сейчас очевидно, что годовой план будет черной металлургией даже несколько перевыполнен.

Значительные успехи, хотя и меньшие, чем в металлургии, характерны и для топливной промышленности. Каменноугольная промышленность дала в 1933 г. прирост в 19% против прироста по всей промышленности в 9,1%; стало быть, уже в 1933 г. удельный вес каменноугольной промышленности несколько повысился. В 1934 г. продолжается дальнейшее возрастание удельного веса угольной промышленности. За три квартала 1934 г. добыча угля дала прирост в 24,8%.

Следует отметить также большие достижения пищевой промышленности, которая за три квартала 1934 г. дала прирост продукции в 24,5% против плана прироста на весь год в 22,1%.

Эти достижения пищевой промышленности однако не изменили еще соотношения между гр. «Б» и «А». Если в структуре тяжелой индустрии с точки зрения соотношения обрабатывающей и добывающей промышленности, если, далее, в структуре машиностроения с точки зрения роста отраслей, обслуживающих транспорт, сельское хозяйство и легкую индустрию, уже в первые два года пятилетки осуществлены крупные сдвиги, то в изменении соотношения между тяжелой и легкой индустрией в сторону увеличения удельного веса легкой индустрии за 1933 и 1934 гг. решающие сдвиги еще не начались.

Совершенно понятно, что убыстренное развертывание отраслей легкой индустрии должно следовать за развертыванием соответствующих отраслей машиностроения. Вот почему в годовых планах 1933 и 1934 гг. сдвиг в сторону увеличения удельного веса легкой индустрии не намечался и убыстренные темпы роста легкой индустрии еще предстоят в последующие годы второй пятилетки.

VI

Рассмотрение этапов развития нашей промышленности показало нам, что отраслевая структура нашей промышленности действительно перестраивалась в соответствии с задачами отдельных этапов. Это изменение структуры промышленности имело огромное значение для общего развертывания социалистического строительства.

Ведущая роль промышленности обуславливала решающее значение ее структуры для всего процесса воспроизводства в СССР.

Так, изменение структуры промышленности в сторону усиления отраслей, производящих средства производства, дало возможность партии с переходом к реконструктивному периоду дополнить потребительскую смычку города и деревни производственной смычкой, тем самым расширив и углубив оборот между промышленностью и сельским хозяйством. В свою очередь техническое перевооружение сельского хозяйства явилось составной и важнейшей частью общего плана социалистической переделки мелкотоварного сектора в деревне и ликвидации кулачества как класса.

Изменение отраслевой структуры промышленности неразрывным образом связано с повышением удельного веса промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства. Высокие темпы роста, которые были характерны для нашей промышленности не только в период восстановительный, но и в период реконструктивный, не могли бы быть осуществлены без развертывания собственной машиностроительной базы и резкого повышения удельного веса тяжелой индустрии.

Таким образом процесс социалистической индустриализации нашей страны вызывал в первой пятилетке три основных сдвига в нашей экономике, концентрированно включающих один в другой: внутри валовой продукции всего народного хозяйства происходило повышение удельного веса промышленности, внутри промышленности происходило повышение удельного веса тяжелой индустрии, внутри тяжелой индустрии происходило повышение удельного веса машиностроения.

Осуществление этих сдвигов в первой пятилетке обеспечило превращение нашей страны из отсталой, аграрной в передовую, мощную, индустриальную страну.

По структуре нашей промышленности мы приблизились к промышленной структуре передовых капиталистических стран, а по удельному весу машиностроения обогнали уже все страны.

В Германии например, удельный вес производства средств производства равнялся в 1931 г. 45,2%, в Англии в 1924 г. он составлял 54%. Удельный вес машиностроения в общей промышленной продукции составлял в Германии в 1927-28 г. 10,8%, в США в 1929 г.—17,2%, в Англии в 1930 г.—13,8%, тогда как удельный вес машиностроения у нас составлял в 1932 г. 21,0%.

Осуществление структурных сдвигов в промышленности во второй пятилетке обеспечит решительный подъем материально-бытового уровня жизни трудящихся, завершение технической реконструкции всего народного хозяйства и создание единоукладного социалистического общества.

К концу второй пятилетки мы будем иметь гармоническое развитие всех отраслей промышленности, базирующихся на самой совершенной и высокой технической основе и устанавливающих новый тип, новую систему производственных связей между отраслями. Разрывы в технических уровнях легкой и тяжелой индустрии, обрабатывающих и добывающих отраслей, новых и старых отраслей, присущие капиталистической промышленности и вытекающие из неравномерности развития техники и экономики в условиях капитализма, будут преодолены в нашей промышленности во второй пятилетке. Перевооружение всех отраслей нашей промышленности на высокой технической основе будет означать выход СССР на первое место в Европе и второе место в мире не только по объему продукции, но и по техническому уровню.

Техническая и отраслевая структура промышленности СССР станет к 1937 г. вполне соответствующей стране социализма.

Оборотный металл в черной металлургии *

Значение и интерес проблемы оборотного металла¹ двоякие. Вопрос об оборотном металле является, с одной стороны, важнейшей практической проблемой для нашего хозяйства, проблемой чрезвычайно новой и почти совершенно неисследованной. Уяснение сложных процессов образования ресурсов оборотного металла, его специфичности среди других видов металлургического сырья, анализ конкретных перспектив, открывающихся в результате его наиболее рационального использования, представляют поэтому величайший интерес для нашей промышленности. С другой стороны, осмысливание проблемы оборотного металла наталкивает на целый ряд серьезнейших и важнейших теоретических вопросов. Образование ресурсов оборотного металла при капитализме теснейшим образом связано с динамикой производственного аппарата и с неизбежностью отражает таким образом наиболее глубокие процессы, происходящие в экономике этой системы. Именно поэтому значение оборотного металла далеко выходит за рамки одной лишь практической проблемы, представляя существеннейший теоретический интерес.

Специфические особенности металла, в частности возможность использовать отработанный металл и его отходы в качестве полноценного металлургического сырья, создали новую сырьевую базу для развития металлургии в виде оборотного металла. Накопление оборотного металла в свою очередь вызвало к жизни господствующий в настоящее время в металлургии капиталистических стран и СССР технологический процесс—мартенование. Ибо мартеновская печь первоначально была изобретена именно в качестве аппарата для переработки лома, накапливавшегося по мере промышленного развития и не имевшего быть использованным в конверторах.

Роль оборотного металла в качестве сырьевого ресурса капиталистической металлургии чрезвычайно велика.

По данным шведского исследователя De Geer, удельный вес лома составлял в 1927 г. 32,1% всей выплавки стали². Эта цифра

* Статья представляет собой часть работы, подготовленной авторами в Институте промышленно-экономических исследований НКТП СССР.

¹ Под «оборотным металлом» мы понимаем как текущие отходы металлургии и металлообработки, так и возвраты старого железа. Зачастую оборотный металл называется ломом. Это обозначение недостаточно точно. Однако для краткости мы в дальнейшем также иногда пользуемся термином «лом» именно в таком распространительном толковании. Здесь мы касаемся исключительно вопроса об оборотном металле в черной металлургии. Проблема оборотных цветных металлов имеет самостоятельный характер и должна явиться предметом особого исследования.

² Удельный вес лома был выведен De Geer из разницы между производством стали, к которому были прибавлены цифры угара и потерь металла, с одной стороны, и про-

является однако несколько преуменьшенной. По нашим исчислениям⁸ (см. таблицы № 1 и 2), удельный вес лома в докризисном 1928 г. составил 42% мировой выплавки стали и 56% мирового мартеновского производства.

В кризисные годы, когда потребление лома в связи с резким падением цен на него сильно возросло, удельный вес лома увеличился еще более, составив в 1932 г. 45% мировой выплавки стали и 64,5% мирового мартеновского производства.

Таблица № 1

Удельный вес лома в выплавке стали

Страны	1929 г.			1932 г.		
	выплавка стали	металл. шихта (чугун + лом)	в том числе лом	выплавка стали	металл. шихта (чугун + лом)	в том числе лом
США	57 335	64 421	29 075	13 899	15 617	8 205
Англия	9 790	10 770	5 441	5 500	6 650	3 657
Германия	16 246	17 785	6 785	5 770	6 284	2 789
Франция	9 699	10 770	2 636	5 604	6 168	1 672
СССР	2 209	2 452	1 889	1 463	1 624	204
Бельгия	4 110	4 618	503	2 809	3 118	343
Люксембург	2 702	2 999	140	1 956	2 172	217
Италия	2 132	2 345	1 686	1 296	1 536	1 142
Польша	1 376	1 527	970	564	620	436
Швеция	730	810	445	528	581	290
Япония	2 343	2 577	1 300	2 360	2 596	1 817
Итого	108 672	121 074	50 870	41 849	46 466	20 772
Удельн. вес лома в метал. шихте			42,0			44,7

Из цифр, приведенных в табл. № 1 и 2, виден громадный удельный вес лома в капиталистической промышленности, который может быть проиллюстрирован также сопоставлением общего потребления передельного чугуна и лома на тонну готовой продукции капиталистической металлургии. В таблице № 3 (см. стр. 20) нами взяты итоговые данные производства проката, потребления лома и чугуна для крупнейших металлургических стран мира. Из этой таблицы видно, что

изготовлением передельного чугуна, к которому в свою очередь были прибавлены цифры непосредственного участия руды в мартеновском процессе (4% мартеновской стали — эта цифра преувеличена) — с другой.

Де Бегг принял, что угар и потери при конверторном процессе составляют 12% и в мартеновском процессе 8% выплавки, причем для простоты расчета пудлинговая сталь была им прибавлена к конверторной, а тигельная и электросталь — к мартеновской.

⁸ Методология наших исчислений следующая. Взятые цифры общей выплавки стали с надбавкой 11% на угар и потери металла при разливке для одиннадцати крупнейших металлургических стран, удельный вес которых в мировом металлургическом производстве до кризиса составлял около 90%. Путем сопоставления этих данных с выплавкой передельного чугуна по этим странам с поправкой на внешнюю торговлю получен удельный вес лома в мировом (условно его можно считать мировым) сталелитейном производстве. В мартеновском производстве потребление лома получено из разницы между производством мартеновской стали плюс угар и потери (10%) и потреблением чугуна в мартеновском процессе. Для некоторых стран цифры передельного и мартеновского чугуна получены расчетным путем.

общее потребление лома приближается в этих странах к потреблению передельного чугуна (в 1929 г. было потреблено 45 млн. т лома и 65 млн. т передельного чугуна) и что расход лома на тонну готовой продукции составляет в мировой металлургии 0,63 т по сравнению с 0,86 т, которые падают на передельный чугун. Необходимо отметить, что и передельный чугун частично производится в капиталистических странах из лома, удельный которого в доменном производстве (об этом ниже) после войны сильно возрос⁴.

Таблица № 2

Удельный вес лома в мартеновском производстве

Страны	1929 г.			1932 г.		
	выплавка стали	металл. шихта (чугун + лом)	в том числе лом	выплавка стали	металл. шихта (чугун + лом)	в том числе лом
США ⁵	46 119	51 819	27 599	20 315	22 826	14 340
Англия	9 026	9 929	5 187	5 113	5 624	3 543
Германия	8 333	9 166	6 197	3 679	4 047	2 620
Франция	2 630	2 934	2 247	1 550	1 780	1 369
СССР	529	582	436	368	405	304
Бельгия	400	440	330	280	308	231
Люксембург	23	25	18	2	2	2
Италия	1 879	2 066	1 440	1 186	1 305	932
Польша	1 328	1 461	922	527	581	418
Швеция	496	546	265	350	385	142
Япония	2 297	2 527	1 250	2 288	2 517	1 750
Итого	73 059	81 495	45 891	35 658	39 780	25 651
Удельн. вес лома в метал. шихте			56,3			64,5

Приведенные цифры позволяют определенно утверждать, что оборотный металл в настоящее время является наряду с железной рудой основным сырьем капиталистической металлургии. Этот факт объясняется:

1) широким развитием мартеновского процесса производства стали, позволяющим массовое использование оборотного металла;

⁴ При сопоставлении потребления лома и чугуна нужно иметь в виду, что в отличие от возвратов старого железа текущие отходы (в особенности отходы металлургии) в течение года многократно обрабатываются. С этой точки зрения казалось бы более правильным говорить не об удельном весе всего оборотного металла в выплавке стали (часть которой в течение года также многократно обрабатывается в виде отходов от проката), а об удельном весе возвратов старого железа в производстве проката. Практически однако такой расчет невозможен, так как мировая статистика нигде не дает разбивки оборотного металла на «амортизационный» лом и на текущие отходы. Ориентировочно можно считать, что возвраты старого железа в передовых капиталистических странах составляют 55—60% всего потребления оборотного металла. Их удельный вес в производстве проката таким образом составил бы в этих странах примерно 30—35%. Однако с точки зрения самой металлургии совершенно закономерным является выявление роли всего оборотного металла в сталелитейной промышленности. Это связано с тем, что в металлургии как возвраты старого железа, так и текущие отходы являются одинаковыми видами нового сырья, на которые одинаково необходимо затрачивать дополнительное топливо, труд и т. д. Поэтому суммарное сопоставление потребленного лома и чугуна и выявление удельного веса всего оборотного металла являются методологически оправданными.

⁵ Без стали, выплаваемой дуплекспроцессом,

Таблица № 3

Страны	Производство проката	Потребл. перемельного чугуна	Потребление лома	Потребл. чугуна на 1 т проката	Потребл. лома на 1 т проката
США	41 726	35 687	26 954	0,855	0,645
Германия	11 292	11 017	6 768	0,976	0,599
Англия	7 747	4 587	6 109	0,592	0,788
Франция	6 908	8 334	2 431	1,207	0,292
Бельгия	3 122	4 041	521	1,294	0,166
Япония	1 891	1 120	1 480	0,593	0,782
Польша	962	517	1 011	0,537	1,050
Итого	73 648	65 303	45 274	0,886	0,614

2) наличием в передовых капиталистических странах значительных ресурсов оборотного металла;

3) эффективностью оборотного металла в качестве металлургического сырья и

4) наличием в передовых капиталистических странах мощной отрасли промышленности, занятой подготовкой и переработкой лома.

Широкое развитие мартеновского процесса является основой высокого удельного веса лома в капиталистической металлургии. В первый период своего появления мартеновская печь играла лишь сравнительно скромную роль в мировой выплавке стали. Это было связано с тем, что начальный период развития капиталистической металлургии проходил под знаком удовлетворения спроса на металл со стороны железных дорог, которые явились первым потребителем массовой металлургической продукции. Спрос же со стороны железных дорог было выгоднее удовлетворять, производя сталь в конверторах, которые отличаются большей производительностью и меньшими издержками производства по сравнению с мартеновской печью. Однако по мере роста машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, а также по мере перехода железных дорог на тяжелые стандарты рельсов (с повышенным содержанием углерода) в капиталистических странах все более возрастала потребность в качественном металле. Эта потребность не могла быть удовлетворена массовым, дешевым металлом, который дает конверторный процесс. Мартеновская печь может давать сталь любого качества и, как оказалось, может работать на самом разнообразном сырье—на одном ломе (как она работала первоначально), на чугуне самого различного химического состава, на смеси лома и чугуна. Работа мартеновских печей оказывается наиболее эффективной именно при работе на смеси лома и чугуна. Это не только расширяет сырьевую базу мартенования, но дает ему также в условиях частых конъюнктурных колебаний капитализма лишние преимущества перед конвертированием, которое неразрывно связано с доменным процессом и ориентируется только на чугун. В целом рост потребления качественного металла обуславливает наряду с чрезвычайной гибкостью мартеновского производственного аппарата широкое развитие во всем мире мартеновского процесса производства стали. Рост мартеновского

процесса в свою очередь влечет за собой громадное увеличение роли оборотного металла в качестве сырьевого ресурса металлургии. Если первоначально оборотный металл занимал лишь весьма скромное место в мировой выплавке стали (в 1900 г.—5—6%), то в 1929 г. его удельный вес увеличился, как мы видели выше, до 42% этой выплавки.

Наличие в передовых капиталистических странах больших ресурсов оборотного металла является важным фактором, объясняющим высокий удельный вес лома в качестве сырьевого ресурса металлургии. Эти большие ресурсы оборотного металла являются естественным результатом высокой и старой индустриализации передовых капиталистических стран и наличия вследствие этого накопленных запасов старого железа. Практически ресурсы оборотного металла в таких странах, как США или Германия, очень велики, и механизма цен, определяемого движением цикла, достаточно для того, чтобы увеличить или уменьшить выход лома. Это обстоятельство конечно сильно облегчает использование лома.

Наконец эффективность оборотного металла в качестве мартеновского сырья также в значительной мере объясняет его высокий удельный вес в капиталистической металлургии. Оборотный металл прежде всего является сырьем, значительно более дешевым, чем чугун, так как расходы по сборке и переработке лома не могут быть сравнены с теми затратами, которые необходимы для производства чугуна. Кроме того оборотный металл, если он не загрязнен и достаточно плотен, не только не является суррогатом чугуна в шихте мартенов, но, наоборот, сильно увеличивает производительность последних по сравнению с их работой на чугуне. Этот факт косвенным путем подтверждается тем положением, что лучшее в мире по качественным показателям своей работы мартеновское производство Германии работает с очень высоким содержанием лома (до 70%) в своей шихте. Помимо этого более высокая производительность мартеновских печей при работе на высоком проценте лома подтверждается также некоторыми литературными данными. Опытные плавки, произведенные в 1929 г. на заводе «Julienhütte» в Силезии на предмет установления оптимального соотношения между ломом и чугуном в шихте мартеновских печей, показали, что производительность мартеновских печей при прочих равных условиях является максимальной при содержании лома, равном 70—80% шихты при работе на твердом чугуне и 60—70% при работе на жидком чугуне. Далее производительность возрастает на 40% при содержании лома в шихте, равном 50% по сравнению с его содержанием, равным 35—40%, как это видно из таблицы № 4 (стр. 22).

Если даже считать эти данные с точки зрения заводской практики несколько преувеличенными, то они все же свидетельствуют о высокой эффективности оборотного металла в качестве сырья для мартеновских печей, эффективности, которая впрочем легко объяснима чисто техническими моментами. Переделка чугуна в сталь в мартеновских печах, когда печи работают на твердом чугуне, заключается в расплавлении чугуна и в процессе удаления из расплавленного чугуна ненужных примесей. Когда печи работают на жидком чугуне, то расплавление отпадает, но остается длительный процесс удаления

Таблица № 4

Содерж. в шихте (в %)		Производительность печи (в тоннах в час)			
чугуна	лома	при жидкой завалке		при твердой завалке	
		в тоннах	в % макс.	в тоннах	в % макс.
0	100	6,5	57,0	6,5	70,7
10	90	9,6	86,8	8,5	92,3
20	80	10,9	95,7	9,2	100,0
30	70	11,4	100,0	9,0	97,8
40	60	11,3	99,2	8,6	93,4
50	50	10,7	93,9	7,7	83,7
60	40	8,8	77,2	6,6	71,7

примесей (чугун содержит железо в размере 92—93%). При получении стали из стального лома процесс удаления примесей отпадает совершенно, так как лом содержит 100% железа. Поэтому, когда мартеновские печи работают на хорошем, плотном ломе, незагрязненном и не дающем чрезмерного угара, то их производительность естественно возрастает.

Нужно подчеркнуть, что далеко не весь оборотный металл сразу получается в таком виде, что он непосредственно является наиболее эффективным сырьем для мартенов. Хороший, плотный лом дает транспорт, который покрывает вообще примерно половину всего покупного лома, возвраты старого железа ряда отраслей народного хозяйства (строительство, некоторые отрасли машиностроения), отходы от проката (концы, обрезки и т. д.). Однако и этот лом, для того чтобы быть использованным в мартеновских печах, чаще всего нуждается в предварительной разделке, так как его размеры не соответствуют тем, которые необходимы для загрузки в мартеновскую печь. Большое же количество оборотного металла получается в таком виде, что он нуждается в переработке для того, чтобы стать полноценным сырьем мартенов. Так, тонколистовой лом, для того чтобы не давать чрезмерного угара, должен подвергнуться пакетированию, стружка, которая составляет примерно 60% всех отходов от металлообработки, должна быть переработана в брикеты и т. д. Поэтому условием полного и рационального использования оборотного металла обязательно является наличие хорошо вооруженной промышленности по переработке лома. Такая промышленность действительно существует во всех передовых капиталистических странах, определяя наряду с уже изложенными выше моментами высокий удельный вес оборотного металла в сталелитейной шихте.

Первостепенное значение оборотного металла в качестве сырьевого ресурса капиталистической металлургии обуславливает важнейшие сдвиги в развитии последней.

Именно оборотный металл изменил, как мы уже отмечали выше, структуру производства стали, вызвав к жизни мартеновский процесс и являясь практически единственным сырьем для электроплавки. Оборотный металл явился также основным фактором, обусловившим резкое изменение в соотношении между переделами. Если в течение длительного периода времени в капи-

талистической металлургии производство чугуна преобладало над выплавкой стали, то в послевоенном периоде производство стали неуклонно шло впереди доменного процесса. Этот отрыв был бы невозможным без лома. Оборотный металл имеет также существеннейшее значение при объяснении новейших сдвигов в географическом размещении капиталистической металлургии. Процесс пространственного перемещения металлургии США с востока на запад отчасти был связан с наличием в западном, наиболее развитом в промышленном отношении районе, больших ресурсов оборотного металла. Металлургия Италии, Верхней Силезии или Средней Германии базируется исключительно на ломе. Наконец оборотный металл играет также важную роль при оценке тех тенденций, которые еще до кризиса намечались в организационной структуре капиталистической металлургии. Некоторый рост удельного веса чистых переловочных заводов, который имел место уже в этом периоде, объясняется в известной мере именно накоплением, дешевой и эффективностью оборотного металла в качестве металлургического сырья.

Мы далеки от того, чтобы придавать оборотному металлу абсолютное значение при рассмотрении всех изложенных сдвигов в капиталистической металлургии. Понимание их было бы невозможным без учета ряда моментов, выходящих за пределы одного лишь оборотного металла. Несомненно однако, что оборотный металл является одним из важнейших факторов, обусловивших эти сдвиги. Больше того. В капиталистических странах оборотный металл в докризисном периоде зачастую фигурировал в качестве отправного пункта при рассмотрении вопросов дальнейшего развития металлургии. Ожесточенная дискуссия, ведшаяся например на страницах германской печати по вопросу о так называемых неправильных инвестициях (*Fehlinvestitionen*) в германскую металлургию, исходила из того, что в условиях отсутствия руды и наличия лома германская металлургия должна пойти по пути отказа от расширения доменного производства и от развития томассовского передела, но должна встать на путь усиленного развития базирующегося на ломе мартенования⁶. В более общем виде величайшее значение оборотного металла для судеб капиталистической металлургии было также недавно отмечено известным американским исследователем *Foster Bain*⁷, указавшим, что оборотный металл дает возможность оторвать металлургию от ее старых сырьевых баз — руды и угля — и ориентировать ее развитие на старое железо и электричество. Хотя на сегодняшний день это указание и кажется еще преждевременным и отвлеченным, оно все же интересно иллюстрирует важнейшее значение оборотного металла для капиталистической металлургии.

В СССР удельный вес лома в выплавке стали значительно меньше, чем в передовых капиталистических странах, несмотря на то, что господствующее место в нашей выплавке стали занимает мартеновский процесс. До войны удельный вес лома в шихте мартеновских печей России не превышал 35% шихты. В восстановительном периоде и в первые годы первой пятилетки этот удельный вес сильно возрос,

⁶ См. *Stahl und Eisen* за 1929 г., *Wirtschaftsdienst*, 1932.

⁷ *H. Foster Bain, The rise of scrap metals, Mineral economics, New-York, 1932.*

так как в эти периоды были налицо довольно значительные запасы военного лома, выплавка же стали была сравнительно не столь велика и кроме того проводились также экстренные кампании по сбору лома. Однако, начиная со второй половины первой пятилетки, удельный вес лома начал заметно падать. В 1933 г. он составил 37,3% мартеповской шихты и 34,2% сталелитейного производства. В дальнейшем удельный вес лома должен упасть еще больше, составляя в 1937 г., по расчетам Института пром.экон.-исследований НКТП СССР 33,5%.

Таблица № 5

Удельный вес лома в сталелитейной промышленности СССР

Г о д ы	Удельн. вес лома в сталелитейной промышленности			Удельн. вес лома в мартеповском производстве		
	потребл. перед. чугуна (в тыс. т)	потребл. лома (в тыс. т)	удельн. вес лома (в %)	потребл. перед. чугуна (в тыс. т)	потребл. лома (в тыс. т)	удельн. вес лома (в %)
1927/28	2 515	2 246	47,2	1 926	2 210	53,4
1928/29	2 981	2 465	45,2	2 269	2 409	51,5
1929/30	3 557	2 892	44,2	2 655	2 824	51,6
Ос. кв.	922	803	46,5	658	781	54,3
1931	3 354	2 335	46,7	2 262	2 830	55,6
1932	4 127	2 468	37,5	2 961	2 342	44,2
1933	5 034	2 621	31,2	4 071	2 415	37,3

Сравнительно небольшой удельный вес оборотного металла в советской металлургии объясняется прежде всего относительной ограниченностью его ресурсов в СССР. В передовых капиталистических странах ресурсы оборотного металла практически неограничены. Выплавка стали в этих странах уже до кризиса возрастала чрезвычайно замедленными темпами, и таким образом потребность в ломе также возрастала сравнительно медленно. С другой стороны, количество старого металла (в виде рельсов, машин, оборудования и т. д.) в этих странах вследствие высокой и старой их индустриализации было весьма велико. Механизма цен было таким образом, как мы уже отмечали выше, достаточно, для того чтобы увеличить или уменьшить выход лома. Иначе обстоит вопрос с ресурсами оборотного металла в СССР. Темпы роста нашей сталелитейной промышленности чрезвычайно велики, и потребность в оборотном металле возрастает весьма быстро. С другой стороны, количество старого металла невелико вследствие слабой насыщенности дореволюционной России металлическими фондами и вследствие молодости нашего, заново создаваемого производственного аппарата. В будущем по мере усиления нашей индустриальной мощи ресурсы оборотного металла будут у нас все более возрастать. Однако в настоящее время эти ресурсы еще ограничены, и это обстоятельство отчасти объясняет факт сравнительно небольшого удельного веса лома в нашей выплавке стали.

Из факта ограниченности ресурсов оборотного металла и из его сравнительно небольшого удельного веса в нашей выплавке стали отнюдь нельзя делать вывод о том, что проблема оборотного металла

теряет в условиях СССР свой актуальный и животрепещущий интерес⁸.

Изучение ресурсов и перспектив образования оборотного металла имеет для нашего хозяйства и для нашей металлургии совершенно особенный и величайший интерес прежде всего потому, что наше хозяйство является плановым. Для того чтобы запланировать развитие нашей металлургии, чтобы наметить правильные соотношения между выплавкой чугуна и стали, чтобы дать правильные и обоснованные пометки ее пространственного размещения и т. д., мы должны уяснить себе процессы образования ресурсов оборотного металла в нашем хозяйстве и мы должны знать перспективы снабжения ломом нашей металлургии. Поэтому в условиях нашего хозяйства изучение проблемы оборотного металла имеет чрезвычайно большое и серьезное значение, позволяя правильно и наиболее точно планировать развитие черной металлургии.

Однако проблема оборотного металла имеет интерес не только с точки зрения планирования нашей металлургии. Как мы видели выше, оборотный металл является для мартеновских печей сырьем более эффективным, чем чугун, когда он надлежащим образом подготовлен, переработан и т. д. В этих условиях работа на ломе сильно увеличивает производительность мартеновских печей. Однако мы далеко еще не научились до сих пор наиболее рационально использовать лом, должным образом его перерабатывать и т. д. Поэтому изучение методов наиболее рационального использования оборотного металла и их живое претворение в жизнь являются значительным резервом для увеличения производительности наших мартеновских печей и тем самым для облегчения металлического баланса нашей страны.

В СССР мы еще не можем к сожалению на сегодняшний день ориентировать развитие нашей стальной индустрии на лом в той степени, в какой это имеет место в развитых капиталистических странах. Однако бурные темпы индустриализации страны не только выдвигают перед социалистической экономикой СССР эту задачу во всей остроте, но и дают одновременно все средства для ее решения.

В области организации сбора, переработки и подготовки лома мы можем и должны поставить перед собой задачу в кратчайшие исторические сроки «догнать и перегнать» в техническом отношении развитые капиталистические страны.

⁸ Этот вывод до сих пор практически делался довольно часто. Ярким образцом пренебрежительного отношения к проблеме оборотного металла могут послужить изданные в 1929 г. ВСНХ СССР «Перспективы развития металлургии черных металлов» (материал к пятилетнему плану промышленности ВСНХ). В этой большой коллективной работе, в которой обширные и подробные разделы посвящены всем видам металлургического сырья — руде, углю и известняку, — лому уделено буквально несколько строк, в которых «со всей категоричностью» подчеркивается, что «при нашем состоянии народного хозяйства мы не можем идти по пути форсированной заготовки металлического лома». Результатом такого рода «анализа» проблемы лома явился, с одной стороны, значительный недоучет имеющихся его ресурсов и планирование преуменьшенного количественного его выхода в первой пятилетке. С другой стороны, результатом этого же «анализа» явилось то, что материалами был совершенно обойден вопрос о мероприятиях по максимальному и наиболее рациональному использованию оборотного металла. В процессе выполнения пятилетнего плана и в результате ряда директив со стороны партии и правительства о наиболее полном использовании лома фактическая сборка лома значительно превысила намеченные первым пятилетним планом количества.

Именно в условиях относительного недостатка лома (по сравнению с огромными потребностями в нем) с особенной ответственностью должна быть поставлена задача наиболее полного использования всех наличных его ресурсов советской стальной индустрией и необходимости создания достаточно мощной и хорошо вооруженной промышленности по переработке лома.

В деле создания промышленности по переработке лома нами всесторонне должен быть учтен опыт передовых капиталистических стран.

В Соединенных штатах и в Германии имеется технически хорошо вооруженная «ломовая промышленность», которая по придаваемому ей и фактическому своему значению ни в какой мере не уступает например рудной промышленности. Достаточно привести высказывания иностранных исследователей, для того чтобы убедиться в том значении, которое придается за границей организации сбора и переработки лома. «Использование лома, — пишет Германский анкетный комитет, — не должно рассматриваться в качестве утилизации отходов. Оно представляет собой важнейшую потребность металлургии, которая не может существовать без лома»⁹. «Сбор, проверка и подготовка чугунного и стального лома, — пишет американский исследователь Manlove¹⁰, — представляет собой одну из важнейших отраслей промышленности в этой стране (т. е. в США)». «Сбор, подготовка и отсортировка лома, — говорит немецкий исследователь Klinger¹¹, — равнозначны созданию новых ценностей». Этот факт находит свое выражение в наименовании «ломовая промышленность».

Мы не будем останавливаться на организации сбора и подготовки лома в различных капиталистических странах. Здесь для нас важно отметить высокий технический уровень и масштабы этой промышленности, о которой дают представление следующие цифры. По американским журнальным данным, относящимся к докризисным годам, в ломовой промышленности США занято 200 тыс. чел., из них — 50 тыс. рабочих и служащих ломовых предприятий и 150 тыс. сборщиков лома, по сравнению с 49 тыс. чел., занятых в рудной промышленности. Если даже эти данные являются преувеличенными, то они все же дают представление об уровне развития «ломовой индустрии» США.

В соответствии с тем значением, которое придается промышленности по переработке лома, крупные оптовые ломовые фирмы в Германии и США располагают прекрасно оборудованными заводами, обладающими всеми необходимыми средствами для наилучшей подготовки лома. Здесь имеются мощные краны, служащие для загрузки и разгрузки вагонов с ломом, новейшие машины для измельчения и пакетирования лома (ножницы, копры, пакет-прессы), помещения для взрывных работ, кислородные установки для автогенной резки тяжелых кусков, установки для брикетирования стружки и т. д. Чрезвычайно важно при этом отметить, что развитие до кризиса в капиталистических странах шло в направлении все более рациональ-

⁹ Die Rohstoffversorgung der deutschen eisenerzeugenden Industrie, 1928.

¹⁰ F. Manlove and Vickers. Scrap Metals, Cleveland, 1924.

¹¹ K. Klinger. Schrotthandel und Schrottverwendung, Berlin, 1924 г.

ного использования в мартенсовских печах легких «плохих» сортов лома. Дорога этому использованию открывалась техническими сдвигами послевоенных лет — развитием пакетирования, прессования и т. д., увеличившими вес загружаемого сырья и уменьшившими угар. Само же использование плохих сортов лома могло быть осуществлено исключительно благодаря развитию до кризиса мощной отрасли промышленности, занятой их подготовкой для переплавки в мартенсовских печах.

В настоящее время в результате невиданного по своей остроте и продолжительности кризиса и последовавшей депрессии «ломовая промышленность» капиталистических стран все еще находится в состоянии застоя, ее производственный аппарат в значительной мере бездействует, громадные, все более накапливающиеся и неиспользуемые запасы железа и лома подвергаются порче и уничтожению. Только в Стране советов быстро развивающаяся металлургия предъявляет все более настойчивые требования на лом, который должен расширить ее сырьевую базу и увеличить производительность печей. Развитие нашей металлургии, в которой ведущим является мартеновский процесс, теснейшим образом связано с соответствующим развитием промышленности по переработке лома. Поэтому необходимо поставить перед собой задачу форсированного развития во второй пятилетке этой важнейшей отрасли.

Полностью используя опыт передовых капиталистических стран в деле развития «ломовой промышленности», мы должны отбросить все то, что является результатом капиталистических отношений производства и что является вредным или неоправданным с точки зрения планового социалистического хозяйства. Несмотря на несомненные достижения передовых капиталистических стран в области подготовки и переработки лома, использование последнего в этих странах носило все характерные черты расточительства, присущего капиталистическому хозяйству. Громадное расточительство определяло и определяет также самые принципы ломообразования при капитализме — принципы, которые в корне отличны от принципов советского хозяйства.

Характерным для капиталистического хозяйства периода частичной стабилизации являлось, с одной стороны, форсированное создание ресурсов оборотного металла и, с другой стороны, значительное их недоиспользование. Форсированное создание ресурсов оборотного металла являлось естественным результатом значительной недогрузки производственного аппарата капитализма, которая существовала в течение всего кратковременного подъема 1925—1929 гг. Недогрузка, с одной стороны, усиливала конкурентную борьбу и приводила к сравнительно быстрой моральной амортизации и сдаче в лом оборудования. С другой стороны, та же недогрузка толкала на прямое уничтожение еще вполне работоспособного оборудования, которое уничтожалось главным образом в целях повышения нагрузки действующего производственного аппарата. Накапливая таким образом значительные ресурсы оборотного металла, капитализм оказывался однако совершенно не в состоянии эти ресурсы использовать. Результатом этого явилась в конечном счете политика крайне низких цен на лом, осуществлявшаяся после войны металлургическими монополиями. Громадное значение лома в капиталистической металлургии

привело после войны к тому, что металлургические объединения начали выступать на ломовом рынке либо через посредство единой организации по закупке лома (Германия), либо согласовывая свои действия таким образом, чтобы добиться максимального снижения цен на лом. При этом во всех европейских странах (Германия, Франция, Бельгия, Чехословакия, Италия и др.) были проведены запрещения вывоза лома, которые исключали его утечку на внешние рынки и таким образом давали возможность неограниченного хозяйничания в области установления внутренних цен. В результате цены на лом во всех капиталистических странах оказались после войны на крайне низком уровне. Низкие же цены на лом при существующих запрещениях его вывоза в свою очередь вели к тому, что большие массы старого железа не извлекались, оставались неиспользованными в качестве лома и подвергались прямому уничтожению. В особенно больших размерах это уничтожение имело место в таких странах, как Франция или Бельгия, где, несмотря на решающее значение в стальной индустрии томассовского передела и сравнительно небольшое потребление лома собственной металлургией, было проведено запрещение вывоза накопившегося в огромных количествах лома (это запрещение было направлено против Германии). Однако в несколько меньшей степени недоиспользование наличных ресурсов лома имело место и в других капиталистических странах, в частности в Соединенных штатах и Германии. Так, в Германии, несмотря на отсутствие руды в стране, лом, по собственному признанию Анкетного комитета, полностью не используется даже в таких базирующихся исключительно на ломе районах, как Средняя Германия или Верхняя Силезия. В Соединенных штатах металлургические тресты, обладавшие собственными рудниками и незаинтересованные в обесценении последних, по указаниям самих американских авторов¹² тормозили полное использование лома. В США лишь небольшое количество старых автомобилей попадает в переплавку, миллионы старых автомашин лежат на свалках, и в отдаленных местностях страны вышедшие в лом автомобили нередко используются в качестве балласта при гидротехнических сооружениях.

Можно было бы предположить, что недоиспользование лома в капиталистических странах является результатом наличия его в количествах, перекрывающих потребность в нем. Однако это не так. Об этом свидетельствует факт недостатка лома, временами весьма болезненно ощущавшийся в ряде стран (в Италии, частично в той же Германии и т. д.), и весьма различный уровень потребления лома в разных странах. Кроме того, если бы даже действительно имело место «перенакопление» лома, то оно явилось бы результатом не абсолютного насыщения потребления, а суженности последнего в условиях капиталистического производства и в результате недогрузки производственного аппарата металлургии. Таким образом недоиспользование ресурсов лома, сочетающееся с форсированным их образованием, во всех случаях может рассматриваться лишь как результат специфических капиталистических отношений производства. Само собой разумеется, что в наших диаметрально противоположных капитализму условиях мы всегда можем иметь полное использование наличных ресурсов лома и что образование этих ресурсов будет обуслов-

¹² F. M a n l o v e, op. cit.

ливаться не конкурентной борьбой и погоней за прибылью, а законами технической и экономической целесообразности.

Процессы образования ресурсов оборотного металла протекают совершенно различно в экономике капиталистических стран и СССР. Решающую роль в этих ресурсах играет так называемый «амортизационный» лом, или возвраты старого железа. В капиталистических странах образование ресурсов «амортизационного» лома определяется следующими моментами: 1) общим уровнем индустриального развития, в частности развитием металлургии и машиностроения, определяющим размеры потребления металла в народном хозяйстве, и 2) быстротой физического и морального износа изделий из металла. При прочих равных условиях — при данной скорости оборотов основного капитала и при данной интенсивности его использования — выход «амортизационного» лома определяется уровнем индустриального развития соответствующей страны. При прочих равных условиях выход «амортизационного» лома тем более, чем более развита в промышленном отношении какая-либо страна, чем больше и старше ее металлофонд¹³. Однако выход «амортизационного» лома никогда не бывает прямо пропорциональным металлофонду, и размеры последнего могут поэтому дать лишь наиболее общее представление о степени насыщения металлом той или иной страны и о размерах ее ломовых ресурсов. Непосредственно выход оборудования в лом зависит от быстроты его физического и морального износа. Сроки физического износа определяются в капиталистических странах степенью нагрузки основного капитала и длительностью его бездействия. В этих странах оборудование почти никогда не работает в течение всего срока своей службы, так как наряду с периодами сравнительно интенсивного использования производственного аппарата при капитализме существуют длительные кризисные периоды, когда оборудование не используется вовсе или используется в незначительных размерах. Однако бездействие машины, так же как ее работа, влечет за собой физический износ. «Материальное снашивание машины, — пишет Маркс¹⁴, — бывает двоякого рода. Одно возникает из ее употребления, как монета снашивается от обращения, — другое из неупотребления, как меч от бездействия ржавеет в ножнах». В первом случае, т. е. когда физический износ является результатом «употребления» машин, сроки этого износа укорачиваются при интенсивной работе агрегатов и, наоборот, удлиняются при их неполном использовании (если конечно степень этого недоиспользования не такова, чтобы влиять разрушающим образом на производственный аппарат). Об этом писал Маркс. «Машина, — говорит он¹⁵, — которая служит ежедневно по 16 часов в течение 7½ лет, охватывает столь же большой период производства и присоединяет к общему продукту такую же стоимость, как та же самая машина, если она служит 15 лет всего по 8 часов ежедневно. Но в первом случае стоимость машины была бы воспроизведена вдвое быстрее, чем во втором». Из этого вытекает, что сроки физического износа отнюдь не являются в капиталистических странах абстрактной «естественной»

¹³ Под металлофондом мы понимаем общее количество металла, находящегося в различных странах в виде рельсов, различных металлических конструкций, машин, оборудования и т. д.

¹⁴ Маркс, Капитал, т. I, изд. «Пролетарий», 1923 г., стр. 304.

¹⁵ Там же, стр. 303.

величиной. Физический износ, связанный с «употреблением» машины, определяется, как об этом прямо пишет Маркс, степенью нагрузки производственного аппарата. Последняя же является величиной производной от движения капиталистического цикла. В зависимости от того, находится ли капиталистическое хозяйство в состоянии кризиса, депрессии или подъема, и в зависимости от течения этих периодов (их длительности, остроты и т. д.) изменяется степень нагрузки основного капитала и тем самым также срок его физического износа. В СССР срок физического износа оборудования в настоящее время короче, чем в капиталистических странах. Это отчасти связано с недостаточным овладением техникой этого оборудования на наших предприятиях, с недостаточно бережным к нему отношением и т. д. В дальнейшем мы должны значительно увеличить сроки службы нашего оборудования. Предпосылкой для этого должно явиться полное освоение его техники всем составом наших предприятий, повышение культурного и бережного отношения к оборудованию, поднятие на должную высоту планово-предупредительного ремонта, борьба за должную (лучшую, чем при капитализме) сохранность оборудования. За это идет борьба. Эту борьбу нужно всемерно расширить. Однако из самого факта более интенсивной работы наших агрегатов, чем в капиталистических странах, все же вытекает их более быстрый физический износ. Даже во времена классического капитализма производственный аппарат его не был загружен в такой степени, как он загружен в настоящее время в СССР (работа в три смены и т. д.). Производственный же аппарат послевоенного капитализма был хронически недогружен даже в периоде относительной стабилизации. Повышенная интенсивность использования нашего оборудования и нашей транспортной системы (невозможная при капитализме) делает более короткими сроки их физического износа. Однако более короткий физический износ в СССР в этих условиях является одним из показателей величайших преимуществ социалистической системы.

Так обстоит дело со сроками физического износа, поскольку этот физический износ является результатом работы машин. Однако в капиталистических странах физический износ является, как мы видели выше, результатом не только работы, но также и бездействия оборудования. Эта форма физического износа приняла за последнее время в капиталистических странах совершенно чудовищные размеры в результате длительного кризисного бездействия производственного аппарата, отсутствия даже самого необходимого ремонта, небывалой недогрузки действующей части основного капитала¹⁶. В СССР физический износ оборудования в результате его бездействия вообще отсутствует, так как бурные темпы социалистического строительства в стране заставляют максимально использовать даже самое устаревшее оборудование.

Нужно сказать однако, что в капиталистических странах выход в лом оборудования определяется не столько физическим, сколько моральным износом. Говоря о «постоянных переворотах в средствах производства», которые влекут за собой их смену и «постоянное возмещение», Маркс пишет, что средства производства «подвергаются

¹⁶ В отличие от недогрузки периода частичной стабилизации размеры кризисной недогрузки могли оказывать лишь разрушающее влияние на производственный аппарат.

моральному изнашиванию задолго до того, как физически отживут свой век»¹⁷. Под моральным износом Маркс понимает при этом потерю машиной меновой стоимости «по мере того, как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию»¹⁸. В первом случае, т. е. когда речь идет об обесценении машины в результате возможностей производить ее более дешево, моральный износ необязательно влечет за собой необходимость замены обесцененной машины. В этом случае капиталистическому предпринимателю повидимому будет выгоднее не сдавать в лом старую машину, для того чтобы купить более дешевую машину одинаковой конструкции, а списать в убыток потерянную ею стоимость, продолжая ее эксплуатировать. Во втором случае (когда речь идет о конкуренции лучших, т. е. более совершенных и усовершенствованных машин, дающих экономии на издержках производства) моральный износ должен повлечь за собой сдачу в лом и смену устаревшего оборудования. Однако как внедрение новых и усовершенствованных машин, так и уничтожение в связи с этим внедрением устаревшего оборудования в капиталистическом хозяйстве теснейшим образом связаны с движением цикла. «Хотя, — пишет Маркс¹⁹, — периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для новых, крупных вложений капитала». Кризис всегда давал раньше толчок для начала массовых процессов переоборудования основного капитала, которые обычно начинались в депрессии, ширились в подъеме и почти прекращались в течение кризиса. В соответствии с этим движением основного капитала происходили процессы морального износа оборудования и его сдачи в лом. В движении основного капитала Маркс видел материальную основу цикла. Говоря об общем обороте капитала, он писал, что в «цикле взаимно связанных между собою оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной, составной частью, дана материальная основа периодических кризисов». Однако период массового возобновления основного капитала определяется, по Марксу, не сроками его физического и морального износа, а движением самого цикла. Цикл определяет таким образом моральный и физический износ оборудования при капитализме и процессы его сдачи в лом вследствие этого износа.

Совершенно иначе, чем в капиталистическом хозяйстве, стоит вопрос о «моральном» износе оборудования в СССР. Самый термин морального износа машин в смысле потери машиной меновой стоимости неприменим к советскому хозяйству, в котором отсутствует самая категория меновой стоимости. Машины не обесцениваются в СССР оттого, что они могут производиться дешевле (первая часть марксовой формулы о моральной амортизации). Поэтому «моральный износ» оборудования в СССР сводится в отличие от капиталистических стран исключительно к вопросу о техническом прогрессе. Границы технического прогресса у нас конечно шире, чем при капитализме. Однако уничтожение, сдача в лом оборудования в результате технического прогресса производится и будет у нас произ-

¹⁷ М а р к с, Капитал, т. II, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 174.

¹⁸ М а р к с, Капитал, т. I, Партиздат, 1932 г., стр. 308.

¹⁹ М а р к с, Капитал, т. II, стр. 174.

водиться медленнее, чем при капитализме. Это связано с наличием у нас плановой системы хозяйства, которая открывает значительно более широкие возможности для использования изношенного оборудования, чем капиталистическая анархия производства. Снятые с крупного завода оборудование и машины, прежде чем попасть в лом, смогут еще быть широко использованными на более мелких предприятиях, в ремонтных мастерских и т. д. Снятые рельсы в значительно больших количествах, чем в капиталистических странах, используются и будут использованы для перекатки и строительства заводских веток и других нужд. Бережное и максимальное использование всего наличного основного капитала, сочетающееся с быстрым техническим прогрессом, — это один из основных принципов социалистического хозяйства в отличие от капиталистического.

В связи с вопросами физического и морального износа оборудования в капиталистических странах и в СССР интересно остановиться на вопросе, который оживленно дискутировался в иностранной литературе по лому. Это вопрос о том, происходит ли за последнее время укорочение или удлинение «среднего» срока службы металлоизделий. Этот вопрос, который в конечном счете сводится к скорости износа оборудования, должен быть рассмотрен в связи с анализом процессов образования ресурсов «амортизационного» лома.

Ставя вопрос о тенденциях сроков службы металла в капиталистическом хозяйстве, иностранная и советская печать сходится на том, что в послевоенном периоде, как правило, имело место укорочение сроков службы.

Основными аргументами этого положения служили два обстоятельства. Это 1) рост потребления металла отраслями, в которых происходит быстрая смена оборудования (автомобилестроение, сельское хозяйство, пищевая промышленность), и 2) более быстрый моральный износ оборудования после войны вследствие быстрого технического прогресса.

Рост потребления металла отраслями, в которых происходит быстрая смена оборудования, сам по себе не вызывает сомнения. Общеизвестен факт значительного развития после войны, в особенности в США, автомобильной промышленности, как и успешная ее конкуренция с железнодорожным транспортом, приведшая к недогрузке последнего и к резкому падению его удельного веса в потреблении металла. В США, где имеется подробная статистика потребления металла отдельными отраслями народного хозяйства, оказывается, что в послевоенном периоде 1922—1929 гг. удельный вес в потреблении металла автомобильной промышленности увеличился с 11 до 18%, удельный же вес железных дорог снизился с 22 до 17%. Одновременно несколько увеличилось после войны также потребление металла сельским хозяйством (в США с 4 до 5,5% общего потребления) и производством пищевой тары (в США с 4 до 5%). Казалось бы действительно, что рост потребления металла этими отраслями должен был бы дать некоторое сокращение «средних» сроков службы металлоизделий, так как срок службы автомобиля конечно короче службы рельсов или подвижного состава железных дорог, который измеряется во всяком случае не годами, как для автомобилей, а десятками лет. Однако в действительности это далеко не так, или во

всяком случае не в такой абсолютной форме, как это может представиться на первый взгляд. Дело в том, что параллельно с ростом потребления металла отраслями с короткими сроками службы происходил процесс удлинения службы внутри этих отраслей. Так например, по весьма интересным данным, опубликованным американской автомобильной промышленностью и продолженным нами, средний срок службы автомобиля в Америке сильно возрастал, увеличившись с 5 лет до войны до 8 лет в 1929 г. Это и вполне понятно, если принять во внимание, что по мере более широкого внедрения автомобиля и по мере охвата им более широких и менее имущих слоев населения отношение к нему и его использование должно было в корне измениться. Из забавы верхушечных слоев аристократии и буржуазии автомобиль в Америке постепенно превращался в предмет более или менее обычного обихода фермерского и отчасти рабочего населения. Это конечно должно было дать удлинение сроков его службы — увеличение их до предела физического износа машин. Однако, само собой разумеется, что это увеличение сильно ослабляло ту тенденцию укорочения сроков службы металла, которая обычно устанавливается прежде всего на основе роста потребления металла автомобильной промышленностью. Ничего не говорит также рост (к тому же довольно незначительный) потребления металла пищевой промышленностью. Хотя оборачиваемость металла здесь действительно очень велика, но она в значительной мере сводится к нулю тем, что консервные банки, расплываясь по всей территории соответствующих стран, дают такие легкие и плохие сорта лома, процессы обработки которых зачастую так дорого стоят, что сбор и переработка их практически весьма часто не осуществляются. Таким образом рост потребления металла пищевой промышленностью с точки зрения ресурсов лома означает скорее уменьшение этих ресурсов вследствие возрастающих потерь металла.

Однако помимо изложенных сдвигов внутри самих отраслей с короткими сроками службы (возрастающие сроки службы изделий, большие потери металла) целый ряд тенденций в структуре потребления металла говорил за удлинение средних сроков службы.

Прежде всего после войны увеличился в потреблении металла удельный вес строительства. Строительство же является потребителем тяжелых профилей (балки и т. д.), имеющих статическую нагрузку и долгий срок службы. Рост его удельного веса в потреблении металла означает удлинение сроков службы последнего, тем более, что в последние докризисные годы строительство явилось также значительным потребителем качественного металла. Далее возрос также после войны срок службы металла на железных дорогах. Рельсы стали делаться более тяжелыми, нагрузка же железных дорог уменьшилась в связи с конкуренцией со стороны автомобильного транспорта, закругления и стрелки начали производиться из качественного металла. Подвижной состав, например в Америке, обновлялся крайне медленно. Достаточно указать, что за пятилетку 1927—1932 гг. (эта пятилетка охватывает все пиковые годы стабилизации) в США было сменено всего 2 300 паровозов.

Таким образом, если попытаться ответить на вопрос об ускорении или удлинении сроков службы металла, основываясь исключительно на структуре потребления металла, то и тогда формулировка вывода об укорочении сроков службы и увеличении ресурсов лома

после войны представляется довольно спорной. Скорее, наоборот, здесь можно было бы сказать, что тенденции изменения этой структуры настолько противоречивы, что установить на основе их, какая тенденция брала верх в послевоенном капитализме, тенденция ли укорочения или удлинения сроков службы, представлялось бы довольно трудным и гадательным делом.

Однако разрешить этот вопрос вообще невозможно на основе одних сдвигов в потреблении металла. И невозможно потому, что вопрос о ресурсах лома упирается не в вопрос о темпах развития одних отраслей по сравнению с другими, а в общий вопрос о темпах переоборудования производственного аппарата, с одной стороны, и в вопрос об абсолютных размерах и относительном значении прямого уничтожения производственного аппарата капитализма — с другой. Решающее значение с точки зрения образования ресурсов лома имеет при этом именно переоборудование производственного аппарата, ибо как ни велико по своим абсолютным размерам прямое уничтожение производственного аппарата при капитализме (во время кризисов, частично также в периоды подъема) оно по относительному своему значению все же меньше процесса переоборудования.

Решающим фактором в образовании ресурсов оборотного металла является таким образом процесс переоборудования основного капитала. Посмотрим, как происходит этот процесс переоборудования до и после войны.

В целом до войны переоборудование производственного аппарата ускорялось. Правда, уже до войны растущая монополизация промышленности создавала все большие затруднения на пути этого переоборудования, монополии исторически всегда выступали в роли защитников интересов старых инвестиций, элементы технического загнивания возрастали в периоде империализма. Тем не менее тенденция загнивания не исключала быстрого роста капитализма. Говоря о довоенном монополистическом капитализме, Ленин писал, что, несмотря на наличие этой тенденции, «капитализм неизмеримо быстрее, чем раньше, растет». Этот более быстрый рост капитализма до войны подразумевал также ускорение темпов переоборудования производственного аппарата, бывшего весьма значительным еще и потому, что кризисы всегда влекли за собой, как мы говорили выше, массовое обновление производственного аппарата, расширявшееся в периодах подъема, которые относительно носили все же довольно устойчивый характер. В результате для довоенного капиталистического хозяйства характерной являлась тенденция укорочения сроков службы металла и таким образом также тенденция увеличения ресурсов лома.

Иначе стоит этот вопрос для периода общего кризиса капитализма. Здесь в течение «восстановительного» периода, последовавшего после окончания войны и кризиса 1921 г., и в течение периода относительной стабилизации 1925—1929 гг. в некоторых странах (США, Германия, Франция) происходил чрезвычайно интенсивный процесс переоборудования основного капитала. В связи с этим, а также в результате большого накопления военного лома (разрушенные крепости, здания, утонувшие суда, орудия и т. д.), запасы которого были исчерпаны по некоторым указаниям лишь в 1924 г., ресурсы лома

в эти периоды были довольно велики. Однако в целом послевоенный период характеризуется сильным удлинением и углублением кризисных периодов, которые в своей совокупности охватывают почти половину послевоенных лет. Кризисы же всегда являются периодами, когда процесс переоборудования происходит наиболее медленно²⁰.

Правда, в кризисные периоды принимает всегда чрезвычайно большие размеры прямое уничтожение производственного аппарата. Это прямое уничтожение по своим абсолютным размерам приняло громадные размеры в современном кризисе, в особенности в старых отраслях (судоостроение, текстильная промышленность, где за время кризиса было уничтожено 7,5 млн. хлопчатобумажных веретен). Мы говорили уже однако о том, что по относительному своему значению прямое уничтожение не может быть сравнено с переоборудованием, которое в широком масштабе обычно начиналось всегда по окончании кризисов. В современном кризисе и депрессии относительное значение прямого уничтожения, несмотря на его громадные абсолютные размеры, меньше, чем в предыдущие кризисы капитализма. Здесь сказывается прежде всего рост милитаризма. Во время войны (это показал опыт 1914—1918 гг.) рентабельной оказывается работа даже наиболее устаревших предприятий и агрегатов. Поэтому возможность близкой войны заставляет капиталистов придерживать и не уничтожать даже устаревшие фабрики в надежде на то, что они смогут еще давать прибыль. Кроме того в современном кризисе приняло довольно большие размеры также и другое явление—это использование бездействующего оборудования для ремонта действующих агрегатов, переброска оборудования с бездействующего завода на действующий вместо покупки новых агрегатов, приобретение подержанного оборудования и т. д.²¹. В целом же кризис и депрессия повлекли за собой невиданные по своим масштабам порчу и уничтожение старого металла, неиспользуемого в качестве лома вследствие

---

²⁰ Процесс переоборудования в современном кризисе катастрофически упал. Об этом свидетельствуют как статистические данные, так и высказывания крупнейших буржуазных авторитетов. О процессах переоборудования производственного аппарата промышленности дают представление цифры производства машин. Машиностроение во время кризисов во всех капиталистических странах упало больше чем какая бы то ни было другая отрасль промышленности (в США продукция машиностроения упала в 1932 г. по сравнению с 1929 г. на 80—90%, в Германии в том же году индекс машиностроения составил по сравнению с 1929 г. 38,4%). Переоборудование транспорта прекратилось почти совершенно. Так, по указанию «Railway Age» № 5 в США к концу 1932 г. было недосмотрено против нормы 2,8 млн. *m* отслуживших срок рельсов и 6 млн. *m* шпал. В целом капиталистическое хозяйство (несмотря на то, что в некоторых отраслях и странах процесс переоборудования происходил интенсивно) во время кризиса производило меньше, чем это было необходимо даже для покрытия текущего естественного износа. Это было отмечено рядом буржуазных исследований (см. например отчет Германского конъюнктурного института от 9 марта 1933 г. «Maschinenbau» № 1 за 1932 г., стр. 151, «Steel» от 28 ноября 1932 г., отчет американской Стальной корпорации за 1931 г. и др.).

²¹ «Maschinenbau» № 19 за 1932 г. пишет: «На целом ряде заводов бездействующие машины буквально разбирались по частям, с тем чтобы дать возможность ремонтировать машины, еще находящиеся в действии. VDI от 4 марта 1933 г. также указывает, что «крупные предприятия и концерны... острую потребность покрывают из наличия машин менее занятых цехов». Сходные указания имеются также в журнале «Steel» за 1932 г. и в «Magazine of Wall Street», который пишет, что «когда новое оборудование абсолютно необходимо, тогда покупается подержанное оборудование или машины, которые уже предназначены на слом» (см. «Magazine of Wall Street» от 4 февраля 1933 г.).

громадной недогрузки производственного аппарата капиталистической металлургии.

Для капиталистических стран характерным является не только расточительство и потери при образовании и использовании ресурсов лома, но также и характер их применения. Весьма показателен в этом отношении имевший место еще в докризисные годы значительный рост потребления лома доменными печами. Из сравнительно скромного потребителя лома, каким являлось в довоенном периоде доменное производство, оно превратилось после войны в Германии и США в одного из крупнейших потребителей лома, стоявшего на одном из первых мест после стальной индустрии. Высокие абсолютные размеры потребления лома в доменных печах, несмотря на техническое развитие ломовой промышленности, позволяющее перерабатывать плохие сорта лома в полноценное сталелитейное сырье, свидетельствуют об анархичности и расточительности капиталистического производства. Само собой разумеется, что в наших условиях, в условиях планового хозяйства и возможностей организованного распределения лома, забрасывание лома в доменные печи является совершенно неприемлемым и что нужно сделать все возможное для того, чтобы полностью использовать его как первоклассное сырье для сталелитейного производства.

В заключение нужно сказать несколько слов о том чрезвычайно важном значении, которое имеет для нашей промышленности вопрос использования лома легированных сталей, а также и вопрос об использовании лома для производства поделок. Использование лома качественных сталей (никелевого, вольфрамового, молибденового и т. д.) при производстве качественного металла представляет громадный интерес в связи с содержащимися в нем ценными легирующими элементами. Однако для использования легированного лома необходимо точное знание его химического состава, ибо наличие самой ничтожной доли ненужных примесей может загрязнить или испортить плавку не только качественной, но и рядовой стали. На наших металлургических и металлообрабатывающих предприятиях необходимо проводить обязательную отсортировку легированного лома и стружки. Что же касается легированного амортизационного лома, то здесь необходимо на деле осуществить приказ НКТП об обязательном клеймении изделий и частей, производимых из качественной стали, которое в последующем дало бы возможность использовать их при выходе в лом по их прямому назначению, т. е. для производства легированных сталей. Легированный лом представляет собой ценнейшее сырье для производства качественной стали и может и должен быть полностью реализован у нас в отличие от капиталистических стран, которые не смогли полностью разрешить эту проблему.

Важным вопросом, имеющим большое значение при рассмотрении вопроса об использовании лома, является также вопрос об отборе поделочных материалов. Нужно сказать, что у нас уже проделана большая работа в этом направлении и что удельный вес поделочных материалов в общей заготовке лома в первой пятилетке сильно возрос. Во второй пятилетке необходимо добиться еще большего использования лома для производства поделок, ибо, несмотря на то, что отбор поделочных материалов уменьшает ресурсы собственно

металлургического лома, он является несомненным достижением с точки зрения народнохозяйственной, позволяя утилизировать по своему прямому назначению изделия, которые иначе попали бы в переплавку. В капиталистических странах металлургия искусственно тормозит отбор поделочных материалов, заключая договоры (на сдачу паровозов, автомобилей и т. д.) с обязательным условием не отбора и не продажи на сторону пригодных для неметаллургического использования частей. У нас мы должны полностью обеспечить использование всего поделочного лома, далее развешывая и укрепляя работу наших утильцехов.

Вторая пятилетка должна явиться пятилеткой нового мощного роста советского народного хозяйства и пятилеткой новых блестящих побед в области перевооружения и развития социалистической металлургии. Под руководством партии пролетариата во главе с вождем ее т. Сталиным будет далее расширена металлургическая база Советского союза — база социалистической индустриализации. Для того чтобы обеспечить это расширение, необходимо создать мощную «ломовую промышленность», которая обеспечила бы более интенсивное использование наших сталелитейных агрегатов и которая таким образом дала бы новые потоки металла нашей социалистической стране.

Освоение техники на советских предприятиях

Чтобы понять всю глубину перестройки, требуемой обновлением техники, лучше всего начать с изучения научно-экспериментального обоснования режимов и форм контроля технологических процессов. Конструкторское бюро, лаборатория, контрольно-измерительный прибор и реактив, диспетчерский пульт — замечательный арсенал новой производственной культуры, выросший в процессе исторического развития современной техники на передовых капиталистических предприятиях и энергично осваиваемый в СССР.

Без конструкторских бюро, возглавляющих ведущую группу отраслей промышленности — машиностроение, особенно станкостроение, нельзя освоить техники и двигать ее дальше. Ведь освоение техники не просто лишь инструктивная выучка по готовым методам, режимам, образцам. Освоение неизбежно требует изобретений, модернизации технического прогресса.

Конструкторские бюро не только ведущие творческие центры технической мысли, но в сочетании с экспериментальными цехами необходимые очаги той особой культуры рационализма, точности, пунктуальности, тщательной подготовки введения технических новшеств, которая составляет душу современного производства.

Научно-техническое обслуживание производства не ограничивается однако развитием конструкторских бюро. Проблема прочности, объема, веса, различных качественных характеристик, материальных соотношений и пропорций отдельных элементов, допусков и отклонений, продолжительности различных процедур должна решаться во всех фазах производства (а не только при конструировании) не традиционным «глазком» и обычаем, а наукой, анализом, расчетом. Между тем неосвоенность новой техники на наших предприятиях выражается и в том, что часто нарушается железный режим состава и движения технологического процесса. В него анархически вносятся всевозможные перетасовки, ревизии, купюры: неожиданно изменяется продолжительность производственного процесса (плавка металла, выжиг кокса и т. п.), нет постоянства в режиме шихты (доменной, мартеновской, стекольной, цементной и др.), произвольно (часто в порядке «рационализации») ликвидируют те или иные операции в производственном цикле какого-либо продукта, в обработку поступают недоброкачественные или хаотически меняющиеся по качеству сырье и топливо, нагрузка моторов, паровых машин, станков превышает часто максимально допустимую по норме, качество готовой продукции строго не контролируется и т. д. и т. п. Все это объясняется не только подчас

недобросовестным отношением людей к своим производственным обязанностям. Требования современной техники к точности таковы, что они выходят за пределы ограниченных психо-физических способностей человека, как бы квалифицирован и добросовестен он ни был.

При электролитическом производстве цинка решающая операция — выщелачивание концентратов, в особенности очистка растворов сернокислого цинка от малейших следов посторонних примесей: достаточно присутствия в растворе миллионной доли кадмия, меди, сурьмы, чтобы электролиз дал катодный цинк черного цвета, губчатой структуры, дырявый. До самого последнего времени бурение нефти было своего рода искусством: чтобы стать опытным бурильщиком, можно было, оставаясь безграмотным вообще и неграмотным технически, приобрести серьезные навыки руки, острый глазомер, умение предугадывать и запоминать поведение долота в забое. Старые бурильщики ощупью устанавливали обнаруживающиеся в практике эмпирические закономерности, которые служили им критериями работы. Но современная техника бурения — это техника глубинных расстояний. С увеличением глубины скважины увеличивается длина бурильных труб и уменьшается их диаметр — бурильщику труднее понимать и учитывать условия работы на забое. В скважинах очень глубоких все отличительные признаки, воздействующие на работу ротора, прежде неплохо ориентировавшие мастера, почти окончательно «затухают», поглощаемые по пути на поверхность длинной колонной бурильных труб малого диаметра. Возникает острая потребность в особых приборах измерения величин, характеризующих свойства проходимых пород. Новые доменные и мартеновские печи нельзя освоить, если не будет полностью обеспечено высокое качество образующих шихту элементов, постоянство ее физико-химического состава, контроль уровня шихты в печи, точный учет количества дутья, его давления, температуры и т. д. На старом токарном станке универсального типа можно свободно обрабатывать изделия и при крупных отклонениях в качестве металла; но станок-автомат будет работать лишь при подаче материала постоянного размера и однородности: при незначительном изменении толщины металл не проходит сквозь патрон и вызывает иногда повреждение станка. Современное массовое производство машин требует между прочим полной взаимозаменяемости деталей. Для этого необходимо обрабатывать детали в специальных литейных и ковочных цехах. В литейных формах производится на формовочных машинах по металлическим моделям с сохранением абсолютно одинакового режима формовки и заделки; в кузнице ковка изделий должна производиться в штампах — под молотами для крупных изделий и на ковочных машинах для мелких. Все это требует исключительной точности и высокой тщательности в процессе работы.

Металл, предназначенный для сооружения ответственных конструкций, характеризуется чрезвычайно строго дозированной системой составных частей: от сотых и тысячных долей процента серы, фосфора, углерода зависит прочность крыла самолета, бандажа паровозного колеса, лопатки турбины. Вместе с конструкторским бюро в систему мощных рычагов овладения техникой вступает прежде всего

лаборатория — центральная, цеховая, экспресс-лаборатория, термическая, механическая, химическая. Разве могли бы мы освоить технику на таких гигантах, как «Шарикоподшипник» им. Кагановича, ХТЗ, СТЗ, Кузнецкий металлургический, Макеевский, Горловский и Сталиногорский химкомбинаты и другие передовые предприятия, если бы не их лаборатории? Анализ всех видов сырья и вспомогательных материалов, поступающих на завод, рекламация и указания заводам-поставщикам, разработка наивыгоднейших технологических режимов, инструктивно-операционные карты, тщательный контроль и испытание материалов, изучение причин брака, изобретение контрольно-измерительных приборов и т. д. и т. п. — это основное содержание работы заводских лабораторий.

В тесном контакте с ним выступает мощный арсенал контрольно-измерительных, сигнализационных, счетных, регулирующих приборов, опирающихся на электричество. Промышленный переворот XVIII в. вырвал из рук ремесленника орудие труда и, усложнив его, превратил в исполнительный механизм — машину. Уровень современной техники категорически требует освобождения от непосредственной примитивной связанности с рабочим не только производственно-исполнительных в узком смысле слова, но и контрольно-управленческих функций. Новая техника развивает такие высокие скорости, давления, температуры; предполагает такую многостороннюю скрупулезную точность весов, давлений, допусков, качеств, температуры, плотностей, размеров; производит такие сложные и скрытые реакции и трансформации; требует столь разнообразных комбинаций непрерывности и ритмических перерывов в производстве, настолько повышает возможность и усложняет последствия срывов и аварий, что нельзя более полагаться на не оформленную интуицию, необоснованное, субъективное представление о весе, форме, объеме, дозе, на обычную зоркость глаза, остроту слуха, вышколенную находчивость, традиционную записную книжку мастера.

Только с помощью лаборатории и контрольно-измерительной аппаратуры обосновывается и обеспечивается нормальный технологический режим производства. Но этого ~~еще~~ недостаточно. Надо увязать в систему аппараты, машины, цехи, людей. Телемеханика и диспетчерский пульт — наиболее эффективные рычаги координирования и централизации управления предприятием. Мощные цехи и предприятия исключают ремесленную фиксацию производственных процессов (которые должны быть тщательно увязаны между собой) в ограниченном поле зрения каждого отдельного рабочего. Нельзя невооруженным глазом охватить все производственное поле завода и непрерывно следить за происходящими здесь и нуждающимися в точном координировании явлениями. Надо победить пространство внутри предприятия и централизовать контроль и управление производством. Диспетчерский пульт, соединенный электрическими проводами и телефонными связями с системой контрольно-измерительных приборов и рабочих мест, — наиболее совершенная форма регулирования производства на расстоянии. Телемеханика, т. е. комбинация автоматике с дистанционным управлением, уверенно внедряется в современное

производство: съем контрольно-измерительными приборами различных параметров с механизмов или внешней обстановки, преобразование измеренной величины в пропорциональное количество и качество того вида энергии, который удобнее всего передать на расстояние, сигналы у диспетчера, преобразование сигналов в импульсы передающей энергии, посылки их к рабочему месту, наконец обратные сигналы правильности и своевременности выполнения приказа. Телемеханическая система управления имеет различные ступени зрелости: 1) централизованная передача приказаний и обратная сигнализация; 2) автоматическое управление с расстояния механизмами и процессами, т. е. устранение персонала, управляющего механизмами, и замена его устройствами, автоматически выполняющими диспетчерские приказания; 3) самоуправление механизмов, при котором отстраняется даже диспетчер и система сама следит за процессом работы, принимает решения о необходимости тех или иных операций, отдает приказания, контролирует их выполнение.

По мере того как предприятие обрывает конструкторским бюро, ведущим и будирующим техническим мозгом производства, лабораторией, законодателем его производственных режимов, системой чудесных контрольно-измерительных приборов, зорко охраняющих своими электрическими глазами и автоматическими руками нерушимую железную дисциплину технологических процессов, диспетчерским пультом, централизующим оперативное управление производством, — предприятие вооружается необходимыми средствами преодоления исторического противоречия между естественно-научным характером современной техники и традиционной кустарной культурой труда.

Каковы в нашей промышленности позиции этих основных рычагов освоения?

Позиции этих рычагов не однородны. Исключительно важное значение конструкторских бюро, ведущих цехов машиностроительных заводов, в течение ряда лет безусловно недооценивалось. Только в последнее время в сознании наших работников начинается перелом, остро ощущается отсталость этих творческих центров технического прогресса, а на некоторых передовых, главным образом машиностроительных заводах конструкторские бюро завоевывают наконец с большим запозданием авангардные посты.

Достигнутый уровень индустриализации создает широкую возможность, а пройденный этап массового освоения передовых достижений капиталистической техники во всех отраслях народного хозяйства вызывает все более острую необходимость самостоятельного искания новых путей в технике. Изобретательство должно стать существенной движущей силой нашего технического развития. Здесь перед нами большие задачи: борьба с консерватизмом хозяйственников, успокоившихся на освоенных конструкциях и технологических режимах, создание крепкой материальной опытной базы промышленности, внедрение экспериментирования в жизнь каждого более или менее крупного предприятия, контакт изобретателей с конструкторами.

Позиции наших лабораторий значительно крепче. Сейчас уже не приходится доказывать (как несколько лет назад), что без лаборатории, являющейся законодателем и контролером тех-

нологии, предприятие неизбежно осуждено работать вслепую. В стране имеется большая группа превосходных, мирового значения лабораторий («Шарикоподшипник» им. Кагановича, ХТЗ и СТЗ, Урал, АМО и Горьковский автозавод, Кузнецкий металлургический завод, Сталиногорский и Горловский химкомбинаты и др.). Но есть заводы, лаборатории которых осели на задворках, экспериментальная база их крайне узка и скудна. В цветной металлургии например, одной из самых отсталых отраслей нашей промышленности, лаборатории не пользуются серьезным вниманием. Есть однако и такие лаборатории, которые, будучи прекрасно оборудованы и насыщены высококвалифицированными кадрами, чрезмерно увлекаются общетеоретической научно-исследовательской работой в ущерб повседневному практическим требованиям своего завода.

Позиции контрольно-измерительной аппаратуры на заводе, в цехе, у рабочего места пока еще очень слабы. Производство этих абсолютно необходимых орудий освоения техники сравнительно невелико, отношение к ним рабочих, а подчас и инженеров, некультурное, иногда прямо варварское.

В последнее время на заводах, шахтах, рудниках, даже в совхозах и МТС появляется наконец еще один важный форпост производственной культуры — диспетчерский пульт. Однако в самом начале развития диспетчеризации у нас намечаются некоторые извращения. В о-п е р в ы х, увлечение внешней стороной диспетчеризации (телефон, семафор, сигнальная установка), фетишизация диспетчерской техники, непонимание, что без предварительной тщательной подготовки и организации диспетчерство само по себе ничего положительного не принесет. В о-в т о р ы х, противопоставление диспетчерства планированию. Диспетчер в действительности не заменяет плана, но на основе данного ему плана-графика тщательно следит за выполнением плана и с этой целью оперативно регулирует ход производства. В-т р е т ь и х, неумение подчас увязать диспетчерство с единоначалием; при правильной постановке дела диспетчерство, ударяя по функционалке, организационно связывает части предприятия в одно стройное целое и тем самым вооружает и укрепляет единоначалие.

***

Одно из наиболее важных условий и вместе с тем веский показатель освоения техники — планомерный, обеспечивающий регулярность производства режим эксплуатации и восстановления работоспособности оборудования. Такой режим в нашей промышленности устанавливается, полностью он еще не освоен. Традиции кустарщины, работы без расчета и предвидения еще сильны. Но дело не только в традициях хозяйственного бескультурья. Ведь только в классовой борьбе, в процессе изживания в психологии миллионов воспитанного капитализмом отчужденного отношения к средствам производства укореняется сознание необходимости особенно бережного и ответственного отношения к общественной социалистической собственности.

Как строится режим эксплуатации основных фондов?

Рациональная эксплуатация требует тщательного изучения всех

свойств и закономерностей сложного оборудования, выявления скрытой в нем потенциальной производственной дееспособности, ориентации на такие коэффициенты сменности работы машин, которые выражают оптимальное соотношение наличной мощности основного капитала и заданного предприятию плана выработки продукции.

Отсутствие систематической паспортизации оборудования—основная причина неосвоенности рационального режима его эксплуатации. Часть оборудования работает без паспортов. Паспорта, которые имеются у некоторых групп оборудования, быстро оказываются негодными, так как изменения, происходящие в оборудовании (мелкий и средний износ, капитальный ремонт), не регистрируются в его паспорте. Не удивительно, что значительная доля нового высококвалифицированного и сложного оборудования весьма недостаточно изучена, скрытые в нем резервы не выявлены, уровень фактической выработки предприятия нередко ниже его потенциальной производительности. Первые годы второй пятилетки ясно показали, насколько велика потенциальная мощность промышленного оборудования (черная металлургия, уголь и другие отрасли).

Для ряда отраслей промышленности и отдельных предприятий стоит задача повышения коэффициента сменности. Но опыт показал, что переход предприятий на трехсменную работу в условиях значительного избытка оборудования и невыработанности культурного режима ухода и ремонта его далеко не всегда целесообразен. Трехсменка приобретает в этих условиях часто фиктивный характер, количество простоев часто не только не уменьшается, но даже увеличивается, ибо не остается времени, чтобы в промежутках между сменами выполнять необходимую для правильного использования оборудования подготовительную работу. В итоге часто оказывается, что степень использования оборудования падает, а заданная предприятию программа может быть выполнена с лучшей загрузкой оборудования в две смены.

Эксплуатация основного капитала тесно связана с его восстановлением, т. е. с сохранением его работоспособности. Здесь также далеко не все благополучно.

Неосвоенность правильного режима «омоложения» оборудования большинства наших предприятий видна в двух главных симптомах: 1) ремонт имеет обычно не профилактический, а аварийный характер; 2) основа ремонта—не текущие, а капитальные работы. Второе обусловлено первым, в результате—слишком часто быстрый износ нового оборудования.

Начнем с проблемы плано-предупредительного ремонта. Новая техника запечатлена тремя особенностями, резко повышающими значение предотвращения аварий методом тщательного контроля и профилактического ремонта: централизация электроснабжения, углубленная специализация оборудования, конвейерно-поточный цикл производства.

При высоком удельном весе электричества в технологических процессах и централизации распределения электрической энергии срыв подачи энергии, вызванный аварией, ударяет сразу по огромному кругу предприятий и наносит производству крупный ущерб. Минутный перерыв тока на азотно-туковом комбинате (опыт Горловки)

расстраивает производственный процесс на долгие часы. Остановка компрессора шахты на 10—15 минут вычеркивает иногда работу целой смены. На бумажных фабриках внезапное прекращение тока вызывает общее расстройство технологического процесса, потерю сырья, порчу оборудования и т. д. Таким образом, предотвращение аварий при централизованном электроснабжении несравненно более важно, чем при прежнем уровне развития промышленной энергетики, когда электричество не играло первостепенной роли в двигательных и технологических процессах, а каждая фабрика имела вдобавок свои энергетические установки. В том же направлении необходимости предвосхищения и локализации аварийных срывов действует и тенденция специализации оборудования, обуславливающая огромное разнообразие деталей и трудность их неожиданной замены, и тенденция конвейерно-поточного метода производства, требующая четкого ритма, регулярности, непрерывности процесса производства. Таким образом это по-иному ставит всю проблему организации ремонта: ремонту должны быть присвоены в основном функции профилактики, а не вынужденной ликвидации «неожиданных» поломок запущенного оборудования. Ремонт должен достигать и уничтожать зародыши аварий, скрытые в перегреве подшипников, трещине бандажа, химическом износе деталей и т. д.

Но плано-предупредительный ремонт машин предполагает высококультурную организацию ремонтного хозяйства завода, что до сих пор весьма слабо усвоено большинством хозяйственного и технического руководства наших заводов. Периодические смотры и проверки состояния оборудования, своевременное устранение обнаруженных дефектов, чертежи и модели, плано-регулируемый парк запасных частей и деталей, крепкие ремонтные цехи, правильные взаимоотношения отдела главного механика с цеховыми бригадами, система оплаты, стимулирующая у ремонтных рабочих борьбу за качество ремонта, тщательный контроль ремонтного процесса, предполагающего определенную техническую квалификацию рабочего, — основные элементы организации нормального режима поддержания оборудования в работоспособном состоянии.

Настойчиво выдвигая требования предупреждения аварий плано-предупредительного ремонта, передовая техника дает вместе с тем средства, которые дополняют, а частично и заменяют метод периодической ревизии состояния оборудования и повышают возможность локализации аварий. Речь идет об автоматических и полуавтоматических сигнализационных и регулирующих приборах, своевременно указывающих малейшие отклонения от нормального хода в машине и мгновенно приостанавливающих, если нужно, ее работу. Лучший пример — те же электростанции. Рост мощности параллельно работающих систем, сооружение линий передач значительной длины, загрузка линий увеличили вероятности выпадения из синхронизма отдельных машин и целых генераторных станций. Мгновенное выключение поврежденного участка с помощью усовершенствованных реле обезвреживает аварии, локализует их, повышает устойчивость параллельной работы сетей. Сигнализационные приборы самых различных систем также выполняют в различных

отраслях важную функцию предупреждения о всех неполадках машин.

Однако, как бы хороша ни была организация планово-предупредительного ремонта, тыл производства должен быть обеспечен определенными резервами оборудования на случай неожиданных аварий: газгольдер доменной и миксер мартеновской печи, охладительный бассейн электрической станции и т. п. выполняют резервные функции, особенно необходимые в технологических условиях непрерывного производства.

В противоположность текущему ремонту капитальный ремонт состоит не в разновременной, а в одновременной массовой смене (или починке) подверженных износу или поломке деталей механизма и выверке всего его в целом. Однако при отсутствии систематических профилактических ремонтов оборудование работает обычно до отказа, станок попадает в ремонт, когда он основательно травмирован и разболтан, когда главные части механизма выведены далеко за допустимые пределы точности. Но и ненормальный учащенный капитальный ремонт поставлен также неудовлетворительно. Детали и запасные части обычно не заготовлены, длительность простоев крайне велика (месяцы!), качество ремонта, слабое или совсем не контролируемое, не обеспечивает серьезного «омоложения» и восстановления работоспособности оборудования (нередко в результате ремонта точность работы станка снижается).

Как общее правило, промышленные предприятия не готовятся достаточно серьезно к периоду массовых летних остановок на ремонт, запасные части и детали необходимого ассортимента отсутствуют, «оздоровление» оборудования часто идет за счет смены изношенных частей другими, план ремонта, обычно расписанный в многотомных «опусах» канцелярского творчества, реализуется формально, по существу совершенно неудовлетворительно. На проблеме ремонта хорошо видна связь процесса освоения с процессом завершения технической реконструкции: самое главное (с народнохозяйственной точки зрения) место ремонтного режима — производство и воспроизводство парка запасных частей — требует строительства специальных заводов, что возможно и необходимо лишь на определенной, достигнутой в период второй пятилетки ступени индустриализации страны.

Проблема ремонта остается еще до сих пор нерешенной проблемой не только в промышленности, но и во всем народном хозяйстве.

Необходимо вспомнить и учесть еще одно весьма важное обстоятельство. Наличная и входящая в ближайшие годы в производственную эксплуатацию крупная масса основных фондов начинает в возрастающей степени играть новую роль в процессе накопления и расширенного воспроизводства. Растущий амортизационный фонд становится емким, материальным источником расширения, модернизации, реконструкции производства. Маркс указал на эту роль основного капитала в динамике капиталистического расширенного воспроизводства

Особые требования предъявляет новая техника не только к режиму оборудования, но и к режиму сырья и топлива.

Необходимость производственных запасов приобретает особую остроту в связи со специфическими требованиями к плановому снабжению, которые выдвигает современная техника.

Если раньше можно было на базе средних данных прошлых лет составлять план снабжения будущего года и, лавируя внутри отдельных отклонений в сортах и размерах материала, выполнять программу, то в настоящее время требования к однородности материала и невозможность столь свободного лавирования внутри производственных заданий заставляет совершенно иначе, гораздо более точно планировать снабжение и следить за его систематичностью и регулярностью.

Особо высокое значение приобретают налаженность и бесперебойность снабжения предприятия сырьем и полуфабрикатами при работе непрерывным потоком. Известен ряд случаев, когда неналаженность снабжения вызывала срыв поточной системы и заставляла предприятие отказываться от нее (Климовский завод Мосмаштреста временно отказался от поточной системы из-за плохого снабжения болтами; то же на заводе им. Кулакова и др.).

В США запасы материалов на складах подвергаются специальному нормированию, которое опирается на следующие условия: 1) склады должны быть оборудованы стеллажами или вместилищами для материалов, которые должны иметь определенные отделения или места для каждого рода, размера или класса материалов; 2) в складах должно находиться необходимое оборудование для перевозки или переноски материала без потери времени; 3) весь материал, доставленный на склад, должен быть определенным образом маркирован поставщиком в соответствии с его качеством и количеством; 4) материал требуется в определенном количестве в данном месте и в данное время. Для этого существует определенная техника требования материала со складов и т. д.

Непрерывность, ровность, уверенный и стойкий ход процесса производства, наконец бережное отношение к оборудованию категорически требуют постоянной обеспеченности питания топливом, сырьем, энергией, вспомогательными материалами агрегатов, машин, котлов, печей и т. д. В условиях наших напряженных отраслевых балансов, в частности топливного и сырьевого, недостаточная обеспеченность запасами, ждущими своей обработки (при неудовлетворительной вдобавок работе транспорта), вызывает перебой, особенно когда в узкий промежуток времени в строй действующих предприятий вводятся новые крупные производственные мощности, резко повышающие массовый спрос на сырье, топливо, вспомогательные материалы. Нельзя прочно освоить новую технику и обеспечить ровный ход производства в условиях, когда электростанции получают топливо, машиностроительные заводы — металл, инструмент, лес, металлургические — руду и кокс, коксовые установки — уголь, угольные шахты — крепельный лес, суперфосфатные заводы — серную кислоту, текстильные фабрики — хлопок не со складов, а буквально с колес железнодорожных вагонов. Отсутствие классифицированных запасов руд на металлургических заводах приводит часто к дезорганизации режима шихты, следствием чего является относительно низкая произ-

водительность доменных печей. На металлообрабатывающих заводах отсутствие маркированных запасов металла вызывает перебои производства и большие перерасходы металла. На текстильных фабриках часто имеются запасы сырья, но перерабатывать нечего, так как ассортимент хлопка не соответствует тому ассортименту, который вырабатывает фабрика.

Организация запасов (и заделов) как одно из важнейших условий освоения новой техники будет удовлетворительно решена, когда мы выработаем и закрепим железную плановую систему снабжения наших фабрик и заводов; когда запасы станут прочным и регулярным элементом промышленного процесса, изменяясь по размерам в разные периоды года; когда процесс образования запасов будет не обезличенным нагромождением масс сырья и топлива, а планомерным комплектованием заводских складов топливом и рудами определенных классов, составов, характеристик; когда наконец складское хозяйство нашей промышленности будет расширено, упорядочено, приведено в соответствие со строгими и точными требованиями новой техники.

Машинная техника требует особо продуманной и четкой организации труда, новых методов расстановки и разделения функций рабочих и производства.

Неосвоенность новых методов расстановки и организации рабочих и производства — одна из существенных сторон неосвоенности новой техники. Остановимся на главных ее моментах.

Мы оставляем сейчас в стороне подробный анализ такого крупного дефекта организации труда, как внешняя и внутренняя текучесть, которая совершенно нетерпима в условиях сложной техники современного предприятия (обезличка) и вместе с тем препятствует формированию квалифицированных кадров из нашего в основном молодежного, не имеющего серьезного производственного стажа рабочего класса (к началу второй пятилетки 40—42% рабочих в возрасте до 22 лет).

Перейдем к другим дефектам организации труда.

1. На наших предприятиях еще далеко не использованы те богатые возможности замены рабочей силы машиной, которые содержит в себе передовое оборудование. При неизученности скрытых свойств и ресурсов передовой техники, неумении обращаться с новым оборудованием, отсутствии планомерной прикрепленности определенных групп рабочих к определенным механизмам (обезличка), некомплектной механизации и слабой автоматизации производства количество рабочих на единицу оборудования сравнительно велико и значительно превышает количество рабочих на единицу оборудования в передовых капиталистических странах (см. табл. на стр. 48).

Обратная сторона высокой занятости рабочих на единицу оборудования — недостаточная норма выработки промышленной продукции на одного рабочего, т. е. сниженный уровень производительности труда.

2. Внутри предприятий еще не достигнуты рациональные и экономные формы разделения труда, выражающие правильные пропорции между основными и вспомогательными обслуживаниями группами рабочих и обеспечивающие максимальную производи-

Количество рабочих на единицу оборудования к началу второй пятилетки

	СССР	Капиталистические страны (США и Германия)
Количество рабочих в сходной лаве	108	80—81
Количество рабочих на 1 доменную печь	сред. 271	сред. США 116 колеб. 80—180
Количество рабочих на единицу полезного объема доменной печи	80—90	15—20
Количество рабочих на 1 мартеновскую печь	140	Германия 60 США 20—40
Количество рабочих на 1 установку Винклер—Коха	30—35	6—7
Количество рабочих на 1000 кв. установлен. мощности на электростанциях	8—9	1—2—4

тельность массового кооперированного рабочего организма. Было бы конечно ошибочно считать, что необходимо огульное и механическое сокращение вспомогательно-обслуживающей рабочей силы. Наоборот, общая прогрессивная тенденция промышленного развития обуславливает относительное повышение удельного веса вспомогательно-обслуживающих групп рабочих.

В основе тенденции относительного повышения удельного веса вспомогательно-обслуживающих групп рабочих лежат две тесно связанные причины: развитие рациональных форм внутриводского разделения труда и развитие механизации основных производственных процессов.

Правильное внутриводское разделение труда требует освобождения рабочих, выполняющих ту или иную важную производственную функцию, от педсобной, осложняющей, вспомогательно обслуживающей работы¹.

Очевидно например, что в литейных мастерских формовщики должны сосредоточиться на основной своей операции, а такие операции, как выбивка литья земли из опок, подача опок на места формовки, просеивание и перемешивание земли, подача свежей земли из земледелки, отбор крючков из выбитой земли и т. п., должны выполняться отдельными группами рабочих. То же в области станочных работ. В прежнее время рабочий не только работал над данной деталью, но и сам обслуживал свою работу. В настоящее время в связи с дроблением этой работы на отдельные операции рабочих ставят в такое положение, чтобы они по возможности не отрывались от своей основной работы у станка. С этой целью к станку доставляют все необходимое для работы (материал и инструменты) в совершенно готовом виде. Таким образом со станочных рабочих снимается часть функций, но одновременно на заводе возникают новые группы рабочих, занятых заготовкой, транспортировкой, контролем и распределением резцов и т. п. Возьмем далее такую важную область производственной жизни всякого завода, как внутренний транспорт, который на крупных машиностроительных заводах занимает 20—25% всех рабочих. Разделение труда внутри предприятия идет в направлении разгрузки основных производственных рабочих от транспорт-

¹ См. Г. О р е н т л и х е р, Вспомогательные работы и вспомогательная рабочая сила на производстве, 1933 г., стр. 31—67.

ных функций и передачи последних особым рабочим, что в свою очередь приводит к увеличению численного соотношения между вспомогательными и основными рабочими и к лучшему использованию квалификации работающих. Ярким примером значения вспомогательных рабочих являются наши заводы автотракторной промышленности. Заводы эти рассчитаны на почти полное самообслуживание в изготовлении нормалей и инструментов, производстве капитального ремонта и т. п., так что их вспомогательные цехи (инструментальный, заготовительный, ремонтный) являются по существу целыми заводами, на которых занято в среднем 25—35% всего количества рабочих. Рука об руку с рациональной организацией труда действует в сторону усиления удельного веса вспомогательно-обслуживающих рабочих и механизация основных производственных процессов. Замена привода от руки или ноги механическим приводом, замена ручной ковки на наковальне ковкой под паровым молотом (прессом, штамповкой и наконец прокаткой), замена ручной формовки машинной, замена ручной клепки, чеканки и рубки пневматической и т. д. — все это требует значительных кадров вспомогательных рабочих, специально занятых производством всякого рода энергии: электрической энергии, пара, сжатого воздуха (центральная электрическая станция, компрессорная станция, специальные котлы и т. д.)².

Итак, в самом факте роста вспомогательно-обслуживающих рабочих нет ничего ненормального. Однако анализ структуры расстановки рабочей силы на наших предприятиях приводит к выводу, что еще не нащупаны и не закреплены правильные пропорции основных и вспомогательно-обслуживающих групп рабочих. Эта неосвоенность рациональной расстановки рабочей силы на предприятиях выражается двояко: 1) в одних случаях основные рабочие недостаточно полно и целесообразно разгружены от вспомогательно-обслуживающих операций производственного и транспортного характера; 2) в других случаях имеется явный избыток вспомогательно-обслуживающей рабочей силы, обусловленный отставанием темпа механизации подсобных от темпа механизации основных работ, излишней подчас дифференциацией и дробностью функций и профессий и наконец неумением производительно использовать кадры вспомогательных рабочих. На одном и том же предприятии часто совмещаются обе формы неправильного соотношения вспомогательных и основных рабочих.

3. Крупнейшим дефектом современной организации труда на наших предприятиях является его недостаточная интенсивность. Уровень интенсивности отстает и от имеющихся возможностей и от требований борьбы за ускорение освоения новой техники и подъем продуктивности труда. Невысокий уровень интенсивности труда рабочего отчетливо виден в ненормальной пористости рабочего дня, слабой уплотненности производительным трудовым процессом единицы рабочего времени, крупной доле непроизводительных пауз и перерывов в работе каждой смены.

В буржуазном обществе категория интенсивности труда в процессе своего исторического развития вступает в антагонистические отношения с обоими факторами производительной силы общественного труда — техникой и рабочим: повышение интенсивности труда, с

² О р е н т л и х е р, указ. соч., стр. 47.

одной стороны, тормозит в определенных границах применение технического усовершенствования, с другой. — подрывает основную производительную силу общества—рабочий класс.

Совершенно иной характер имеет интенсивность труда в условиях социалистического обобществления средств производства, в условиях диктатуры пролетариата. Повышение интенсивности труда, обусловленное в значительной мере сознанием работы не на капиталистов, а на себя, не препятствует конечно ускоренному внедрению технических усовершенствований, но дружно идет с ним рука об руку. Вместе с тем повышение уровня интенсивности труда в СССР не влияет отрицательно на рабочего: 1) при социалистической охране труда рост интенсивности не может перейти границы, за пределами которой рабочему угрожает истощение и разрушение его организма; 2) подъем интенсивности компенсируется, с одной стороны, ростом материального заработка рабочего, с другой—сокращением длительности рабочего дня; 3) движение интенсивности труда приобретает вообще качественно иные, чем при капитализме, обогащенные и разносторонние формы: оно не сводится к простому и одно-стороннему уродливому напору на мускульную и нервную деятельность, но предполагает развитие всего внутреннего мира производственных задатков и дарований трудящегося, постепенное превращение труда из мучительного бремени в основную потребность человека.

Таковы основные дефекты труда, тормозящие освоение новой техники. Главная причина этих дефектов (оставляя в стороне некомплектность механизации)² — кустарные методы расстановки людей в производстве, неумение, а иногда и нежелание систематически использовать единственно рациональный в условиях современного крупного производства метод разделения труда, производственной организации рабочих сил, обслуживания рабочего места. Речь идет о техническом нормировании. Исходя из конкретных данных технологического проекта, техническое нормирование: 1) проектирует для каждой отдельной операции (и производственного процесса в целом) наиболее целесообразный режим оборудования; 2) определяет продолжительность составных элементов каждой операции и всей их совокупности; 3) вырабатывает схему наиболее рациональной организации труда, содержания и последовательности трудовых процессов*.

4) доводит эти задания до рабочего места, подробно инструктирует рабочего, что делать, как организовать свое трудовое поведение, сколько времени затратить на каждую операцию.

Техническое нормирование, с помощью которого только и воз-

* Примечание. Если механизация не организована комплексно как внутренне увязанная, расчлененная система орудий и машин, обеспечивающих в своей производственной совокупности непрерывный поточный процесс движения продукта, то она не даст конечно сколько-нибудь стойкого и полного эффекта. В условиях звеньевой, а не комплексной механизации обычно имеют место следующие отрицательные явления: 1) нельзя достигнуть существенного сокращения занятой в производстве рабочей силы; 2) немеханизированные или непропорционально слабо механизированные звенья процесса производства становятся узким местом, лимитирующим производство и срывающим его непрерывность и бесперебойность; 3) достигнутое на одних участках благодаря механизации повышение производительности труда поглощается и нивелируется в большей или меньшей степени на других, менее механизированных или совсем не механизированных участках трудовых функций.

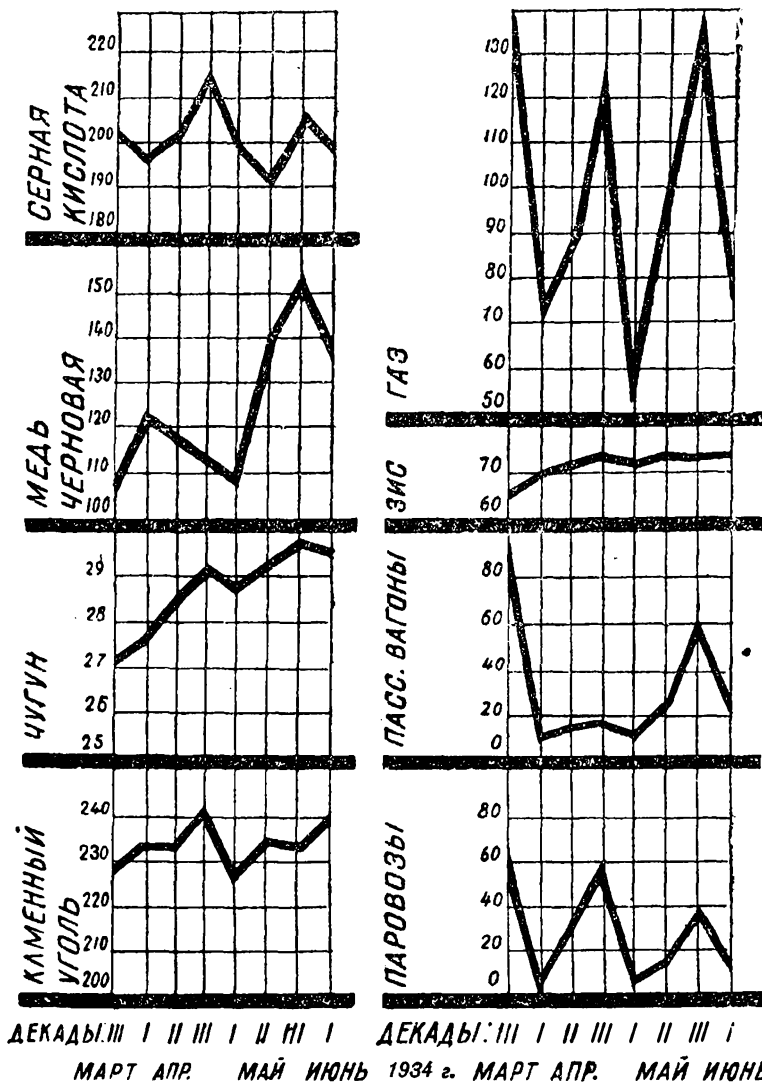
можно правильно спроектировать режим трудового процесса и правильный заработок рабочего, организовано у нас обычно неудовлетворительно: с одной стороны, оно оторвано от технологического планирования и, с другой — от рабочего места. В отношении технологического планирования технормирование, вместо того чтобы искать в этом арсенале точное материальное обоснование своих расчетов и прикидок, строит часто (излишне детализированные вдобавок) нормы, исходя из фактически существующих средних выработок, узаконяя и санкционируя их применение и в дальнейшем. По отношению же к рабочему месту оно, вместо того чтобы детально инструктировать рабочего о режиме его трудового процесса, ограничивается зачастую общей декларацией своих заданий. Таким образом техническое нормирование отправляется не от техники промышленного процесса, а от статистики результатов этого процесса, регистрирует, вместо того чтобы исследовать, и информирует, вместо того чтобы инструктировать. Но тем самым оно ослабляет свои функции в системе внутризаводского планирования, организации и оплаты труда. Оно не связывает правильно технику с экономикой производственной дееспособности нового оборудования, с новыми формами расстановки людей и организации труда, производительности труда, с размером оплаты, социалистического соревнования и ударничества, с внутренними ресурсами повышения производительности труда. Причины неудовлетворительного состояния технормирования лежат в его односторонней тарифно-расценочной ориентации и его организационной структуре (функционалка), изолирующей его от производственного процесса, в игнорировании и недооценке значения этого орудия техническим директором, инженерно-техническим персоналом, мастером, наконец в невысокой квалификации и примитивных методах работы технических нормировщиков.

Напряженный, но ровный ход работы, преодоление штурмовщины, уверенный и непрерывный подъем продукции — также один из существенных элементов производственной культуры.

Анализ суточной динамики продукции основных отраслей индустрии приводит к выводу, что дезорганизующие внутримесячные колебания носят двоякий характер: 1) эпизодические срывы и зигзаги, происходящие неравномерно, от случая к случаю, 2) регулярные колебания, при которых выпуск продукции в начале месяца систематически падает (иногда очень резко), во второй декаде наступает перелом к лучшему, в третьей — пики производства достигают предела. Если колебания первого типа отражают общую неупорядоченность работы данной отрасли или предприятия, то колебания второго типа, колебания повторные носят более специфический характер и обусловлены в основном (но не исключительно) неосвоенностью на предприятии режима задела деталей. В отдельных отраслях и предприятиях оба типа колебаний часто переплетаются. Мы приводим диаграмму динамики среднесуточного производства каменного угля, чугуна, черновой меди, серной кислоты, паровозов, пассажирских вагонов, автомобилей ГАЗ и ЗИС. Эти отрасли и предприятия

выбраны потому, что в совокупности они дают весьма отчетливое представление о внутримесячных колебаниях и зигзагах выпускаемой продукции. Как видно из диаграммы, динамика добычи камен

ного угля и особенно выплавки чугуна имеет сравнительно наиболее ровный и устойчивый характер. Кривая выплавки меди весьма типична как образец нерегулярных колебаний: скачки вверх и вниз 10 в одной, то в другой декаде. Динамика производства серной кислоты в первой декаде апреля, мая и июня «привычно» срывается вниз с уровня последней декады предшествующего месяца. Чрезвычайно интересно наконец сравнить плавную кривую выпуска автомобилей на ЗИС с регулярно ломаными кривыми выпуска автомобилей ГАЗ, паровозов и пассажирских вагонов. Амплитуда колебания по этим основным продуктам машиностроения очень сильна. В первую декаду апреля, мая, июня (именно этот период отражает наша диаграмма) среднесуточное производство паровозов соответственно в восемь с

половиной, в восемь и в три раза меньше, чем в последние декады предыдущих месяцев. По пассажирским вагонам эти коэффициенты— 1,2; 1,3; 3. По грузовикам ГАЗ—1,7; 2; 1,7. Таким образом штурмовщина наиболее сильно сказывается в отраслях машиностроения. Это подтверждает, что главная причина регулярных внутримесячных срывов и последующих пик— неосвоенность режима заделов, оголение к концу месяца производственного тыла, неумение организовать дело так, чтобы темпы работы заготовительных цехов опережали темпы механосборочных.

Передовая техника социалистического предприятия требует соответствующей ей формы управления производством. Мы рассматриваем эту сторону дела последней, но она имеет доминирующее значение: только полноценная форма управления способна обеспечить совокупность рассмотренных выше высоких специфических требований организации производства. Какие требования к организации управления выдвигает борьба за освоение новой техники?

Но предварительно один существенный вопрос. Не уменьшает ли вообще современная техника роли человека в производстве? Не передвигается ли центр тяжести производственной дисциплины от рабочего и инженера к автоматизированной системе машин? Вопрос не праздный: фетишизм автоматике имеет своих вольных и невольных защитников. Маркс исключительно метко определил апологетический характер недооценки значения рабочего и переоценки значения вещественных условий производства.

«Так как экономисты отождествляют прошедший труд с капиталом... то понятно, что они, как пиндары капитала, выдвигают вперед вещественные элементы производства и переоценивают их значение по сравнению с субъективным элементом, живым, непосредственным трудом... Во всех этих теориях прошедший труд выступает не как вещественный только момент живого труда и ему подчиненный, а наоборот; не как элемент власти живого труда, а как власть над этим трудом. Чтобы и технологически оправдать специфически общественную форму, т. е. капиталистическую форму, где отношение труда и условий труда оказывается перевернутым, так что не рабочий применяет условия труда, а условия применяют рабочего— экономисты неправильно придают слишком важное значение вещественному моменту в противоположность самому труду»¹.

Представление о падении роли «субъекта» в производстве под влиянием развития машинизма отражает и вместе с тем апологетически обосновывает такой строй производственных отношений, где продукт властвует над производством, предмет над субъектом, средства производства над рабочими, превращенными в придаток машины. В СССР машина выступает не как власть над живым трудом, а как элемент власти труда над при-

¹ М а р к с. Теории прибавочной стоимости, т. III, 1932 г., стр. 213.

родой. Вот почему машинизм, даже в его наиболее развитых автоматизированных формах, не снижает роли рабочего на социалистическом предприятии, но качественно изменяет ее: освобождение от оупляющего тяжелого физического труда (исчезают вековые профессии саночников, глухарей, каталей, грузчиков, крючников, кузнецов), выпрямление человека, всестороннее развитие функций надзора за машиной, изобретательства, анализа, расчета и т. п. и — как основы этого — интеллектуальной деятельности. Указанная выше эмансипация современной техники от ограниченных психо-физических способностей человека не снижает значения живого труда в производстве, но облагораживает его содержание и неизмеримо повышает его эффективность освобождением от физического бремени, полуслепого кустарного примитива, первобытной рыхлости и ко-солапости рабочих приемов.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме управления предприятием. Новая техника, качественно изменяющая при социализме содержание труда, обуславливает вместе с тем сугубо коллективный (ограниченный при капитализме) характер его и поэтому с колоссальной силой выдвигает организационные проблемы производства и стимулирует развитие организаторских способностей людей (руководство, увязка, маневрирование, комбинирование).

Практика нашей борьбы за освоение новой техники с исключительной яркостью продемонстрировала основной факт: от уровня организации социалистического производства зависит, насколько успешно рабочий овладеет технологией производства и насколько при данной выучке и квалификации рабочего машина действительно становится элементом власти человека над природой. Организационные проблемы производства приобретают исключительную остроту, ибо на базе всесторонней технической реконструкции «дело идет об организации по-новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков миллионов людей»⁴.

Начиная с исторического постановления (апрель 1933 г.) ЦК ВКП(б) и СНК о Донбассе, партия проводит широкую перестройку организации управления промышленности с целью улучшения руководства и укрепления конкретного и компетентного единоначалия в производстве. XVII съезд партии подвел итоги первого этапа этой перестройки и вынес по организационным вопросам решения принципиальной важности. Упрощение всей структуры управления путем сокращения количества обособленных самостоятельных цехов предприятия и ликвидации излишних функциональных отделов заводоуправления, бюрократических средостений между предприятием и главком (все большее значение в тяжелой промышленности приобретает двухзвенная система управления: главк-предприятие, коллегиальное руководство); обеспечение директору всей полноты власти на предприятии и ответственности за предприятие; передвижка инженерно-технических кадров из канцелярии к предприятию, цеху, станку; усиление оперативного руководства и укрепление делового, окруженного доверием авторитета на всех ступенях производства (технический директор, начальник цеха, мастер, бригадир), — все

⁴ Ленин, т. XXII, стр. 441—442.

это поднимает систему управления производством на уровень требований передовой техники. Хорошо подобранный, построенный на принципе жесткого единоначалия административно-технический коллектив, в котором директор, ответственный за предприятие в целом, тесно связан с партийной организацией, всеми сторонами жизни предприятия с помощью ограниченного числа функциональных отделов, опираясь на активность, самостоятельность, творческую инициативу масс, — такая «схема» управления предприятием на данном этапе социалистического строительства. Два других угла «треугольника» должны работать в пределах поставленных перед ними задач так, чтобы не подменять собой административно-хозяйственный персонал, не ослаблять, а укреплять принцип единоначалия.

Утверждаясь в борьбе с саботажем проводимой партией перестройки, эта форма управления разрушает на наших предприятиях своеобразную амальгаму двух других форм управления — кустарно-патриархальной и канцелярски-бюрократической.

Когда планирование идет «на подметках» и предприятие живет штурмами, вслепую, без цельного плана, обеспеченного тыла (заделы), перспективы завтрашнего дня — это означает, что новую технику пытаются втиснуть в колодки кустарной организации производства, примитивных архаических форм управления предприятием. Но эти кустарно-патриархальные методы тесно переплетаются с декретно-директивными.

Последние характеризуются резким бюрократическим извращением (гипертрофией) самого по себе необходимого разделения труда и выделения функций в системе управления крупным предприятием и представляют собой наследство буржуазных методов управления хозяйством. «Канцелярско-бюрократические методы руководства, сведение руководства к общим приказам, неумение соединить административное управление с хозяйствованием по существу, функциональщина — все это является наследством буржуазных методов управления» (Л. Каганович, Доклад на XVII съезде партии).

При этой извращенной системе разделения труда функции руководства в производстве нелепо и уродливо оторваны и полуизолированы друг от друга: инженер сидит в канцелярии треста или управления; директор не знает техники финансов, экономики своего предприятия и следовательно не владеет основными рычагами регулирования хода работы предприятия; начальники цехов не могут прорваться к директору через барьеры кабинетов замов, помов, завов; несогласованные приказы идут тучами через головы среднего и низового командного состава, подрывая его авторитет в цехе и у рабочего места; нет проверки исполнения, господствует неразбериха, безответственность, обезличка. Эти бюрократические методы управления заменяются у нас новыми методами, обеспечивающими действительное освоение передовой техники.

Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального

Во втором пятилетии сельскохозяйственный труд превращается в разновидность индустриального. Осуществление этого обуславливается выполнением основных задач второго пятилетнего плана. Превратить сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального можно, только окончательно ликвидировав капиталистические элементы, классы вообще, частную собственность на средства производства, завершив техническую реконструкцию. Только в этой связи могла быть выдвинута и осуществлена эта задача.

Что означает превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального?

Это означает раньше всего (и это уже достигнуто в отношении значительного большинства крестьянских хозяйств), что труд в сельском хозяйстве должен являться по своей общественной форме однотипным с трудом в социалистической промышленности, т. е. трудом социалистически обобществленным. Это означает далее, что труд в сельском хозяйстве должен основываться на научном базисе, так же как и процесс промышленного производства. Это означает, что труд в сельском хозяйстве должен базироваться, как и в промышленности, на применении системы машин и использовании преимуществ разделения труда внутри отдельного предприятия.

Рассмотрим основные черты социалистической индустриализации сельскохозяйственного труда. Они приобретаются по мере развития колхозного движения, с каждым подъемом его на новую, более высокую ступень.

Социалистическое обобществление является одним из основных признаков индустриализации труда в сельском хозяйстве, ибо оно превращает труд мелких товаропроизводителей в однотипный с трудом в социалистической промышленности.

Динамика коллективизации на 1 июня каждого года

Показатели	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1934 г.	1937 г.
% коллективизир. крестьянских хозяйств . .	0,8	1,7	3,9	29,6	52,7	61,5	75	100

Второй пятилетний план предусматривает 100-процентную коллективизацию, т. е. социалистическое обобществление всего труда, занятого в сельскохозяйственном производстве. Уже здесь выступает

принципиальное отличие капиталистической и социалистической кооперации. Если там «концентрация значительных средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих»¹, то материальной предпосылкой социалистического обобществления труда в сельском хозяйстве является концентрация основных средств производства в руках государства и объединениях самих производителей. Поэтому уже национализация земли, важнейшего средства производства в сельском хозяйстве, осуществленная диктатурой пролетариата, означала важнейшую предпосылку превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Такой важнейшей предпосылкой, осуществляющей эту концентрацию на новом этапе, является рост машинно-тракторных станций.

Рост машинно-тракторных станций характеризуется следующими данными:

Показатели	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1937 г.
Сеть МТС	158	1 573	2 456	6 000
Тракторный парк (в тыс. л. с.)	86,7	767,8	1 272,9	6 150
Охват посевной площ. (в млн. га)	2,8	29,3	50,6	110,0

Доля МТС в стоимости всего мертвого инвентаря сельского хозяйства подымется к концу пятилетки с 15 до 53%, т. е. свыше 50% мертвого инвентаря будет сосредоточено в руках государства. Таковы материальные предпосылки обобществления труда в сельском хозяйстве. Естественно, что они предполагают огромный рост сельскохозяйственного машиностроения.

Каков же уровень обобществления труда в сельском хозяйстве? Он характеризуется количеством работников на одном предприятии и концентрацией средств производства.

Удельный вес и средний размер хозяйств по секторам характеризуются такими показателями:

Хозяйства	1928 г.		1932 г.	
	удельный вес в посевах (в %)	средний размер посева на 1 хозяйство	удельный вес в посевах (в %)	средний размер посева на 1 хозяйство
Единые	97,3	1,5	22,0	3,15
Колхозы	1,2	42,0	68,0	434,0
Совхозы	1,5	544,0	10,0	2 303,0 ²

В 1932 г. на 1 колхоз приходилось свыше 200 работников по сравнению с 40, по данным переписи 1929 г. Концентрацию сельскохозяйственного производства следует рассматривать не только в пределах колхоза, но и МТС, ибо труд там объединен единой системой машин, единым планом, единством политического, хозяйственного и организационного руководства. В последнем случае уровень обобществления труда будет еще выше.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 247. Изд. 1930 г.

² «Итоги первого пятилетнего плана», стр. 137.

Средний размер МТС разных типов³

Виды МТС	Средний баланс (в тыс. руб.)	Обслуживаются МТС			Основн. машины тракторн. парка				Сеялки	
		колхозов	В них		тракторы	комбайны	грузовые машины	молотилки	тракторной тяги	конной тяги
			колич. хозяйств	площадь посева (в га)						
Зерновые	654 612	28	2 920	26 639	38	1	2	21	47	12
Свекловичные	682 661	32	5 154	18 904	41	0,8	—	18	24	12
Хлопковые	840 710	81	5 765	14 809	43	—	1	7	34	13

Соответственно в пределах одной зерновой МТС социалистически обобществлен труд примерно свыше 6 тыс. работников. По данным 103 МТС Одесской области, на каждую МТС приходится в среднем 4 800 трудоспособных колхозников.

Как мы видим, уровень обобществленного труда в сельском хозяйстве подтверждает положение, что он становится качественно иным. Этот уровень несравненно выше того, которого удавалось достигнуть капиталистическому обобществлению труда. Так, по данным переписи сельского хозяйства Германии в 1925 г., только в 1,3% хозяйств работало свыше 10 наемных рабочих, а в подавляющем большинстве (61,4%)—от 1 до 3 чел. В 1926 г. во всей Франции было лишь 4 хозяйства с числом наемных рабочих свыше 20 чел. И это в условиях потрясающего обнищания и разорения крестьянства.

Непосредственно общественный характер труда как основа порождает в последнем другие черты, присущие индустриальному труду. Они возникают уже на данном этапе и сохраняются и усиливаются в дальнейшем развитии.

Этими чертами являются необходимость в управлении и связанная с ним дисциплина.

Реконструкция сельского хозяйства, изменение характера труда потребовали сотен тысяч колхозных руководителей — председателей колхозов, членов правления, бригадиров, являющихся организаторами производственного процесса.

Рост руководящих кадров — это одно из проявлений изменения характера труда. Этот процесс проходил под непосредственным руководством партии.

Говоря об изменении условий работы в сельском хозяйстве, т. Сталин указывает:

«Центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководство колхоза, на руководящее ядро колхоза». И далее: «...Партия уже не может ограничиться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помощь

³ «Плановое хозяйство» № 1 за 1934 г., Ст. Краева «Организационно-хозяйственное укрепление колхозов», стр. 141.

колхозникам вести свое хозяйство вперед, на основе данных науки и техники»⁴.

Эта новая постановка вопроса о руководстве, непрестанная борьба партии с самотеком в сельском хозяйстве — яркое свидетельство нового характера сельскохозяйственного труда. Этот вопрос ставится т. Сталиным как один из вопросов классовой борьбы.

За 1933 г. по Одесской области политотделами было выявлено классово чуждых элементов: председателей колхозов — 646, завхозов—471, остальных членов правления—711, бухгалтеров и счетоводов—450, кладовщиков—474, конюхов—1 441, зав. товарными фермами—112, бригадиров—809, учетчиков—228. Политотделы сыграли решающую роль не только в выявлении классово чуждых элементов, но и в создании новых кадров, кадров честных, проверенных руководителей колхозов. Только за тот же 1933 г. выдвинуто на руководящую работу по Одесской области 12 019 колхозников.

Другой стороной вопроса об усилении руководства сельским хозяйством является внедрение социалистической дисциплины. Мелкобуржуазная расхлябанность совершенно недопустима в крупном социалистическом производстве. Непрестанный рост трудовой дисциплины в колхозах есть также одно из проявлений нового характера труда, и движущей силой его является диктатура пролетариата, социалистически перевоспитывающая колхозника.

Обобществление труда в сельском хозяйстве влечет за собой и другой чрезвычайно важный момент, присущий индустриальному социалистическому труду: плановый характер этого труда.

«Колхоз есть крупное хозяйство, но крупное хозяйство нельзя вести без плана»⁵. Особое постановление СНК СССР о типовом плане колхоза, наличие простого, понятного каждому колхознику плана в сотнях тысяч колхозов свидетельствуют о том, что труд в сельском хозяйстве приобрел одну из основных черт социалистического индустриального труда. Решения июльского пленума ЦК ВКП(б) о государственном плане развития животноводства показывают, как глубоко проникло планирование в сельское хозяйство.

Наконец третья черта, связанная с обобществлением сельскохозяйственного труда и свидетельствующая о превращении его в разновидность индустриального, есть сокращение сроков основных сельскохозяйственных кампаний.

Маркс, говоря о кооперации как об общей форме индустриального труда, указывал, что «если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта»⁶. Маркс особо подчеркивает значение подобного разделения труда в сельском хозяйстве.

Практика социалистической реконструкции сельского хозяйства является блестящим подтверждением этого тезиса Маркса.

Достаточно привести несколько фактов: так, на 20 мая было посеяно (яровой сев) в 1930 г.—56 870 тыс. га, в 1931 г.—56 591 тыс. га

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма. Дополнение, стр. 49.

⁵ Сталин, Речь о работе в деревне.

⁶ «Капитал», т. I, стр. 245.

в 1933 г.—63 120 тыс. га, в 1934 г.—75 882 тыс. га. Исключительно интересны данные о сокращении сроков основных сельскохозяйственных кампаний на Украине. Если в 1930 г. Украина сеяла озимые 85 дней, в 1931 г.—80 дней, в 1932 г.—75 дней, то в 1933 г. сев озимых был закончен в 60 дней. Пшеница, ячмень и овес из майских культур превратились в апрельские по окончании срока сева в 1934 г. Продолжительность сева этих культур сократилась с 60 дней в 1931 г. до 41 дня в 1934 г.

В речи на конференции аграрников-марксистов, дающей нам ключ к пониманию процесса развития колхозов, т. Сталин говорит о колхозах, «представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства».

Мануфактурный период развития колхозов придает труду в сельском хозяйстве второй основной признак индустриального труда—разделение труда внутри предприятия.

Совершенно очевидно, что колхозник, специализирующийся на одной какой-либо работе, в одной отрасли сельского хозяйства, ближе к индустриальному рабочему, нежели крестьянин, выполняющий поочередно все несложные сельскохозяйственные операции. Только мелкобуржуазные реакционеры могли видеть в отсутствии разделения труда вследствие неразвитости производительных сил прогрессивное явление. Развитие разделения труда внутри колхоза нужно расценивать как путь к полному уничтожению в будущем старого разделения труда.

Это разделение труда носит принципиально иной характер, нежели разделение труда при капиталистическом способе производства. В капиталистическом обществе разделение труда является одним из главнейших рычагов усиления общественной анархии производства; в социалистическом обществе планомерная организация общественного производства в целом порождает разделение труда внутри предприятия. Значение и последовательность процессов совершенно противоположны. Отрицательные стороны разделения труда парализуются преимуществами социалистической системы хозяйства—той возможностью материального и культурного роста крестьянина, которую он может приобрести исключительно в колхозе.

Основные формы организации колхозного труда—звено, бригада—осуществляют принцип разделения труда. Комбинированное звено, представляющее элементарную форму организации труда в колхозе, построенное на принципе разделения труда внутри звена: звено, работающее на весновспашке, включает в себя пахарей, бороновальщиков, сеяцов. Звено, работающее на уборке, включает в себя скидальщиков, вязальщиков, копнильщиков. Молотильная бригада (в уборочную кампанию 1934 г. выделенная на Украине как специализированная бригада) включает в себя при обслуживании молотилки с автоматическим самоподавателем: 1) подавальщиков на полок, 2) накидальщиков, 3) скирдоправов, 4) подавальщиков в барабан, 5) отбивку соломы от соломотряса, 6) выгребание половы, 7) укладку половы, 8) подвоз воды к локомотиву, 9) весовщиков, 10) машиниста, 11) отвозку зерна, 12) отвозку половы, 13) погонича блока, 14) оттягивание сетки, 15) кочегара.

Разделение труда не только по операциям внутри звена и бригады,

но и по видам хозяйства колхоза можно проиллюстрировать распределением начисленных трудодней по отраслям. Так, в артели им Сталина, Вознесенского района, Одесской области, начисленные в 1932 г. трудодни распределяются по отраслям: 1) полеводство — 33,3%, 2) уход за рабочим скотом—10,7%, 3) животноводство — 13,7%, 4) пасака—1,7%, 5) кузнецы, плотники—8,5%, 6) бытовое обслуживание—2,9%, 7) правление, отчетный аппарат—10,2%, 8) разные работы—19,0%.

Одним из основных проявлений разделения труда является борьба с очередностью кампаний и стремление к сочетанию основных работ и весеннего и летне-осеннего комплекса. Теория очередности кампаний есть не что иное, как выражение старой формы организации сельскохозяйственного труда, с его полным отсутствием разделения, с одним-двумя работниками и единственной возможностью вследствие этого выполнять одну работу лишь после окончания другой. На смену очередности приходит сочетание кампаний как результат разделения труда. Так, в бригаде № 2 колхоза «День урожая», Веселокутской МТС, человекодни за период с 23 сентября по 31 октября распределяются по работам в проценте к итогу: пахота — 30,8; боронование—9,2; сев—4,5; косовица—0,9; носка, скирдование—0,8; возка снопов—0,8; молотья—0,8; обслуживание тракторов—0,1; уборка кукурузы—4,4; подсолнуха—3,1; бурака—2,7; картофеля—6,9; перевозочные—6,9⁷.

Подобное сочетание работ в столь короткий срок является возможным лишь благодаря разделению труда. Оно же проявляется и в масштабе всего сельского хозяйства СССР. Так например, на 5 октября 1934 г. были выполнены следующие основные работы легкой осенней кампании.

Работы	Тыс. га	% плана
Косовица	81 102	98
Молотья	61 679	76
Вспашка зяби	13 528	32
Сев озимых	33 121	88

Это сочетание работ из года в год усиливается. Рост разделения труда в сельском хозяйстве проявляется в росте новых квалифицированных кадров: за период между XVI и XVII партийными съездами было направлено (по системе НКЗ) свыше 1 900 тыс. трактористов, комбайнеров, штурвальных, шоферов.

Тов. Постышев указывал, что «количество работников индустриального типа в сельском хозяйстве Украины равняется сейчас 900 тыс. чел., или в полтора раза больше, чем во всей цензовой промышленности дореволюционной Украины». Такова диалектика уничтожения разделения труда: рост разделения труда в социалистическом сельском хозяйстве означает в то же время шаг вперед в деле уничтожения крупнейшего старого разделения труда — противоположности между физическим и умственным трудом. Эти новые кадры работников социалистического сельского хозяйства, для того чтобы выполнить свою работу, должны по своему уровню развития, овладения наукой и техникой стоять на голову выше единоличника крестьянина.

⁷ «МТС и ее политотдел», стр. 186.

Колхозный актив Одесской области (по данным 105 политотделов) составляют 1 938 председателей колхозов, 6 584 члена правлений, 5 489 бригадиров, 6 005 трактористов, 12 685 звеньевых, 5 230 машинистов и комбайнеров, 6 201 конюх, 34 252 колхозника в полевых бригадах, 7 339—на других работах. 85 тыс. чел. колхозного актива, в том числе 28 тыс. женщин,—такова громадная сила, вызванная к жизни политотделами МТС.

Обобществленный характер и разделение труда дают твердую основу для технического нормирования в сельском хозяйстве. Общественно необходимая затрата труда устанавливается не стихийно, а в плановом порядке как фиксированная норма выработки. Норма выработки заняла место в колхозном производстве рядом с трудоднем. Это кроме того означает, что в сельское хозяйство, так же как и в промышленность, глубоко проникает социалистический принцип распределения (результатов деятельности самого колхоза): каждому по количеству и качеству его труда. Так, изменения в процессе производства порождают изменения и в отношениях распределения. Таковы изменения в сельскохозяйственном труде в связи со второй его новой чертой — разделением труда внутри колхозов.

Как уже было отмечено выше, рост машинно-тракторных станций уже в первом пятилетии означал новый этап в развитии колхозного строительства. В техническом отношении это означало, что увеличение числа разнообразнейших сельскохозяйственных машин и рост в связи с этим мощности тракторного парка обусловили создание системы машин в социалистическом земледелии СССР. На XVII партийном съезде т. Сталин говорил о крупном механизированном сельском хозяйстве. Система машин, начавшая складываться на отдельных участках уже в первом пятилетии, во втором пятилетии становится господствующей во всем сельском хозяйстве СССР.

Тем самым сельскохозяйственный труд приобретает третью основную черту, превращающую его в разнородность индустриального — примененные системы машин.

Имеет ли место система машин в сельском хозяйстве СССР во втором пятилетии? Часто приходится встречать неверное понимание системы машин в сельском хозяйстве: одни связывают ее обязательно с наличием электромотора (Стучка), другие, наоборот, уже в употреблении нескольких видов машин видят их систему (Никулихин).

Маркс указывает на два основных признака системы машин. Это, во-первых, «система машин, в собственном смысле этого слова, заступает место отдельной машины только в том случае, когда предмет проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но взаимодополняющих друг друга машин»⁸. И во-вторых, система машин налично тогда, когда «многие однородные рабочие машины одновременно и равномерно получают свое движение от движений общего и центрального первоначального мотора»⁹. При этом следует помнить, что нельзя механически переносить представления о фабрике с ее системой машин в земледелие. В частности, если в промышленности операции различных стадий процесса производства могут выполняться од-

⁸ К. Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1930 г., стр. 287.

⁹ Там же, стр. 286.

новременно (и рабочие машины, выполняющие их, приводятся в действие движением общего механического двигателя), так как предмет труда одновременно может находиться на различных стадиях своей обработки, то в сельском хозяйстве это, естественно, является невозможным, и выполнение различных операций возможно лишь одна после другой. Поэтому в сельском хозяйстве особое значение имеет кооперация машин не только в пространстве, но и во времени. Конечно формирование системы машин еще не закончено; будущему предстоит перевести ее на электрический мотор, осуществить комбинирование рабочих машин в целом ряде стадий обработки почвы (посевной комбайн) и т. д., однако уже во втором пятилетии во всем сельском хозяйстве СССР будет сформирована система машин. Она имеется в каждой МТС и каждом совхозе, ибо в них сосредоточены машины для всех стадий сельскохозяйственного производства. Поскольку к концу второго пятилетия МТС охватывают все колхозы, наличие системы машин становится присущим всему сельскому хозяйству СССР. Эта система машин принципиально отлична от системы машин капиталистической фабрики, ибо она принадлежит пролетарскому государству, а не частным собственникам. Сопrotивление классовых врагов новому обществу переносится непосредственно на средства производства, зачастую и в форме прямого вредительства. Поэтому и на этой стадии превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального есть вопрос классовой борьбы.

Для того чтобы создать систему машин, необходимо было заново построить техническую базу сельского хозяйства. По данным выборочного обследования сельского хозяйства Украины, охватившего 332 тыс. хозяйств, т. е. 8,2% общего количества в 1917 г. (до Октябрьской революции), 34% хозяйств, имевших посев, вообще не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря. В среднем же на 1 хозяйство приходилось ¹⁰:

Плугов однолемешных	0,4	Жаток	0,09
» двухлемешных	0,04	Молотилок	0,03
Сеялок	0,07		

Если добавить, что значительная часть этих орудий была сосредоточена в руках кулацкой верхушки села, то станет очевидным, на каком низком уровне находилось сельское хозяйство предреволюционной Украины.

Невысока была техническая база колхозов и в первые годы их бурного роста, названные т. Сталиным мануфактурным периодом развития колхозов. Так, по данным переписи 1929 г., на 1 колхоз приходилось ¹¹:

Наименование машин	% колхозов ¹² , имеющих данную машину	Количество машин в среднем на 1 колхоз, имеющий данную машину
Плуги	100	4,00
Бороны	100	4,50
Сеялки	—	1,00
Жатки	55	1,90
Молотилки с мех. двиг.	25	1,25
Зерноочистители	44	1,60
Тракторы	2,8	1,30

¹⁰ Підсумки вибіркового підрахунку сільсько-господарського перепису 1917 рр.

¹¹ См. «Колхозы в 1929 г.».

¹² Для исчисления взяты колхозы, имеющие с.-х. инвентарь в коллективном владении;

Уже в 1931 г.¹³ мы имеем значительные сдвиги в техническом вооружении колхозов. Так, на 1 колхоз в среднем приходилось:

Пахотных орудий	27,7	Жаток	8,2
Веялок	4,4	Молотилок	2,5

И наконец в МТС, обслуживавших в 1933 г. 41,2% колхозов, мы имеем уже сформировавшуюся систему машин.

Приведем для примера машинный парк Веселокутской МТС в 1933 г.:

Плуги лемешные и дисковые	74	Виндрузеры	2
Сеялки всех видов	91	Сноповязалки	16
Локомобили разных видов	48	Автомшины	7
Комбайны	5	Тракторы	62
Пикеры	3	НР в них	665 ¹⁴

Кроме того конный, прицепной, несложный инвентарь в основном сосредоточен в колхозах. Он выражается в следующих цифрах: плугов — 1 209, борон — 1 156, сеялок дисковых — 192, уборочных машин — 379, маломощных молотилок — 84. Совершенно очевидно, что в Веселокутской МТС имеется развитая система машин, ибо машинной обработкой охвачены все стадии производства, ибо налицо центральный двигатель со значительной мощностью. Правда, система машин не охватывает еще все сельскохозяйственные работы в районе (участие трактора составляет 36% во всех работах), но ее существование бесспорно.

Во втором пятилетии не только создается система машин в каждой МТС и каждом совхозе, но охват механизацией основных процессов сельскохозяйственного производства делает ее основной силой в сельском хозяйстве.

‰ механизации, запроектированной во втором пятилетии

В и д р а б о т	1928 г.	1937 г.
Пахота под яровой посев	1,0	80
Сев зерновых	0,2	55
Уборка зерновых	0,2	60
В том числе комбайнами	—	30
Молотьба зерновых	1,3	85
Культивация основных пропашных	—	60

Таким образом количественное нарастание изменений во втором пятилетии приводит к качественному изменению характера труда. Создание системы машин в сельском хозяйстве оказалось непосильным для капитализма. По данным переписи 1925 г., лишь в 40% всех хозяйств Германии имеются машины, причем в большинстве хозяйств (хозяйства с площадью до 5 га составляют 76,9% общего числа) имеется лишь один-два вида машин. Характерна структура машинного парка: из общего числа 6 900 тыс. случаев употребления машин 1 420 тыс. падает на сепараторы, в том числе на ручные 1 386 тыс. Ручной сепаратор — это машина, преимущественно применяемая в хозяйствах до 2 га, а в значительной мере и до 5 га. 68,1% стоимо-

¹³ Соллертинская, Машинизация земледелия, «Плановое хозяйство» № 5—6 за 1933 г.

¹⁴ Бригада ЭИКП, «МТС и ее политотдел», стр. 122—123.

сти всех машин составляет стоимость молотилок; таким образом механизация охватывает преимущественно заключительную стадию сельскохозяйственных работ.

Еще яснее выступит мануфактурный характер сельского хозяйства Германии, если мы приведем данные о хозяйствах, пользующихся двигателями. Общая мощность тракторного парка в 1925 г. составляла 112 тыс. лош. сил.

Только 1,4% всех хозяйств применяли механический двигатель. Можно ли найти более очевидное доказательство мануфактурного характера германского земледелия?

И в США сельское хозяйство в целом даже в результате послевоенного развития не смогло подняться выше уровня мануфактуры: достаточно указать, что только 13,5% общего числа ферм имели тракторы.

Задача, оставшаяся неразрешимой для капиталистического общества в течение столетий, разрешена пролетарской революцией в течение двух десятков лет.

Применение системы машин — это третья основная черта сельскохозяйственного труда как разновидности индустриального — порождает и другие его новые черты: применение естествознания для целей технологии и более равномерный характер производства.

Маркс, говоря о машинном производстве, выдвигает как его наиболее глубокий принцип разложение производственного процесса на отдельные задачи и решение их на основе данных механики, физики, химии и т. д. путем применения естествознания в целях технологии.

Сельскохозяйственный труд лишь тогда превращается в разновидность индустриального, когда он базируется на глубокой научной основе. Положение Маркса о невозможности рационального земледелия в капиталистическом обществе есть лишь иное выражение тезиса о невозможности превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. И в этом вопросе проявилась классовая борьба, классовое сопротивление. Речь идет о получивших распространение буржуазных теориях упрощенной агротехники. Основные их идеи в том, что механизация делает излишним применение агротехники, что наиболее рентабельной является мелкая вспашка (некоторые доходили до утверждения, что вспашка нужна раз в 4 года), что нужно во всех случаях стремиться к монокультуре, теоретически обосновывали вредительскую практику забурьянивания колхозных полей, линию на развал колхозов, препятствовали построению социалистического сельского хозяйства на рациональных основах. Вопреки им пролетарская диктатура разрешает и эту задачу. Выводы агрономии получают широчайшее применение в земледелии и превращаются в действительно неотъемлемую основу сельскохозяйственного труда. Историческое значение имеет принятое 29 сентября 1932 г. постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по повышению урожайности», положившее начало поднятию колхозного труда на более высокую ступень. Постановление 3-й сессии ЦИК СССР по докладу т. Яковлева говорит о том, что «дело соблюдения агрономических правил должно перестать быть частным делом колхозников».

Широчайший размах агротехнических мероприятий и осуществле-

ние их в порядке государственного плана—вот новое в применении выводов агрономии. Достаточно указать на успешное выполнение государственных планов подъема паров, взмета зяби, прополки и т. д. И не случайно получила такое распространение идея т. Постышева о создании колхозных хат-лабораторий. Новый характер сельскохозяйственного труда, широкий размах в применении выводов науки требуют создания ее опорных пунктов в каждом колхозе, так же как и на каждом промышленном предприятии. Постановление правительства о колхозном наборе в сельскохозяйственные институты, хаты-лаборатории в тысячах колхозов, колхозный университет в с. Пестрецы (где преподают профессора Казанского университета) — явления одного и того же порядка. Они свидетельствуют о новом характере сельскохозяйственного труда, о синтезе труда и науки на более высокой основе, о значительных успехах в деле заполнения пропасти между физическим и умственным трудом.

Особый размах приобретают агротехнические мероприятия во втором пятилетии.

Агротехнические мероприятия по повышению урожайности зерновых культур¹⁵

М е р о п р и я т и я	В млн. га		% распространения ко всей площади посева 1937 г.
	1932 г.	1937 г.	
Чистосортные и сортовые посевы основных зерновых культур . . .	21,7	80,0	90,0
Чистые пары	7,5	20,0	60,0
Улучшенные предшественники . . .	10,0	55,0	52,0
Зяблевая вспашка	9,0	40,0	60,0

Все эти агротехнические мероприятия и преимущества коллективного труда приводят к постепенному ослаблению зависимости человека от стихии природы и ее неожиданностей. Мы не говорим об опытах искусственного дождевания, о перспективах орошения миллионов гектаров засушливых земель, о всех тех возможностях, которые получит наука в условиях крупного коллективного земледелия, но уже на данном этапе ощущается, как значительна победа человека над природой в социалистическом обществе. Это особенно проявилось в 1934 г., когда, несмотря на неблагоприятное положение с осадками (близкое к засушливому 1921 г.), благодаря согласованным действиям миллионов людей и настойчивому применению агротехнических мероприятий мы получили урожай не ниже прошлогоднего. В то же время находящиеся в таких же условиях поля крестьян соседних с нами районов капиталистических стран бесплодно чернеют.

Исключительное значение имеют работы академика Лысенко, известные под названием яровизации. Их сущность заключается в том, что путем предпосевной обработки семян (влажность, температура, свет) можно произвольно заставить растение в искусственных условиях пройти определенные стадии развития (так например, превращать озимую пшеницу в яровую и т. п.), сократить вегетационный период.

Трудно сказать, что несет нам будущее в области развития агроно-

¹⁵ «Проект второго пятилетнего плана», т. I, Партиздат, 1934 г., стр. 204.

мии, но можно быть уверенным, что нигде наука не имеет таких перспектив для своего развития и применения, как в Советском союзе, и что ближайшие годы сулят нам такой расцвет сельскохозяйственных наук, о каком капиталистические страны не могут и мечтать.

Применение естествознания для рационального земледелия — характернейший признак превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, и оно, как в фокусе, сосредоточивается в росте урожайности во втором пятилетии, предусмотренном по зерновым культурам на 33%, а по техническим — на 50—60%.

Следующая черта сельскохозяйственного труда, связанная с применением системы машин, — более равномерное использование рабочей силы в течение всего года, смягчение сезонности. К этому же ведет и построение сельскохозяйственного производства на научных началах агрономии. Это есть своеобразное преломление в сельском хозяйстве той равномерности, поточности, непрерывности, которое несет система машин в промышленности.

Это смягчение сезонности достигается путем 1) севооборота: посева одновременно созревающих и требующих ухода культур; 2) механизации, смягчающей пики уборочной кампании; 3) сочетания полеводства и животноводства; 4) сочетания сельского хозяйства с перерабатывающими производствами; 5) выполнения требования агрономии в отношении сроков работ, подготовки почвы и ухода за растениями. Зяблевая вспашка и ранний сев дают возможность своевременно поднять пары, произвести междурядную обработку, сосредоточить силы на уборке и, закончив ее, посеять в срок озимые. Эта тенденция более равномерного использования рабочей силы в течение всего года проявляется и в большем количестве человеко-дней, отрабатываемых каждым колхозником. Так например, т. Криницкий на XVII партийном съезде приводил пример одного из колхозов Буранной МТС, в котором участие колхозника в работе в январе—ноябре 1933 г. равнялось (в процентах ко всему составу бригады) соответственно по месяцам: 73—77—77—92—100—96—96—96—92—54. К этому же выводу пришла бригада ЭИКП, изучавшая Веселокутскую МТС (Украина).

Распределение затрат человеко-дней в полеводстве по месяцам (исключая зимний период) в % к итогу

Колхозы	Годы	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Итого
«Новый путь»	1932	2,93	6,26	7,98	12,83	22,03	21,1	15,1	11,8	100
	1933	5,31	5,00	9,80	12,53	16,53	18,1	17,72	15,0	100
«День урожая»	1932	4,5	5,5	9,0	14,5	22,0	22,1	12,3	10,1	100
	1933	4,7	7,9	9,9	15,3	15,1	18,8	15,0	13,3	100

Медленно, но неуклонно выравнивается кривая использования рабочей силы в сельском хозяйстве.

Об этом свидетельствует рост производительности труда в сельском хозяйстве. Тов. Куйбышев в докладе на XVII партийном съезде сказал: «Крайне характерно, что во втором пятилетии темп роста производительности труда в сельском хозяйстве должен превзойти темп роста производительности труда в промышленности. Здесь

проявляется недоступное капитализму преодолению отставания сельского хозяйства, осуществляемое СССР во втором пятилетии». Действительно, исключительно интересно сравнение затрат сило-часов тяги и человеко-часов на 1 га яровых зерновых в 1922—1924 гг. в крестьянских хозяйствах (по данным крестьянских бюджетов) и в 1937 г.

Затраты на 1 га посева	Сило-часов тяги		Человеко-часов	
	1922—1924 гг.	1937 г.	1922—1924 гг.	1937 г.
В весеннюю кампанию	72	36	64	19,5
В уборочную кампанию	17	24	136	30,0

Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального является важнейшим фактором уничтожения старого разделения труда, так как оно уничтожает «идиотизм деревенской жизни», являясь одной из важнейших предпосылок для ликвидации противоположности между городом и деревней. Новый характер труда означает приобщение миллионных крестьянских масс, так же как и рабочего класса, ко всем достижениям современной науки и техники. В величайшей революционной школе, школе социалистического труда, крестьянство получит те знания, тот общественный опыт, то отношение к действительности, которые нужны для того, чтобы поднять его до уровня активного работника бесклассового, социалистического общества.

Концентрация и технический уровень производства стали в Англии

I

Концентрация производства в Англии проходила гораздо медленнее, чем у более молодых конкурентов британского империализма. Поэтому размеры концентрации и технический уровень в ее стальной промышленности тем более далеко отстали от других капиталистических стран. Место, занимаемое Англией в мировом хозяйстве в области металлургии на протяжении последних 30—40 лет все больше суживается и увеличивается отсталость в концентрации производства внутри страны. В этом отношении на примере Англии особенно ясно видно действие закона неравномерного развития капитализма. Капитализму вообще присуще не только неравномерное развитие по странам и внутри их, но и неравномерная концентрация производства во всем мировом хозяйстве. Например Западная Европа и Северная Америка, занимающие 10% всей мировой территории с населением, составляющим 25% мирового населения, производят $\frac{3}{4}$ всех продуктов. В этом высоком сосредоточении производства на относительно небольшой территории выражается специфичность капиталистического способа производства, угнетение немногими высокоразвитыми промышленными странами большинства отсталых народностей. Внутри Европы и Америки также довольно резко выступает неравномерность. Если взять концентрацию только металлургической промышленности в общемировом пространственном масштабе (без СССР), то из достигнутого уровня в наивысший по производству 1929 г. 97 млн. т чугуна 77% падает на США, Германию, Англию и Францию, а включая Бельгию, Люксембург и Саарскую область, составит 86%.

Такая же пропорция падает и на сталь, произведенную в количестве 123 млн. т. Если же взять только Западную Европу, без Англии и СССР, то окажется, что сконцентрировано металлургическое производство на относительно большой площади Люксембурга, Бельгии, Рура, Лотарингии и Саара, на которую падает 85% всего европейского производства. В германском производстве Рур дает 80%. В США заводы Питтсбурга и Чикаго дают свыше 37% чугуна и 41% стали, а вместе с прилегающими к ним районами соответственно дают 70 и 72%.

Районы концентрации металлургии в Германии производят по 5 и больше миллионов тонн, располагая производительной способностью приблизительно в удвоенных размерах. Районы концентрации США располагают производительной способностью в десятки миллионов тонн. Английская металлургия располагает общей производительной способностью до 12 млн. т чугуна и 12 млн. т стали.

Северо-восточный район с центром в Ньюкестле, Мидльборо и др. располагает производительной способностью до 25% национального производства железа и стали. Ведущая фирма — концерн Дорман Лоага. Но кроме него имеются Фарниесгрупп, Волко, Воган, Пис, Партнерс, Копсетт айрон и др. Второй район — Южный Уэльс с центром в Кардифе. Он дает также до 25% национального производства железа и стали. Руководящее место занимает Гест, Киненд, Нетцлеу-фолд и Болдуин. Кроме того имеются относительно сильные компании, как Ричард Томас, Еббв Вейл.

Третий район — Мидлэнд с центром в Шеффилде с производительной способностью по чугуна и стали в 22% национального производства. Руководящая роль принадлежит Шнайедстил компании. Затем идут Стевели Коль энд айрон; Шипбридж Кооль энд айрон; Стонтон и Айронворкс и др. Этот округ характерен многочисленностью предприятий, по размерам меньших, чем в других округах. Четвертый район — Шотландия, которая дает приблизительно 9% национального производства чугуна и стали. Здесь имеется 12 отдельных компаний, главные из них Вильям Бейерд и Давид Кольвилль. Первый из них является вторым в стране по производству чугуна, а второй обладает производительной способностью стальных заводов до 1 200 тыс. т. Они имеют свои угольные и железорудные копи и производят различные готовые изделия вплоть до кораблей.

Остальное производство металла расплывлено по различным другим районам.

Следовательно каждый металлургический район Англии при полной нагрузке мог бы производить 2,5—3 млн. т чугуна и столько же стали. Фактическое же производство колеблется вокруг половины этих цифр, т. е. не выше 1—2 млн. т. Уже это показывает общую пространственную отсталость концентрации производства Англии по сравнению с Германией в 3—4 раза, а с США в 8—10 раз.

Если перейти к концентрации в отдельных предприятиях, то разница между Англией и другими странами будет еще более разительна. Производительная способность английских предприятий сравнительно с предприятиями некоторых других стран невелика. Размеры предприятий стран-соперников часто во много раз превышают размеры английских предприятий. При современной технике металлургические предприятия даже с производством в один миллион тонн металла (таких в Англии не существует) начинают становиться уже предприятиями сравнительно отсталыми. Нормальным производством становится комбинат, вырабатывающий 2—3 млн. т чугуна с соответствующей его переработкой в сталь и прокаткой самых разнообразных сортов. Такой комбинат снабжен собственной рудой, коксом, полностью применяет регенерацию газа и производство разных побочных продуктов.

Если сравнить размеры предприятий Англии и ее соперников, то увидим следующее. В США завод Гери близ Чикаго производит в год свыше 3 млн. т чугуна, свыше 4,4 млн. т стали и полный прокат этого металла, из которого рельсы занимают 1,2 млн. т. Этот завод не единственный. Только три монополистических объединения США — Стальной трест, Вифлеемская стальная корпорация и Питтсбургская стальная компания — обладают производством, значительно превосходящим все металлургическое производство Великобритании в целом.

II

Концентрация и технический уровень английской стальной промышленности по сравнению с американской и германской промышленностью довольно низки. Одно из основных отличий Англии в этой области состоит в том, что проводимая ею концентрация сводится главным образом к концентрации права владения капиталом, вложенным в старое оборудование мелких предприятий, часть которых не подвергается почти никаким изменениям, а часть изменяется относительно незначительно. Причем даже такого рода концентрация вплоть до империалистической войны была крайне слабой. Поэтому предприятия в силу специфических условий подвергались частичному переоборудованию внутри себя и по своим производственным размерам изменяются сравнительно медленно и мало. Только в послевоенный период и особенно в последние годы имеются более солидные сдвиги в этом отношении.

Вплоть до империалистической войны почти отсутствовала вертикальная концентрация, т. е. концентрация по производственному принципу. Господствовала концентрация, основанная на рыночных сбытовых соглашениях. Только в послевоенный период положение начинает несколько изменяться. Вследствие отсталости и высокой себестоимости продукции и сокращения конкурентной способности усилилось вытеснение Англии с широких рынков и суживание ее сбытовой базы.

В последнее время «наметилось два самостоятельных направления в современной железной и стальной промышленности, именно распространение вертикального комбинирования (комбинирование предприятий различных, но последующих стадий производства) и существование очень большого числа ассоциаций, основанных на соглашениях регулирования цен»¹.

Это разнохарактерное, двойственное развитие концентрации есть специфическая особенность Англии, отличающая ее от других стран, что несомненно еще больше задерживает внутренние процессы производственной концентрации и комбинирования. Но все же эти процессы безусловно совершаются и хоть с опозданием и медленнее, чем в других странах, но «вертикальная консолидация стала делаться общей в железной и стальной промышленности, где многие заводы стали добывать свой собственный уголь и железную руду. Производители чугуна уже значительно стали контролировать свое снабжение руды и угля»².

Но это совершенно не означает такого сильного изменения в производственной структуре или росте комбинирования, которое могло бы поставить английскую промышленность на один уровень с другими странами. Концентрируется право владения капиталом, увеличивается количество предприятий в одном концерне за счет ликвидации или поглощения других объединений, но производственная единица, ее размеры и технический уровень относительно мало и лишь частично изменяются и усовершенствуются.

Производственная способность Англии по стали равняется 12 млн. т. Фактическое производство в 1933 г. составило 7,3 млн. т. 70% этого количества, или несколько более 5 млн. т, произвели 20 наиболее

¹ Бальфур, отчет. *Factors in Industrial and Commercial Efficiency*, p. 78.

² *Ibid*, p. 6.

крупных концернов, которые располагают несколькими сотнями различных небольших металлургических заводов, часто разрозненных. Эти концерны владеют капиталом менее 200 млн. ф. ст. В то же время Американский стальной трест один владеет капиталом свыше 2 млрд. долл., или в английском исчислении 400 млн. ф. ст., что превышает более чем в два раза капитал 20 английских концернов.

Производительная способность Американского стального треста превышает 20 млн. т стали, или в 3—4 раза больше производительной способности 20 английских концернов. Германский стальной трест владеет капиталом, равным половине капитала 20 английских фирм, и производит на своих 6 заводах такое же количество стали, как Англия на сотнях заводов. Рост концентрации в США и Германии в большей степени проведен в военный и послевоенный период, почти с полным обновлением основного капитала.

Таково сравнительное состояние английской концентрации.

Несомненно, это сильно отражалось на производственной стороне. За послевоенный период до кризиса увеличили производство стали США — на 90%, Германия, Франция, Бельгия, Люксембург — на 40—45%, а Англия — лишь на 20—25%. В то же время в США за период 1919—1929 гг. в железной и стальной промышленности выросло количество рабочих на 5,1%, в Англии за период 1923—1929 гг. уменьшилось количество рабочих в железной и стальной промышленности на 15,2%, в обработке чугуна и стали — на 2,3%.

«Таймс» еще 1 сентября 1928 г. дал следующую характеристику промышленности: «Все наши старые отрасли промышленности... через десять лет после окончания войны находятся на различных стадиях депрессии. Последняя особенно остра в тех отраслях промышленности, которые обслуживаются большим количеством рабочих, как например угольная промышленность, железо и сталь, машиностроительная и т. д. Давно предсказанное возрождение промышленности все еще только должно наступить, ни один из кратких периодов оживления, начиная с 1921 г., не развернулся в ожидавшееся возвращение к благоденствию»³.

Данные о состоянии этой промышленности за последние три года показывают дальнейшее ухудшение по сравнению с другими видами промышленности. Последний индекс показывает следующее:

Индекс производства Англии (1924 г. = 100)⁴

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Рудники	81,6	77,5	76,9
Железо, сталь и изделия	65,9	66,2	82,2
Цветные металлы	100,1	96,3	101,9
Машино- и судостроение	94,9	88,6	94,8
Текстиль	77,0	85,1	89,8
Химич. производство	95,2	98,1	100,1
Кожа, обувь	99,3	96,4	106,2
Пища, питье, табак	103,7	97,6	99,2
Газ, электричество	142,4	147,0	154,9
Общий	93,7	93,3	98,4

³ «Times» от 1 сентября 1928 г.

⁴ «Economist» от 3 марта 1934 г.

Из этой таблицы видно, что производство железа, стали, изделий продолжает оставаться на самом низком уровне. Никакого ожидаемого благоденствия пока еще не наступило. 1933 г. дал некоторый поворот кверху, но подъем еще далеко не достиг даже уровня 1931 г. Железо-стальная промышленность продолжает оставаться на более низком уровне по сравнению с другими отраслями. Эти условия уменьшают и без того низкую конкурентную способность и усиливают загнивание всей стальной промышленности в целом.

Причины такого состояния передовая статья руководящего журнала железной и стальной промышленности «The Iron and Steel Industry» видит в плохом качестве стали и ее обширном сортаменте, что мешает улучшению производства. Журнал считает, что «плохое качество стали и ее разнообразие объясняются отсталым оборудованием и мелким производством. Нет механической нагрузки и контроля, поэтому разная температура, кислотность и т. д. Установить технический контроль распределения и нагрузку невозможно, так как слишком мелкое производство. Поэтому качество стали зависит не от общего руководства, а от умения и способности каждого рабочего. Устранение этого является первой задачей». Таково состояние концентрации и комбинирования. Старое оборудование, мелкое производство, отсталая техника — вот основные черты комбинирования и концентрации промышленности в Англии.

Поэтому передовая, основываясь на огромной работе, проделанной специально созданным в 1924 г. Комитетом по изучению стальной промышленности и ее дефектов, представившим в 1933 г. подробный доклад на 600 страницах, с сотнями диаграмм, плакатов, нумерованных таблиц и т. д., решительно объявляет лозунг для стальной промышленности: «Главная задача Англии — добиться производства твердой стали» (Sound steel⁶).

Следовательно перед стальной промышленностью поставлена задача развития производства высококачественных сталей с применением более высоких технических методов.

III

Английская стальная промышленность отличается от промышленности других стран не только своим уровнем концентрации и размерами производства, но и внутренней технологической структурой, причем эта структура обусловлена рядом факторов и причин. Здесь сказалось влияние исторических условий, состояние и особенности сырьевых ресурсов и организация их производства. Поэтому необходимо учесть, что особенность технологической структуры стального производства имеет значительное влияние, вносящее затруднения в реорганизацию промышленности, а также и в удешевление себестоимости продукции.

В чем же заключается особенность технологической структуры?

Прежде всего выступает исторически сложившееся и экономически обусловленное многообразное производство различных сортов стали, которое основано на кислоте (acid) мартеновском (open hearth) способе.

⁵ Журнал «The Iron and Steel Industry» октябрь 1933 г. Статья «The Production of Sound Steels».

⁶ Там же.

С другой стороны, также значительно влияют на структуру производства широкое использование лома как основного вида сырья и сильная разрозненность чугунных и стальных заводов.

Поэтому почти полностью вытеснен бессемеровский конвертор, работа которого основана на горячем металле и который поэтому не подходит для английского производства. Так как мартеновская печь может загружаться в самых разнообразных видах (как одним горячим, так и одним холодным, а также одним ломом или смесью металла), то она оказывается наиболее удобной и заняла 95% общего стального производства. Англия совершенно не знает и не применяет томассовского способа производства. Бессемеровский конвертор занимает около 3%, остальные 2—3% падают на тигель и электролиз. Таким образом стальное производство приняло весьма узкий, однобокий характер, выражающий одну из форм загнивания. При этом важно отметить, что резкий переход от конвертора к мастеру совершился главным образом в период общего загнивания английского империализма, начиная с конца прошлого столетия.

В 80-х годах конвертор занимал свыше 80% всего стального производства. В начале 1900 г. он еще имел 36%. К 1913 г. он понизился до 20%, а теперь он почти сошел на-нет.

Все другие страны в этом отношении отличаются от Англии.

Таблица показывает следующие соотношения бессемеровского и мартеновского способов производства по странам (в процентах):

Г о д ы	Способ производства	Англия	США	Германия	Франция	Швеция
1913	Мартен	69	69	40	35	79
	Конвертор	20	29	60 ¹	64 ¹	20
	Электролиз	—	0,52	—	—	1
	Прочие	11	1,48			
1928—1930	Мартен	95	85	53	28	73
	Конвертор	3	13,5	45,5	70	10
	Электролиз	0,5	1,5	1,5	2	17,2
	Прочие	2,5	—			

¹ Входит и томассовский способ.

Из этой таблицы видно, что Англия имеет наиболее узкий, т. е. почти единственный мартеновский способ. В этом видна вся однобокость производства.

Другие страны имеют более разнообразный круг производства, и в этом их преимущество, хотя в той или иной мере они также страдают односторонностью и ограниченностью.

Особенной чертой структуры английского производства является также значительная доля стали, производимая кислым (acid) способом. В начале текущего столетия Англия производила только 17% базовой стали, т. е. стали, выплавленной в печах с основной (базис) футеровкой. К 1913 г. эта доля поднялась до 37%. К настоящему периоду эта доля изменилась относительно мало.

Таким образом наличие разницы в пропорциях основного и кислого способов производства доказывает, с одной стороны, массовое

стандартизованное производство стали в США с относительно дешевой себестоимостью, а с другой — нестандартизованное, разнообразное и дорогостоящее производство стали в Англии, показывающее ее отсталость.

Почти исключительно мартеновский и преимущественно кислый способ производства металла в Англии производится не по капризу предпринимателей, а в силу существующих экономических условий в стальной промышленности. Аллен (Allen) видит причину этого в господствующих предрассудках в головах английских предпринимателей против базовой стали и в привычке к этому методу производства. Вряд ли нужно доказывать нелепость этого утверждения. Если бы базовый способ экономически больше соответствовал интересам английских промышленников и мог бы вывести их из существующего тупика без большой затраты капитала, то никакие предрассудки и привычки не задержали бы его введения. Но в том-то и дело, что хотя введение базового способа экономически больше соответствует интересам хозяйства, но его массовое введение потребует большей стандартизации, следовательно более массового производства изделий, для которых рынок отсутствует. Это потребует полного переоборудования производства, так как массовое производство изделий нуждается в резком снижении себестоимости, достигнуть которой нельзя, оставаясь на старой технической базе.

Кроме того потребуется более широкое производство легированных и специальных сталей, следовательно электроплавки

Нужны новые электрозаводы. Все это потребует полной технической реорганизации всей металлургической промышленности, рыночные перспективы которой очень нерадостны.

Для полной реорганизации необходимы два условия.

Во-первых, значительная затрата капиталов, исчисляемая правительством в сумме 20 млн. ф. ст., и, во-вторых, концентрация и централизация всех производственных единиц, большинство которых должно пойти на слом, и создание совершенно новых 2—3 металлургических комбинатов на всю страну.

Эти два условия являются основными препятствиями к осуществлению реорганизации, ибо как раз они-то совершенно и не могут быть осуществлены.

Таким образом господство кислого и монополия мартеновского способов производства стали есть показатель напряженной приспособляемости старых методов и старых заводов стальной промышленности, основанных на старой технике, к новым условиям, базирующимся на высоких технических усовершенствованиях. Это есть показатель неразрешимого противоречия внутри самого производства, в его технологической структуре. Это противоречие есть результат соединения двух несовместимых факторов: нового, технически прогрессивного, но еще слабого метода массового производства, стандартизации, технических усовершенствований и старого, реакционного, но довлеющего всей тяжестью старого оборудования, частной собственностью и т. д.

Как видно из этого анализа, такая структура производства вполне вытекает из общего состояния английской металлургии. Особый характер, плохая организация и техническая отсталость в сырьевых отраслях стали обуславливают особый, своеобразный характер уже

непосредственно в организации стальной промышленности и влияют на ее направление.

Перейдем теперь к рассмотрению как возможных, так и реально осуществляемых процессов комбинирования и концентрации в условиях, рассмотренных выше.

IV

Металлургическое производство в целом, говорит Березов в книге о размещении промышленности, является более однородным, чем какие-либо другие виды промышленности, и потому более легко поддается концентрации как по однородности продукции, по последовательности и однообразности предприятий, так и по большому объему сырья для каждой стадии ее производства. Эти условия по своему характеру представляют большие возможности для концентрации.

Металлургия распадается на три основных вида производства: на доменное производство, т. е. выплавку чугуна как основного сырья для стальной промышленности, на выплавку разных сортов сталей на специальных литейных заводах и на прокатное производство. В качестве подсобных, но очень важных отраслей особо стоят рудная, рудообогатительная и коксовая промышленность.

Все эти отрасли технологически настолько тесно связаны между собой, что представляют по существу цехи одного производства и единый непрерывный производственный процесс. Поэтому современный металлургический завод должен представлять собой комбинат различных отраслей этого производства, именно: коксовое, доменное, мартеновское, железопрокатное и подсобное.

Такое комбинирование вызывается взаимной экономической выгодой. Доменная плавка требует кокса. Объединение металлургического и коксового завода дает экономию тепла, получаемого из каменного угля при выжиге кокса. Тепло это идет на газовые двигатели для нагревания паровых котлов, на мартен, на нагревательные печи прокатного завода и т. д.

Соединение доменного и мартеновского производства дает возможность жидкий металл прямо из домны подать в мартеновские и бессемеровские печи, что также дает экономию, которая остается от дополнительного топлива при плавлении чугунных слитков или скрапа в мартене и от дополнительных расходов на перевозки и т. п.

Соединение с прокатными заводами дает экономию на устранении дополнительного подогревания металла и использовании газов.

Таким образом металлургическое производство при правильной организации по своей природе должно являться самым мощным по концентрации и комбинированию производством. Такое комбинирование возможно не только теоретически, оно вполне и легко осуществимо на практике, что и делается в СССР (Запорожсталь, Краматорск, Магнитогорск и др.). Но в условиях капитализма оно не может осуществиться в полной мере. Этому мешает обострение противоречий внутри и между монополистическими объединениями.

Поэтому металлургия распадается на ряд самостоятельных, обособившихся производств приблизительно следующего характера¹⁾: 1) ин-

¹ Материалы из «Survey of Metal Industry, Allen-British Industry», Березов, Размещение металлургии.

тегирование, 2) доменное, 3) доменно-сталелитейные, 4) доменно-литейные, 5) литейные, 6) прокатные, 7) сталелитейно-прокатные, 8) электроплавка стали, 9) ферросплавы, 10) производство губчатого железа и прямое получение.

Все эти отрасли производства существенно различны по организационно-производственной структуре, но по своим технологическим процессам при правильной организации и последовательности они являются дополнением один другого и могут представлять единый комбинат, охарактеризованный выше.

Высокий уровень концентрации и комбинирования США и Германии состоит в сочетании тех или иных обособившихся отраслей производства.

Английская металлургия более раздроблена, ее отдельные отрасли и даже предприятия более автономизированы, более обособлены в юридическом и территориальном отношении. Внутреннее содержание, организационная и производственная структура английской промышленности в силу своей раздробленности и автономности ставят ее далеко позади концентрации и комбинирования США и Германии.

Однако если взять структуру всей металлургии Англии, то она имеет все условия для широкого развертывания концентрации и комбинирования.

Прилагаемая диаграмма № 1 показывает последовательность процессов производства, переделки и обработки металла в Англии, на принципе которого основана вся металлургия.

Начиная с доменной печи, чугун направляется по трем основным линиям: по линии стального, литейного и ковкого чугуна. Наименьшее место занимает литейный чугун, который колеблется около 10%; немного большее занимает ковкий чугун, но главное, центральное место занимает стальной чугун, идущий в переделку. Здесь наибольшее внимание уделяется как количеству, так и особенно качеству стального производства. Бальфуровский отчет основывается именно на этой «организации промышленности в настоящее время с точки зрения основных технических процессов».

Внешне стройная структура металлургии, которую, казалось бы, нетрудно превратить в стройный комбинат, в действительности распадается на ряд самостоятельных, обособленных отраслей. Их названия и удельный вес во всей металлургии по числу занятых рабочих видны из следующих данных (в процентах)*:

А. Первичные отрасли

1) Доменное производство	7	3) Стальные заводы и стальные прокатные заводы	37
2) Пудлинговые печи и чугунопрокатные заводы	6	4) Другие отрасли	2

Б. Вторичные отрасли

5) Общие железолитейные заводы	16,5	10) Производство гальваниз. листов	2,5
6) Стальные заводы	1,5	11) Производство железных и стальных труб	6,5
7) Производство канатов и якорей	1,5	12) Производство проволочных изделий	5,5
8) Других ключих изделий	9		
9) Производство белой жести	5		

* Материалы из «Survey of Metal Industry, Allen-British Industry»; Березов, размещение металлургии.

Перечисленные отрасли отличаются от отраслей, приведенных выше и применяемых в других странах, тем, что обладают очень узкой производственной спецификацией, которая обуславливает более глубокую изолированность каждой отрасли. Это вызвано особым характером промышленности.

Следовательно из сказанного видно, что характер структуры английской металлургии и организационные принципы ее отраслей отличают ее от металлургии других стран и обуславливают более медленное движение по пути концентрации и комбинирования производственных процессов.

Однако, имея в основе производственной структуры предпосылки и возможность к концентрации и комбинированию внутренних производственных процессов, при определенных условиях и при устранении ряда причин, мешающих этим процессам, они по мере освобождения от них могут тем быстрее двигаться вперед. Причины эти, как уже было сказано, — мелкий и раздробленный характер, изолированность, производственная узость, многосортность, устарелость и т. д.

Поэтому, по мере того как английская металлургия в военный и послевоенный период стала постепенно и хотя медленно, но освобождаться от этих факторов, стала расти тенденция к вертикальной концентрации по примеру передовой капиталистической промышленности. Но эта концентрация пока еще очень отстаёт от реальной действительности США и Германии, хотя к настоящему времени она несомненно значительно продвинулась вперед.

Эта тенденция по ряду экономических и политических причин находит в Англии уже немало сторонников. Можно даже утверждать, что все без исключения готовы ее поддерживать. Только вопрос о затратах на нее капитала и его источниках вносит разногласия и задержку в ее осуществление. Поэтому вся суть так называемой реорганизации промышленности, проводимой в послевоенный период и особенно в последние несколько лет (о которой более подробно будет идти речь в дальнейшем изложении), сводится прежде всего к некоторой попытке более глубокой концентрации и комбинирования с соответствующими техническими изменениями. Имеется стремление к тому, чтобы охватить по возможности все процессы производства единым руководством, сведя мелкие производственные единицы к крупным концернам. В этом отношении Бальфуровский комитет рекомендует: «Как правило желательно концентрировать коксовые печи, домы, стальные заводы и прокатные заводы в одном месте»⁹.

Однако, несмотря на всю целесообразность и желательность осуществления этого мероприятия, все же, по признанию того же Бальфуровского комитета, фактически «доменные печи, стальные заводы и прокатные заводы сооружаются без согласования один с другим»¹⁰. Это означает, что концентрации и комбинированию мешают какие-то внутренние силы, направляя их по иному пути. Родственные производства продолжают оставаться разрозненными и несвязанными между собой. Много стальных заводов не имеют своих доменных печей, а

⁹ «Survey of Metal Industry», p. 8;

¹⁰ Там же.

доменные печи совершенно не связаны со стальными предприятиями. Таких стальных предприятий, не имеющих своей сырьевой основы, было в 1920 г. 55%, а теперь еще остается около 40%. Не менее плачевна связь между стальными предприятиями и прокатными заводами.

Уже по районам, не говоря об отдельных предприятиях, в производстве железа имеются резкие расхождения, требующие переброски из одного района в другой.

Таблица о производстве железа и стали по районам в наиболее благоприятный 1929 г. показывает:

Гематитовая и базисная железная и стальная продукция в 1929 г.

	Гематитовая			Базисная		
	производство		железо в % к стали	производство		железо в % к стали
	железа	стали		железа	стали	
(в тыс. тонн)		(в тыс. тонн)		(в тыс. тонн)		
Дерби, Лейчестер, Ноттингем, Нортгэмптон, Йорк-Ланкашир	—	104	—	412	954	43
Линкольн	—	5	—	823	728	113
Нордосткюсте	653	209	313	1 311	1 999	66
Шотландия	287	662	43	91	919	10
Стаффорд, Шроп-Уорчестер, Уоркшир	—	17	—	341	896	37
Южный Уэльс, Монмутшир	689	1344	51	219	992	22
Весткюсте	719	231	311	—	—	—
Шеффилд	—	576	—	—	—	—
В с е г о	2 348	3 148	75	3 197	6 488	49

Из этой таблицы явствует, что почти все районы имеют или недопроизводство или перепроизводство железа по сравнению со сталью и конечно должны перебрасывать его в холодном виде.

Если свести эти районы к более крупным, то увидим следующее: Производительная способность равняется:

По Северо-восточному побережью

Чугун — 4 млн. т, или 33%
Сталь — 2,8 » » » 23%

По Шотландии

Чугун — 1,3 млн. т, или 11%
Сталь — 2,5 » » » 22%

По Южному Уэльсу

Чугун — 10 — 12%
Сталь — 18%

По Шеффилду

Чугун — 8 — 10%
Сталь — 14 1/2%

Здесь более ярко видна разрозненность производства чугуна и стали по районам и отсутствие комбинирования. Использование и переработка металла в значительных размерах идут в холодном виде.

Так например, в 1920 г. переработано в расплавленном виде только 25%, а в холодном виде — остальные 75%.

К настоящему моменту положение несколько изменилось.

В расплавленном виде перерабатывается до 45% и в холодном — до 55%. В то же время в США загрузка холодным металлом, включая и лом, составляет не более 30—34%.

Здесь сказывается для Англии влияние двух факторов: с одной стороны, большая разрозненность чугунных, стальных и прокатных заводов и вследствие этого невозможность сведения их к единому связному комбинату без радикальной реорганизации; с другой стороны, применение большого количества лома, который может потребляться только в холодном виде. Эти два фактора обуславливают превалирование холодного металла. Это в свою очередь неблагоприятно отражается на себестоимости продукции.

Соотношение долей лома и чугуна в печах таково:

Мартен кислый — лом	60%	чугун	40%
Мартен основной	» 48%	»	52%
Конвертор кислый	» 8%	»	92%

Отсюда следует, что характер сырьевых ресурсов определил характер производства. Попытки найти более дешевые элементы сырья для стального производства в целях его удешевления без изменения технической основы приводят к обратным результатам, т. е. к удорожанию продукции и углублению стсталости и загнивания.

Устранить эту ненормальность можно только путем коренной реорганизации и переоборудования всей металлургической промышленности.

Из всего этого следует, что в силу общих особых условий вся металлургия, начиная с руды, организована своеобразно. Структура стального производства также обусловлена этим своеобразием, которое в капиталистических условиях неизбежно должно углублять и ухудшать общее состояние.

Перейдем к анализу состояния прокатного производства и его влияния на стоимость продукции.

V

Состояние прокатного производства в английской стальной промышленности соответствует состоянию всей промышленности и находится на таком же низком уровне. Главная характерная черта прокатного производства в Англии — большой сортамент и мелкое производство.

Аллен считает, что причиной этого служит производство не на внутренний, а на внешний рынок с разносторонним спросом на изделия, что не дает возможности провести стандартизацию. Поэтому в таких условиях «небольшие стальные печи являются более подходящими, чем большие... То же самое следует сказать и о прокатных заводах.

Многие прокатные заводы должны получать специальные стали по крайней мере сотни различных родов материала и в сравнительно небольшом количестве каждого сорта для прокатки»¹². Эти условия ограничивают размеры прокатных заводов. Все они преимущественно относительно небольших размеров, с небольшой производительностью.

Если в США являются уже обычными прокатные станы по листовому прокату с годовой производительностью в 300 тыс. т; по рельсобалочному — в 500 тыс. т, по рельсовому — в 1 млн. т; если там уже каждый крупный завод в своем прокатном цехе обязательно имеет блюминг с огромной годовой производительностью; если поэтому прокат доведен до толщины ниже миллиметра, то в Англии совершенно иное положение: нет ни одного блюминга. Единственный по размерам колесопрокатный стан в Англии с производительностью до 200 тыс. вагонных колес не работает за отсутствием заказов.

Толщина прокатки в огромной массе превалирует от $\frac{1}{8}$ дюйма (1 дюйм = 25,4 мм) и выше, т. е. от 3 мм и выше. И только относительно незначительная часть, приблизительно около 15% всего проката, падает на производство толщины ниже $\frac{1}{8}$ дюйма, доходя иногда до 1,5 мм.

Прокатное производство узко однобоко: 43% всего проката падает на листовой прокат, 13% которого относится к белой жести и 10% к оцинкованному железу.

Эта специфичность обусловлена, с одной стороны, большим производством судостроения, а с другой — экспортом, особенно белой жести.

Эта однобокость еще больше суживает производственные и технические возможности в прокатном производстве, целиком завися от колебаний в судостроительной промышленности и экспортной торговле.

США тоже не освобождены от однобокости. Железные дороги, являясь одним из основных рынков для их металла, обусловили в 1933 г. прокат США на 40% для железных дорог. Свойственные капитализму в целом узость и однобокость ограничивают в прокатке, как и во всяком производстве, возможности дальнейшего развития. В Англии это проявляется с наибольшей остротой.

Экономическое развитие СССР превращает промышленность во всестороннюю, развивающую одновременно все отрасли народного хозяйства. Поэтому советская металлургическая промышленность делается все более универсальной. Эта универсальность распространяется и на прокат. Несмотря на то, что советская металлургия является самой молодой в мире, ее оборудование уже в данное время не уступает лучшим заграничным образцам и обогнало Англию.

За 1932/33 г. установлено 16 новых станом весом в 30 тыс. т, 4 блюминга. В 1934 г. устанавливается 28 станом, в число которых входят 3 блюминга и 6 трубопрокатных станом, общим весом в 48 тыс. т. За всю вторую пятилетку будет установлено 107 прокатных и 13 трубопрокатных станом весом в 200 тыс. т¹³.

Характеристика прокатных станом СССР приведена очень ярко одним английским инженером в оценке, данной им одному из таких

¹² Allen, British Industry, 1933 г.

¹³ Данные из статьи т. Лауэра; «Большевик» № 5, 1934 г.

станов, имеющему мощность в 500 тыс. т листа, толщиной до 1,5 мм, с цехом холодной прокатки и отделки для выпуска автомобильного листа. Этот стан состоит из 11 клеток, из которых 8 четырехвалковые. Он весит 13 200 т (вместе с блюмингом весом в 2 400 т). Его электромоторы имеют 35 тыс. лош. сил. Английский инженер в своем журнале характеризует его как «недоступную мечту для европейца, так как производственные возможности стана превышают всякие возможные запросы рынка»¹⁴.

Неменьшее удивление и восхищение такой стан вызывает и у немецких инженеров. Себестоимость листа, по их отзывам, при продукции, превышающей 30 тыс. т в месяц, создает переворот в экономике тонкого листа¹⁵. Этими характеристиками признано передовое место СССР в Европе и безнадежная отсталость английской прокатной промышленности.

Прокатное производство в Англии осложняется еще тем, что значительное количество прокатных заводов оторвано от сталелитейных и других металлургических заводов. Они поэтому должны прокатывать сталь или холодную или подогревать ее в особых печах. На это уходят дополнительные расходы:

- а) дополнительное топливо для подогрева;
- б) дополнительный труд;
- в) невозможность использовать газ коксовых и доменных печей для подогрева вследствие отдаленности и потери на этом.

Соотношение между производством чугуна, стали и проката по районам показывает следующая таблица:

	Чугун	Сталь	Прокат	Плюс или минус проката по сравнению со сталью	Плюс или минус стали по сравнению с чугуном
	в процентах				
Шотландия	7	15	13	-2'	+ 8
С.-в. побережье (Клелэнд)	30	20	17	-3	-10
Стаффордшир	7	11	11,9	-5,1	+ 4
Шропшир и Богестер					
Линкольншир	9	6		-	- 3
Южный Уэльс	13	26	34,4	+ 8,4	+13
Дерби, Шеффилд, Нотлингем и Лейчестер	24	20	9,7	-10,3	- 4
Остальная Англия	10	2	12,9	+11	- 8
	100	100	100		

Из таблицы видно, что нет ни одного района, где бы количества производимых металлов—чугуна, стали и проката—соответствовали бы друг другу. Следовательно необходима перевозка из одного района в другой. Но кроме того внутри каждого района также имеется разрозненность видов производства. Приблизительно одна треть прокатных заводов не имеет своей прокатной базы.

¹⁴ «Iron and Coal Trade Review» от 21 апреля 1933 г.

¹⁵ «Stahl und Eisen» от 26 сентября 1931 г.

Оторванность и замкнутость прокатных заводов задерживают техническое развитие, усиливают затруднения во всей стальной промышленности. Нужно принять во внимание, что прокатка стали ¹⁶ составляет 65—70% стоимости всех расходов по стали. Следовательно ее отсталость и плохая организация имеют очень большое влияние на всю стальную промышленность, на высокую себестоимость ее продукции и являются показателем глубокого технического загнивания.

Перейдем к анализу состояния топлива и влияния его экономики на металлургию.

VI

Экономия топлива играет большую роль в стоимости продукции. Но в чем состоит эта экономия? На это Бальфуровский отчет отвечает:

«Новые методы экономии топлива означают, что нужно проводить производство при наименьшем потреблении топлива и с наибольшей эффективностью. Для этого, как правило, желательно концентрировать коксовые печи, домны, стальные заводы и прокатные заводы в одном месте, так, чтобы ненужный газ от двух первых мог быть использован двумя последними и горячий металл из домны мог бы превратиться в сталь и прокатываться без остывания» ¹⁷.

Значение интеграции доменной печи, сталелитейного завода и прокатного завода огромно. Она дает, по утверждению Гуго Бемгера, свыше 15 марок экономии на тонну прокатной стали, или около 12—15% от всей стоимости.

Председатель Американского стального треста Гари сообщил, что благодаря интеграции его трест смог работать с капиталом на 50% меньшим, чем потребовалось бы без интеграции.

Поль Рузье сообщает, что батарея коксовых печей, перерабатывающих 100 тыс. т угля, может обслужить газом, заменяющим уголь, мартеновскую печь с годовым производством в 30 тыс. т.

Доменные печи дают свободного газа на каждую тонну выпускаемого чугуна 20 кг, или 30—35 л. с. Из всего получаемого в домне газа используется только 60% (45%—на обслуживание кауперов и 15%—на воздуходувные машины), а остальные 40% могут обслуживать стальные и прокатные заводы. Следовательно интеграция или комбинирование заводов дает возможность широко применить регенерацию газов, сохранение топлива, сокращение расходов по рабочей силе, развертывание производства побочных продуктов, укрупнить и централизовать общее производство. Такая интеграция и комбинирование широко применены в Германии и США. Регенерация газов Германии уже перед войной составляла 23% свободного газа, США — 13%, Франции — 12%, а Англии — только 1,5%.

Теперь Германия достигла размеров около 90%, США—около 70%, а Англия доползла до 20—30%. Если учесть, что стоимость топлива составляет 20—30% стоимости стали, то станет ясно, какое большое значение имеет топливная отсталость Англии по сравнению с другими странами.

¹⁶ Данные Поль Рузье—металлургия.

¹⁷ «Survey of Metal Industry».

Аллен объясняет процесс слабого комбинирования тем, что «Англия давно имеет большой экспорт чугуна и значительное производство для целейковки и литья. Доменные печи, занятые обслуживанием этих рынков, действуют независимо от стальных заводов. Кроме того большое использование скрапа также имеет свое влияние»¹⁸. Следовательно слабое комбинирование металлургической и стальной промышленности обусловлено специфическими капиталистическими особенностями Англии, которые глубоко поразили всю ее структуру. Но в то же время Аллен видит причины слабого комбинирования и в неблагоприятных естественных условиях, в том, что «нет физического распределения естественных ресурсов, благоприятных для комбинирования». Это утверждение глубоко неправильно. Оно есть повторение мысли, высказанной экономическим представителем Великобритании в США, империалистом Дж. Бродериком, который считает огромную концентрацию в Америке лишь результатом естественных условий. «Основные географические и этнографические условия—говорит он,—вызвали концентрацию. Концентрация вызвала гресты, а гресты в свою очередь явились причиной особой финансовой организации народного хозяйства в США... Отсюда — концентрация и централизация на грандиозных фермах и заводах, в сельском хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности; концентрация сырья, полуфабриката и фабриката, производственных процессов. Отсюда ведут свое начало пулы, синдикаты, гресты и т. д.»¹⁹.

Конечно естественные условия в экономическом развитии играют большую роль. Но такое апологетическое раболепство перед всемогуществом этих условий есть не что иное, как стремление переложить всю тяжесть на плечи рабочих и за счет усиления эксплуатации их поднять конкурентную способность английских товаров против американских. Исторические примеры Англии опровергают эти утверждения. В свое время Англия, будучи всемогущей мировой господствующей державой, являлась комплексом лучших природных условий. Особенно благоприятны, более чем в Америке, были условия для металлургической промышленности. Сочетание угля, руды и водных путей и превращение всего мира в сырьевую базу — чего же еще надо с географической точки зрения для роста концентрации? Однако эта промышленность оказалась наиболее отсталой. Значит, причинами здесь являются не географические, а общественные условия — именно капиталистический способ производства. При устранении капиталистических оков и капиталистических особенностей производства Англия в короткое время превратилась бы в самый крупный высокомеханизированный мировой комбинат тяжелой промышленности. Пресловутый географизм со своей разновидностью — «штандортной» теорией размещения производительных сил — имеет хождение лишь в условиях загнивающего монополистического капитализма и служит усилению фашизации буржуазных государств и росту их агрессии.

Итак, наряду с технически глубоко отсталым сырьевым производством и при известном его влиянии сложилось не менее технически отсталое стальное производство в целом. Общая характерная черта — относительно мелкое производство при многочисленности сортов

¹⁸ Allen, British Industry.

¹⁹ Brauderic, Economic Situation in USA.

сталей и при своеобразии сырьевой базы обусловило ее особую технологическую структуру. Большая разрозненность и слабое комбинирование различных предприятий лишают производства эффективности и затрудняют рационализацию. Все это удорожает продукцию, усиливает противоречия внутри промышленности, обостряет внутреннюю борьбу.

Вместо коренной реконструкции в силу господства частной собственности проводятся в отдельных предприятиях лишь частичное переоборудование или технические улучшения. Этим не только не решается коренной вопрос о стоимости продукции, но накладываются новые затруднения, препятствующие полному обновлению основного капитала. Таким образом неизбежно дальнейшее усиление загнивания всей металлургии и вряд ли возможна, по крайней мере в ближайшие годы, коренная ее реорганизация. Состояние и вся структура промышленности требуют слишком многого от капитализма, требуют того, что он дать не может.

VII

При всей глубине технического загнивания стальной промышленности однако это совершенно не означает полного технического застоя. Наоборот, на протяжении всего послевоенного периода и особенно за последние годы имеется несомненно движение в этой области. Можно прямо сказать, что для Англии это движение является очень большим, хотя оно и не изменило в основе общего состояния промышленности. Выросло количество мартеновских печей с 546 в 1913 г. до 700 к последнему времени, из которых особенно выросло количество печей более крупного объема. Так, количество мартеновских печей объемом от 5 до 40 т сократилось с 427 в 1913 г. до 258 к предкризисному времени. Количество печей объемом выше 40 т и ниже 100 т соответственно увеличилось с 145 в 1913 г. до 342. Количество печей объемом в 100 т и выше соответственно увеличилось с 14 до 32.

Механизация загрузки мартеновских печей, распределения и контроля охватила свыше одной трети всех печей. Ряд заводов имеет довольно высокую технику и комбинирование различных процессов производства. Но характерно, что нередко на одном и том же заводе наряду с высокой техникой имеется самое отсталое и примитивное оборудование.

Вот конкретные примеры некоторых технических усовершенствований на ряде предприятий, опубликованные журналом «The Iron and Steel Industry» в 1933 и 1934 гг.

1. Наиболее современная, вновь образованная с 1929 г. The English Steel Corporation Ltd., подконтрольная Виккерсу, Армстронгу и Кемелю, имеет лучшую технику на своих заводах. Проведено полное переоборудование машинных, литейных, кузнечных заводов. Это лучшие заводы Англии, которые хвастливо воспевал генерал Герберт, председатель концерна Виккерс Ltd. на собрании акционеров.

Он указывал, что «новое симменсовское оборудование литейного цеха представляет лучший тип во всем мире»²⁰. Это несомненно преувеличено, но все же оборудование технически очень высокое.

²⁰ «Times» от 27 марта 1934 г.

Производятся самые разнообразные стальные изделия весом до 250 т, причем самого высокого качества. Все фирмы, изготавливающие машины на состязание и на рекорд, снабжаются всеми частями заводов English Steel Corporation. Изготавливаются все наиболее важные части для судов, автомобилей, аэропланов, для общего машиностроения, для сложных военных заказов и т. д. Завод оборудован тремя 60-тонными мартеновскими печами с кислой футеровкой.

Нагрузка, разгрузка и контроль механизированы по последней технике. Ковши автоматически принимают металл при посредстве кранов, разливают его по формовкам. Завод оборудован 16 электрическими воздушными передвижными кранами мощностью от 5 до 200 т. Но особенность заводов—небольшая производственная мощность.

2. Хорошо оборудованы некоторые заводы United Steel Company Ltd., организованной несколько лет назад. Она также производит большой и сложный сортамент. Принадлежащий ей «Темплекьюр плент» состоит из 14 мартеновских 80-тонных печей с производством 12 тыс. т в неделю, или свыше 600 тыс. т прокатной и полуготовой продукции. Однако этот завод технически оборудован много слабее, чем у английской стальной корпорации.

Другой, «Айклес плент» этой компании, производительностью в 1,5 тыс. т в неделю, или около 80 тыс. т в год, оборудование имеет уже худшее.

3. Заводы Park Gate Iron and Steel Co Ltd. со способностью производства в год 170 тыс. т чугуна и 250 тыс. т стали оборудованы сравнительно хорошо. Из 8 мартеновских печей одна объемом в 400 т, одна в 75 т и шесть в 60 т каждая. Из этих печей три оборудованы механической подачей и распределением. Они обслуживаются машинами газового дутья.

Прокатка проводится, начиная от 36 дюймов толщины и ниже. Завод оборудован новейшей батареей газовых машин, имеет свой транспорт в 17 локомотивов и 1000 вагонов.

Заводы способны производить все классы лучшей стали с прокаткой наивысшего качества и тончайших (fine) листов, все виды сплавных и специальных сталей

4. Небольшие, но хорошо оборудованы заводы Thos Tith and John Brown Ltd. У них два типа заводов: электрической стальной плавки и машинной обработки.

Отделение электрической плавки производит литье свыше 300 разных спецификаций сталей размером до 30—35 т.

Печь в 180 вольт, 15 тыс. ампер и снабжена двумя 200-тонными кранами.

Заводы машинной обработки производят обработку слитков до 160 т, превращая их в самые разнообразные изделия.

Теперь приведем заводы, наиболее характерные для большинства английских заводов.

5 Заводы of the Appleby Iron Co. Ltd. имеют смесь старого и нового, что отражает характер большинства английских заводов. С одной стороны, добывается паровым способом руда здесь же близ заводов и доставляется своим составом. Затем она пропу-

скается через механизированный дробильный завод современного типа со скоростью 200 т в час. Как видно, механизация вступила в свои права. Но в то же время из имеющихся 6 доменных печей только две механической нагрузки с производительной способностью в год 100 тыс. т каждая. Остальные 4 печи ручной нагрузки. Из них две печи бездействуют и намечены к уничтожению.

Размер каждой печи 100 фут. высоты и 20 фут. диаметром.

6. Заводы Frodingham Iron and Steel Co Ltd. с производительной способностью около 200 тыс. т чугуна. Из четырех печей имеются две с механической и две с ручной загрузкой.

Но признавая значительные технические и концентрационные сдвиги в английской стальной промышленности, все же нельзя переоценивать их. Эти сдвиги по сравнению с другими странами далеко недостаточны, чтобы поднять на соответствующий технический уровень все стальное производство. Их масштабы мелкие, переоборудования частичные, старые принципы не изменяются.

Теперь сравним размеры и оборудование английских заводов с размерами и оборудованием одного из металлургических гигантов СССР Запорожсталь, который в 1934 г. полностью вступает в эксплуатацию. На него затрачено около миллиарда рублей, или в английском исчислении 100 млн. ф. ст. Размер капитала, который равен капиталу больше, чем половины крупнейших английских металлоконцернов. Запорожсталь состоит из металлургического завода, завода инструментальной стали, коксохимического, ремонтно-механического и др. Его четыре домны мощностью каждая по 900 т будут давать ежегодно 1.224 тыс. т передельного чугуна. 12 мощных мартеновских печей по 150 т каждая. 7 стонных качающихся мартенов, 28 электропечей.

Будет выплавляться ежегодно около полутора миллиона качественных сталей, которые после прокатки на 175 обжимных и заготовочных станах, после термической обработки в 80 обжигательных печах дадут около миллиона тонн качественного листового и сортового металла. В этот комбинат входит завод ферросплавов с ежегодным выпуском 100 тыс. т ферро-марганца, ферро-силиция, ферро-хрома, ферро-вольфрама. Все цехи и агрегаты механизированы по последнему слову техники. Мощная Днепрогэс, рядом с которой расположен гигант, будет снабжать энергией его полностью. На фоне этого гиганта, а он в СССР далеко не единственный, все «переоборудование», «реорганизация» и «техническая революция» в английской стальной промышленности выглядят жалко.

Итак, процессы технических улучшений в английской стальной промышленности несомненно имеются налицо. Но они далеко не отвечают нужным размерам. Высокий технический уровень передовых капиталистических стран ярко показывает, что процессы технического усовершенствования в Англии пока слишком недостаточны для выравнивания ее промышленности с другими странами.

VIII

Как видно из общего анализа, отсталость всех отраслей металлургической и стальной промышленности Англии несомненна. Она обу-

словлена историческим ходом капиталистического развития. Имеются некоторые «светлые пятна», иногда довольно значительные, но они лишь сильнее оттеняют всю глубину той отсталости, которая глубоко поразила все стороны промышленного производства. Это отражается и на производительности труда, понижая его до более низкого уровня, чем в других капиталистических странах при не менее жестокой эксплуатации рабочих. Попытка Бальфуровского комитета и буржуазных экономистов, как Аллена, Зигфрида и др., объяснить высокую стоимость продукции более высокой заработной платой и меньшей эксплуатацией является не чем иным как фашистским оправданием наступления капитала на рабочий класс и желанием за счет понижения его жизненного и без того низкого уровня обеспечить капиталистический выход из экономического кризиса. На самом же деле высокая стоимость продукции обусловлена технической и концентрационной отсталостью.

Если разрыв в технико-концентрационном уровне Англии с другими капиталистическими странами очень глубок, то и разрыв в себестоимости, а следовательно и в конкурентной способности, также довольно велик. Ослабление его в условиях капитализма возможно только путем подъема техники и уровня концентрации до уровня Германии и США. Но это еще больше обострило бы конкурентную борьбу. Возможен ли такой подъем в условиях суживающегося рынка? — Вряд ли возможен. Высокая концентрация и технический уровень производства Германии и США развивались в условиях относительно растущего внутреннего и внешнего рынка. Империалистическая война в некоторой степени явилась фактором, вызвавшим переоборудование и даже новые сооружения на базе новой техники. Период «просперити» в Америке и период рационализации в Германии подняли промышленность на наиболее высокий технический уровень.

Были вложены миллиарды долларов и марок в стальную промышленность. И все же перспектив дальнейшего развития нет, так как нет рыночных перспектив. Англия находится в условиях еще более суживающегося рынка. Чтобы достигнуть технического уровня и концентрации, равной промышленности Германии или Америки, ей нужно заново перестроить всю стальную промышленность как территориально, так и по структуре и по технике.

Для этого требуются весьма большие затраты капитала. S. Jevon¹, основываясь на решениях правительственного комитета, оценивает это в 20 млн. ф. ст. (что равно $\frac{1}{3}$ части нашего комбината Запорожсталь).

На самом же деле эта цифра ничтожна и коренного изменения внести не сможет. Ее по крайней мере нужно увеличить в 10 раз. Однако даже эту сумму в 20 млн. ф. ст. ни промышленники, ни правительство затратить не решаются, ибо перспективы довольно мрачны. Затрата такой суммы не может радикально решить проблему. Она в лучшем случае может дать лишь некоторую временную передышку, некоторое подтягивание, но не подымет технику и концентрацию английской промышленности на уровень американской. Следовательно глубокое загнивание английской стальной промышленности в ближайшие годы не позволит ей сравниться с передовыми капиталистическими странами, что неизбежно вызовет новое усиление и обострение противоре-

чий как внутри, так и в международных отношениях и усилит подготовку и возможность войны как способа временного разрешения противоречий путем захвата новых рынков.

В то же время вместо радикальной реорганизации промышленности предприниматели постараются увеличить эксплуатацию и попытаются таким путем выйти из кризиса, а это еще сильнее обострит классовые противоречия и вызовет новое усиление классовой борьбы внутри страны и революционизирование пролетариата. Обострение противоречий и стремление буржуазии подавить растущее наступление рабочего класса усилят деятельность буржуазии по фашизации Англии.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В. КЕЛЛЕР

Национальные особенности некоторых направлений буржуазной политической экономии

I

В тридцатых годах XIX столетия обрывается история буржуазной политической экономии как науки. «Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба принимает практически и теоретически все более ярко выраженные и угрожающие формы. Тем самым пробил смертный час для научной буржуазной экономии. Отныне вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наёмных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются бессовестной и злонамеренной апологетикой»¹.

Эта буржуазная апологетика, эта политическая экономия борьбы против рабочего класса развертывается в дальнейшем (если иметь в виду Западную Европу и ограничиваться периодом доминирующего капитализма) по двум основным направлениям.

Первая линия представлена немецкой т. н. исторической школой — в двух ее поколениях — и некоторыми ее родственниками в той же Германии. Вторая линия: первое поколение — экономисты типа Бастиа; второе поколение — т. н. субъективная школа; точнее — математическая и английская («Кембриджская») школа. Границу между поколениями в том и в другом случае проводят семидесятые годы: I Интернационал, Парижская коммуна; прежняя тактика буржуазных апологетов — тактика замалчивания марксизма — становится невозможной.

Дальше попытаемся пояснить и обосновать разграничение этих двух линий.

В своей борьбе против социализма буржуазная апологетика отрекается и зарекается от всего глубокого, что было у буржуазных экономистов-классиков. Этот отказ у двух упомянутых линий осуществляется по-разному. У «историков» с классиками свои особенные личные счета.

Особенностям исторической школы часто давалось весьма упрощенное объяснение. Передовая английская и отсталая немецкая промышленность; отсюда — требования таможенных пошлин; отсюда —

¹ Маркс, Капитал, т. I, Послесловие ко второму изданию.

«Национальная система» Фридриха Листа и все остальное. Это действительно очень просто. Между тем «Национальная система» не исчерпывается требованием таможенных пошлин и историческая школа не исчерпывается Фридрихом Листом. Не одна Германия стояла в таком отношении к английской внешней торговле, а в какой другой стране мыслима такая например фигура, как Шмоллер?

Историческая школа противопоставляет «космополитизму» Смита и Рикардо свой национализм. «Как на характерное отличие созданной мною системы я указываю на национализм», говорит Лист. Его система «не опирается на пустой космополитизм, а зиждется на самой сущности явлений, на уроках истории и народных потребностях»².

Речь идет не о нациях вообще. Речь идет о национальном объединении именно Германии и о борьбе за пути этого объединения, так как «оно могло совершиться при тогдашнем соотношении классов двояко: либо путем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии»³.

«Историки» как раз и являются идеологами прусского пути развития капитализма и этого прусского пути национального объединения.

Со всей откровенностью это выражено у Листа. «Для нас представляется пагубным и безумным всякое стремление подкопать монархическое начало и существование дворянства». «Пусть не смотрит поэтому немецкое дворянство на наши старания с завистью или враждою. Пусть дворянство делается парламентарным и прежде всего вполне национальным; пусть оно становится не против нас, а во главе нашего национального стремления. В этом заключается его действительное назначение»⁴. Чтобы убедить в этом дворянство, Лист использует самые разнообразные доводы. Он обещает повышение земельной ренты. Он грозит: те, кто противится созданию «свободного промышленного и богатого городского сословия, должны будут выбирать между чужеземным игом или внутренними волнениями».

Отсюда второе размежевание. Рационализм классиков, установление буржуазного порядка как отвечающего абсолютным требованиям самого разума и отметающего «неразумные» феодальные пережитки, — это никак не устраивало немецкую буржуазию. Ее идеологи прекрасно понимали, чем пахнут все эти идеи естественного права и социального договора. Теперь для них даже Кант оказался слишком левым. «Естественное право было неисторичным и рационалистичным», — как говорит Шмоллер. «Естественная теория народного хозяйства» «писала на своем знамени уничтожение всех средневековых учреждений»⁵. Против этого «исторического наследства» выступали физиократы, а что касается Смита, то он, по Кнису, «отчет-

² Лист, Национальная система политической экономии, русс. пер., 1891, стр. 9, 31.

³ Ленин, Август Бебель, Соч., т. XVI, изд. 3-е стр. 547.

⁴ Лист, цит. соч., стр. 34—35.

⁵ G. Schmoeller, Grundriss der allgemeiner Volkswirtschaftslehre, 1900 I. Teil, S. 84 (Г. Шмоллер, Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы, пер. Нечаева, 1902, стр. 34).

ливо выразил в своем произведении философское, моральное, политическое мировоззрение, принципиальную установку личностей носителей революции 1789 г.»⁶.

Лучше, чтобы всего этого не было! «Внезапный, без всякой постепенности переход от полного рабства к полной свободе может конечно привести к некоторым неудобствам», — говорит Рошер. «Каждая революция, как бы ни была велика потребность в изменении, совершенном ею, останется все-таки всегда величайшим несчастьем и нередко смертельным недугом народной жизни»⁷.

«Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидела себя враждебно противостоящей пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату»⁸. Она боялась народных масс больше, чем абсолютизма, и свою «потребность в изменении» предпочла удовлетворять другими путями.

Поэтому рационализму классиков противопоставляется «историзм» исторической школы. Не нужно выдумывать абстрактного «разумного общественного порядка», нужно учитывать «конкретные условия», нужно учитывать «исторически данные», уважать «исторически сложившееся». Тем «исторически данным», которое предлагалось учитывать, к которому хотели приспособляться, было как раз феодальное общество. Именно здесь, в трусости немецкой буржуазии, этого «окаянного старика», как называл ее Маркс, лежат корни немецкого «историзма».

«...Разуй ноги, немецкий патриот, ибо ты стоишь на священной почве! Все эти варварские раритеты суть развалины христианско-германской славы, последние звенья цепи, которая тянется через всю историю и связывает тебя с величием твоих предков... Эта плесень, этот феодальный ил... являются самыми неотъемлемыми продуктами нашего отечества, и истый немец должен воскликнуть вместе с поэтом:

Ведь это воздух отчизны! Он жжет
Своей живительной силой
Мне щеки. Вся эта дорожная грязь
Ведь грязь родины милой»⁹.

Отсюда дальнейшее размежевание с классиками: вопрос о государстве. Все помнят замечательные слова Смита о государе, чиновниках, офицерах, как о непродуктивных работниках. Все это Смит помещает в ту рубрику, в которой у него обретаются «священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр.»¹⁰. В дальнейшем буржуазия меняет свое отношение к этим «идеологическим сословиям»; но здесь еще молодость, буря и натиск. «Это язык все еще революционной,

⁶ К. К n i e s, Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte. Neu Aufl. 1883, S. 262, 278.

⁷ Р о ш е р, Начало народного хозяйства, т. I, пер. Бабста, стр. 51—157.

⁸ М а р к с, Буржуазия и контрреволюция (Баланс прусской революции); М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. VII, стр. 55.

⁹ М а р к с и Э н г е л ь с, Законопроект о феодальных поборах, Соч., т. VI, стр. 335.

¹⁰ А д а м С м и т, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, русс. пер., 1931, стр. 339.

буржуазии» — указывает Маркс ¹¹. Понятно, что именно немецких экономистов, никогда этой молодости не знавших, такой язык ужасал. Как только люди осмеливаются говорить подобные вещи! Подумать только, возмущается Шмоллер, они считали «всякое государство почти что излишним, а каждого государственного человека — ни на что негодным человеком!» Как могли бы «историки» считать ни на что негодным такого например «государственного человека», как Бисмарк?

По мнению Тюнена (не «историка»), «долг Staatsbürger'a повиноваться даже определенно непоследовательным законам правительства» ¹². Немецкая политическая экономия сохраняет нечто от того выражения лица, с которым Staatsbürger'ы внимали своему разгневанному начальству:

Кто будет громко рассуждать —
Того на месте расстрелять.
Кто будет в мимике замечен —
Тот будет так же изувечен.

(Гейне, пер. Тынянова).

В критике Смита «историки» примыкают к крайнему идеологу феодальной реакции Адаму Мюллеру. Но ведь «историки», не будем забывать этого, все-таки буржуа. Воздавая хвалы Мюллеру за понимание «государства и народного хозяйства, как одного целого, стоящего выше отдельных личностей и выше поколений», Рошер все же подчеркивает, что Мюллер — «ум существенно средневековый». Гильдебранд одобряет Мюллера за «нравственную идею государства», но находит его односторонним. Ведь человек не только какая-то деталь государства: «индивид внутри государственного мира является также сознанием свое достоинство носителем некоего общественного, самостоятельного мира» ¹³. — Например хозяином капиталистического предприятия! Не думайте, что мы были совсем уже мокрыми курицами, мы тоже либералы. Когда это нужно, мы встаем на защиту «творческой индивидуальности» буржуа. Книс предоставляет государству «руководство жизнью всего народного целого», оставляя за индивидом «свободу индивидуальной хозяйственной деятельности» ¹⁴. Шмоллер не мыслит себе хозяйства без современных государственных учреждений, он считает, что в народном хозяйстве существует «широкое, сознательное и единое руководство», но «психическое единство», единство согласованных стремлений важнее, чем прямые воздействия и повеления государственного центра.

В связи со всеми перечисленными чертами легко понять и другие особенности исторической школы: фетишизацию надстроек вообще, отношение к праву и к морали, этицизм и т. д.

Историческая школа — одно из направлений буржуазной апологетики. Уже Фридрих Лист понимал, что пролетариат — это «зло, которым в настоящее время сопровождается развитие промышленности», но думал все же, что существуют бедствия, большие, чем пролетариат: например пустое казначейство.

¹¹ «Теория прибавочной стоимости», 1931, стр. 261.

¹² T h ü n e n. Der isolirte Staat. 3. Aufl., II Bd., II Abt., S. 87.

¹³ B r u n o H i l d e b r a n d, Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, 1922. S. 42.

¹⁴ K n i c s, op. cit., S. 98.

Классическую школу, эту «бездушную теорию меновых ценностей», Лист, помимо всего прочего, обвиняет еще и в том, что, распавшись, она породила «революцию и анархию». Но он явно недооценивает серьезность положения. Здесь интересно сказывается неравномерность развития. Несмотря на свои путешествия в Америку, Францию и Англию, Лист остается глубоко провинциальным идеологом отсталой немецкой буржуазии. Лист отмахивается от того будущего, которое для передовых капиталистических стран уже в его время стало настоящим. Классическая школа, говорит он, «начинает в конце концов считать производительные силы чудом, угрожающим благою и стоянию народов». Какой абсурд, какие чудачества эти классики, этого быть не может, это противоречия ошибочной доктрины, а не самой действительности. «Теория здесь подобна Сатурну, глотающему собственных детей». Лист слышал о сен-симонистах и фурьеристах, он пытается их критиковать. Он выдвигает довод в своем национальном стиле: раздробленная на фаланстеры нация будет завоевана другими нациями. А вообще «очень может быть, что мир стремится к тому положению, о котором эти секты мечтают или которое предчувствуют; однако я думаю, что пройдут еще века, прежде чем оно осуществится»¹⁵. Словом, вопрос неактуальный.

Листовская «Национальная система» вышла в 1841 г. История в те годы шагает быстро; в 1844 г. происходят восстания в Силезии и Богемии, в 1847 г. — «картофельный бунт» в Берлине и совсем уже не в листовском тоне высказывает свое беспокойство Бруно Гильдебранд на первых же страницах своей книги: «пауперизм вызвал участие и привлек внимание всех образованных людей к состоянию трудящихся классов и со времени волнений ткачей в Силезии и Богемии не только породил во множестве областей Германии ферейны для улучшения жизни этих классов, но и поставил все более и более неотвязный, большой, общего порядка вопрос, «какие социальные реформы необходимы в виду все углубляющейся пропасти между богатым и бедным, и какие обязательства налагает на собственников их право собственности»¹⁶. Добрых три четверти книги посвящены опровержению «социальных теорий». Автор превосходно чувствует, где самые опасные враги: Фридрих Энгельс «несомненно самый одаренный и знающий среди немецких социальных писателей», стоящий на «крайне левом фланге коммунизма», в зловреднейшем издании Маркса и Руге хочет не исправлять, а попросту уничтожить политическую экономию, уничтожить науку!¹⁷ Горячее время. Книга Гильдебранда выходит в том же году, что и «Коммунистический манифест».

В семидесятых годах (помимо того общего их значения, на которое указывалось выше, они специально для Германии знаменовали еще один огромной важности переломный момент: победу прусского пути объединения) начинается настоящий «расцвет» антимарксизма: выступление Книса в его книге о деньгах, против марксовой теории стоимости и та антимарксистская травля, которую подымает

¹⁵ Лист, Национальная система, стр. 389—390.

¹⁶ Hildebrand, op. cit., S. 2.

¹⁷ Там же, стр. 125. Речь идет об «Очерках критики политической экономии» (1844 г.). См. Маркс и Энгельс, Соч., т. II. Дальше Гильдебранд «критикует» «Положение рабочего класса в Англии».

Шмоллер (как известно, ярый сторонник закона против социалистов).

Как глава младшего поколения «историков» Шмоллер упрекает Рошера и Кнуса за то, что они чрезмерно обобщают, слишком легко устанавливают «законы», недостаточно внимания уделяют детальному эмпирическому описанию. «Конечного единого закона деятельности народнохозяйственных сил не существует и не может существовать»¹⁸.

Труха этих «исследований» и «описаний»¹⁹ выдвигается им специально против Маркса, который, видите ли, увлекался «абстрактными понятиями» и, «несмотря на внимательное изучение английских синих книг», больше, чем кто-нибудь, «отдалился от современных требований точного эмпирического исследования». Это, понятно, не мешает Шмоллеру находить «эмпирическую остроту» и «анализ практической жизни» у Менгера, Бема и Джевонса!²⁰

Те установившие исторической школы, которые были перечислены выше, — это и есть позиции, занятые ею в борьбе против рабочего класса и его идеологии. «Историзм» как похвала постепенному развитию, противопоставляется революции; общие интересы «нации», интересы «общественного целого» противопоставляются «частным» интересам пролетариата, и надо всем этим витает государство, как беспристрастный арбитр, как высшая инстанция, в которой примиряются все противоречия. По Кнису, как раз отсутствие у немецкой политической экономии либеральной односторонности в оценке государства позволило ей по отношению к социализму занять «п р и б л и ж е н н у ю позицию, но вместе с тем гораздо более устойчивое и господствующее над ним положение»²¹. Для истинно немецкой апологетики этот культ государства особенно характерен.

В некоторых странах, говорит Антонио Лабриола, например во Франции, господство буржуазии, ее «государственная фирма» носит более откровенный характер; «это соответствует прозаическому сознанию такой буржуазии, которая уверена в себе, потому что она «действительно завоевала занимаемое ею положение», напротив, «в других странах, особенно в Германии, старые феодальные обычаи, протестантское лицемерие и низость буржуазии, которая использует благоприятные экономические обстоятельства, не внося в это ни ума, ни революционной смелости, сохраняют за государством (ente Stato) лживую видимость этической миссии. (О, болваны и старые колпаки (Zucconi e parrucconi) немецкие профессора, в скольких малоаппетитных и неудобоваримых соусах стряпали вы эту этику государства, прусского государства вдобавок!).» И в другом месте: «Так родилась именно в Пруссии иллюзия социальной монархии, которая, преодолевая эпоху либерализма, должна была гармонически разрешить то, что называют социальным вопросом. Эта нелепость воспроизводилась в бесконечных вариаци-

¹⁸ Schmolle r, op. cit., S. 109.

¹⁹ Это не какое-то собрание безразличных фактов, а нечто весьма тенденциозное. Пример «исторического экскурса», «фактической справки» из Рошера: «большая часть варварских народов живет бесстыдно, и только наши немецкие праотцы, как заметил уже Тацит, составляли блестящее исключение» (Рош е р, т. I, отд. II, М. 1862, стр. 263).

²⁰ Schmolle r, op. cit., S. 331.

²¹ Knies, op. cit., S. 331.

ях катедер-социализма и государственного социализма. К различным формам идеологического и религиозного утопизма прибавилась новая форма: утопия бюрократическая и фискальная, утопия кретинов»²². Заключительные слова этой выдержки приводит Ленин, называя книгу Лабриолы превосходной²³.

II

Размежевание основных направлений буржуазной апологетики как раз связано с вопросом о том, какими путями шла к власти буржуазия, насколько эти ее пути были компромиссными; была ли она, так сказать, «самодетельной» (и в какой мере). Или ее дела для нее и за нее устраивали какие-нибудь «государственные люди» из прусских юнкеров?

Второе направление буржуазной апологетики разворачивается как раз в тех странах, где, в отличие от Германии, мы имеем такую (более или менее) «самодетельную» буржуазию. Здесь буржуазной апологетике предшествовала классическая экономия, опять-таки в отличие от Германии, буржуазная экономическая теория которой сразу начинается с апологетики.

Это второе, либеральное направление по существу так же далеко от классиков, как и немецкая историческая школа. Но за немногими исключениями экономисты этой линии изображают себя продолжателями классической школы (Маршалл, Панталони и др.). У французов и англичан не было оснований ни к отказу от космополитизма, ни к историческим реверансам. Это рационалисты и либералы, это племя просвещенных фритредеров.

Действительный смысл рационалистической и либеральной идеи заключался в борьбе с феодализмом. Задача выполнена, буржуазия победила. Нам попрежнему снова и снова говорят об экономической свободе, о разумном общественном строе, об естественных законах, но смысл всего этого переменился. Речь идет уже не о наступлении на «искусственные» институты феодализма; нет, это социалисты придумывают свои «искусственные системы»; это они хотят убить «экономическую свободу», это они оспаривают «разумность» буржуазного строя.

В отношении к государству у этих апологетов нет того трепета, того взгляда снизу вверх, который так характерен для немцев. Тут держатся развязнее и непринужденнее, тут другой стиль, другие мотивы. Каждый сам за себя; сам хозяйствующий индивид — лучший судья своих интересов; предоставьте ему самому решать, что для него выгоднее, он лучше разбирается в этом, чем самый благонамеренный законодатель. «Общество организовано так, что, стремясь к нашему личному счастью, мы трудимся для общего блага», как говорил еще покойный Бентам²⁴. Не вмешивайтесь в это чудесное устройство, в эту великолепную механику человеческих эгоизмов, самотеком вырабатывающих общее счастье.

Предоставленные самим себе экономические силы, говорит Бастиа, повышают долю рабочего в общем результате производства и по-

²² Antonio Labriola. *Del materialismo storico*. 1896, p. 42—43. *Essais sur la conception materialiste de l'histoire*, p. 160.

²³ Ленин, *Перлы народнического прожектерства*, Соч., т. II, стр. 299.

²⁴ S. Raffalovich, Bentham. *Principes de legislation*, p. 43.

нижают долю капиталистов. «Таков великий, восхитительный, утешительный, необходимый, непоколебимый закон капитала»²⁵.

Экономист второго поколения этой линии Маршалл итог своего исследования видит в том, «что уже действующие сейчас социально-экономические силы меняют распределение богатства к лучшему... что социально-экономический организм более нежен и сложен, чем это кажется на первый взгляд; что сколько-нибудь крупные неосмотрительные изменения могут привести к тяжелому бедствию. В особенности оно (маршалловское «исследование» — К.) показывает, что переход всех средств производства в собственность правительства, даже если он будет осуществляться медленно и постепенно, как это предлагают те из «коллективистов», которые обладают большим чувством ответственности, может глубже подрезать корни социального процветания, чем это кажется на первый взгляд»²⁶.

«Центральный пункт моей книги, — говорит Уикстид, — заключается в том, что, поскольку экономические силы действуют без трений, они обеспечивают каждому эквивалент его производственного значения в том месте производственного организма, в котором он находится». (Еще раньше в таком же духе высказывался в Америке Д. Б. Кларк.) «Рабочие кажется думают», — говорит Джевонс, — что предприниматели, «если не присматривать за ними и не пугать их стачками», «будут забирать себе большую часть продукта и платить очень низкую заработную плату». Это ошибка. Конкуренция сама обо всем позаботится. Стачки только мешают свободному движению экономики. «Как общее правило, стачка есть акт безумия»²⁷. «Ненависть к штрейкбрехерам, — вторит Уикстид, — хотя и естественна, но не имеет социального оправдания»²⁸.

Поскольку речь идет об Англии, казалось бы, что специфические отношения английской буржуазии и верхушки рабочего класса должны были бы вносить кое-какие поправки в такой оголтелый либерализм. Но можно ли считать «поправкой» такие например рассуждения Джевонса: «ограничения (промышленной деятельности) есть зло, ибо провиденье мудрее, чем законодатель; иными словами, благосостояние лучше обеспечивается естественными силами развития, чем неосмотрительными законами предубежденного и неискусного законодателя. Но разум есть божественный дар, и где на основании несомненного опыта мы видим пути к определенному улучшению жизни какого-либо класса общества без ущерба другим, мы обязаны попытаться ввести это улучшение». Профсоюзы как раз преследуют преимущественно интересы части общества в ущерб всему этому обществу»²⁹.

На континенте особенно радикален Вальрас. Экономическая свобода обеспечивает всем максимум полезности. Поэтому все ограничения этой свободы должны быть устранены. Радикализм Вальраса заключается в том, что, нападая на монополии, он не щадит монополию частной земельной собственности. «В рациональном обществе, без земельной собственности и без монополий, индивидуальные ка-

²⁵ F. Bastiat, *Oeuvres complètes*, 1860, v. VI, p. 223.

²⁶ Marshall, *Principles of economics* 8 ed., p. 712.

²⁷ Jevons, *Political economy*. 2 ed., 1878, p. 64, 67.

²⁸ Wicksteed, *The common sense of political economy*, 1933 (1 ed., 1910), v. II, p. 4, 698.

²⁹ Jevons, *The state in relation to labour*, 5 ed., p. 170.

питалы могут возникать лишь из индивидуального сбережения», и никакая эксплуатация носителей производительных услуг и покупателей продукта невозможна³⁰.

Маршалл, Вальрас и Джевонс — наиболее видные представители так называемой «субъективной школы» (об австрийцах будем дальше говорить особо). Привести все эти выдержки было необходимо, чтобы показать их либеральную установку (совершенно не оттененную в нашей литературе). Они продолжают, «совершенствуют», «рационализируют» теорию прежних вульгарных экономистов либерального направления. «Этот рост «рационализаторских» стараний объясняется опять-таки теми повышенными требованиями, которые предъявляет к теории классовая борьба, вследствие чего апологеты никак не могут обходиться кустарным оружием из теоретического арсенала какого-нибудь Ж. Б. Сэ».

То, что «субъективная школа» есть антисоциалистическая апологетика, это признается даже некоторыми буржуазными экономистами. Это признает Зомбарт³¹, ссылающийся на Артура Лабриолу³²; об этом говорит такая личность, как Ахилл Лориа³³. В этом нет ничего удивительного; когда буржуазный экономист называет апологетом своего коллегу, он надеется этим показать, что сам-то он не таков, как этот мытарь, что сам-то он непорочен и бескорыстен. Так можно легче пустить в оборот свою собственную апологетику. И притом это ни к чему не обязывает. Артур Лабриола в самый разгар своей синдикалистской «левизны» усиленно сам пропагандирует идеи вульгарной политической экономии³⁴.

Сами представители этого направления достаточно откровенны. Можно было бы привести множество выдержек, удовольствуемся одной. Парето в своем предисловии к «Капиталу» заявляет: «Критикой книги К. Маркса больше не приходится заниматься. Она дана не только в специальных монографиях, посвященных этой теме, но также и, прежде всего, в тех усовершенствованиях, которые были внесены в политическую экономию, в теорию ценности»³⁵. Лучше не скажешь. Конечно это только прелюдия к тому, чтобы начать новое «опровержение» столько раз будто бы уже «опровергнутого» марксизма...

Методологический индивидуализм против концепции производственных отношений; теория равновесия против закона движения, против концепции возникновения, развития и гибели капитализма, против учения о классовой борьбе. Теории предельной полезности, предельной производительности, подновленная теория воздержания — против теории стоимости и прибавочной стоимости, — все это анти-

³⁰ L. Walras, *Éléments d'économie politique pure*, 1874, p. 267. *Études d'économie sociale*. 1896, p. 237.

³¹ W. Sombart, *Die drei Nationalökonomien*, 1930.

³² «Суть «точной экономики» — в ее антисоциалистической полемике, в страхе перед социализмом, в необходимости защитить данный социальный порядок против опасных доктрин». Artur Labriola, *Il valore della scienza economica*, 1931, p. 341.

³³ «Новая школа устраняла возможность глубокого анализа общественных отношений и тем самым страховала господствующую экономическую систему от какой бы то ни было угрозы со стороны теории». A. Loria, *La schola austriaca nell'economia politica*. Nuova antologia. V. XXVI, 1890, I apr., p. 509.

³⁴ «Как социализм, так и свободная конкуренция дают одинаковые результаты в смысле уничтожения всякого паразитарного вознаграждения». Артур Лабриола, Реформа и социальный переворот, пер. Гинцбург, стр. 208.

³⁵ K. Marx, *Le capital*. Extraits. Petite bibliothèque économique. Préface, p. 3.

марксистские «усовершенствования» старой вульгарной политической экономии.

В нашей литературе³⁶ совершенно правильно указывалось, что нельзя рассматривать субъективную школу как нечто единое и сплошное; необходимы разграничения.

С этим дело обстоит неблагоприятно. «Субъективистов» разбивают обычно на австрийскую, англо-американскую и математическую школу. Очевидно этого не нужно понимать таким образом, что вот, мол, одни экономисты живут в Австрии, Англии и Америке, а другие занимаются математикой. Это была бы очень странная классификация. С таким же основанием можно было бы делить человечество на женщин, детей и блондинов.

Американцев оставим в стороне. Из «математиков» нужно выкинуть Курно, который вовсе не был теоретиком предельной полезности. Английская («кэмбриджская», маршалловская школа) отделяется легко: она подчеркивает двойственность факторов цены. Принцип предельной полезности как основа спроса соединяется здесь с принципом «отрицательной полезности», тягостности труда и воздержания, определяющей в конечном счете предложение. Это изображается как развитие и продолжение традиций именно английской классической экономики, специально Рикардо (в действительности это издевательство над ним). Джевонс и Уикстид, хотя и англичане, к этой английской школе не относятся. Это — «математики».

Для «математиков» характерен принцип «максимума полезности», признаваемый и Маршаллом, но имеющий у него подчиненное значение. И вот здесь проходит граница, по одну сторону которой оказываются «англичане» и «математики», по другую — «австрийцы».

В связи со всем предшествующим изложением «австрийцы» становятся непонятными. Они «субъективисты», их теория «космополитическая». Почему? Как они сюда попали? Разве немецкая буржуазия Австрии в отличие от прусской была «самодеятельной» и имела в прошлом какие-то особые революционные заслуги? Разумеется, нет. Как известно, и здесь имел место компромисс между буржуазией и абсолютизмом, между интересами буржуазии и дворянства. Как будто налицо все основания ожидать возникновения чего-нибудь похожего на немецкую историческую школу. А вместо этого мы имеем «космополитизм». В чем же дело?

В национальном вопросе³⁷.

«В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились межнациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия». «Этот своеобразный способ образования государства мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации» (С т а л и н)³⁸.

³⁶ Т.т. Пильмейстером и Пашковым. См. «Большевик» № 3, 1931, стр. 85.

³⁷ Антимарксизм австрийской школы характеризует ее суть, как и всей новейшей апологетики; вопрос заключается в том, почему антимарксизм в Австрии принял форму, отличную от антимарксизма немецкой исторической школы. Именно для объяснения этих отличий, этих особенностей и необходимо обратиться к национальному вопросу.

³⁸ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос (1913 г.) в сборнике «Марксизм и национально-колониальный вопрос», 1934, стр. 10—11.

«Космополитизм» буржуазных экономистов Австрии — это не космополитизм либеральный, он имеет особую природу. С одной стороны, здесь сказался «двухцентровый», «дуалистический» характер Австро-венгерской монархии. С другой стороны: «Австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта «претенция»... разбита войной 1866 года» (Ленин)³⁹. В этих условиях не быть «космополитами», пропагандировать национализм типа немецкой исторической школы означало бы попросту пропагандировать присоединение Австрии к Германии — установка для официальных, правительственных экономистов австрийской буржуазии заведомо неприемлемая.

Но в таком случае в системе австрийской школы должна была как-то сказаться эта нелиберальность. Так оно и есть. Тех восторженных похвал экономической свободе, которые мы слышали от математиков и англичан, мы здесь не услышим. У австрийцев отсутствует принцип «максимума полезности». И это не деталь, не какой-то формальный и внешний момент. Максимум полезности, как это особенно подчеркивает Вальрас, есть «научное» доказательство благодетельной именно свободной, неограниченной конкуренции. «Максимум» осуществляется лишь тогда, когда индивид свободно и беспрепятственно обменивает находящиеся в его распоряжении «блага». И этого у австрийцев нет. У них — апологетика капитализма без апологетики «экономической свободы», трусливая, половинчатая апологетика.

Австрийская школа не могла воспевать свободы торговли специально еще потому, что австрийская буржуазия стремилась сохранить за собой венгерский рынок.

«Борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую. Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избирательных прав, сокращение школ, религиозные стеснения и т. п. так и сыплются на голову «конкурента». Конечно такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии. Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку — все равно, идет ли речь об Австро-Венгрии или о России» (Сталин)⁴⁰.

Любопытно отметить, что и Менгер, и Визер, и Бем помимо профессуры промышляли еще и чиновнической деятельностью. Менгер кроме того преподавал политическую экономию австрийскому кронпринцу. Совершенно немисливо представить себе в такой функции Вальраса! Тут совсем другая атмосфера. Визер и Бем были министрами, при этом все три министерства Бема приходятся на тот период (конец XIX, начало XX в.), когда австрийский конституционализм в силу обострившегося национального движения переживал кризис и когда страной правили не парламентские и полупарламентские кабинеты. Премьером во время последнего и самого продолжительного бемовского министерства был Кербер. Его характеризуют так: «Он напоминал государственных деятелей периода просвещенного деспотизма... Он не имел настоящей симпатии к парламенту. Он изобрел систему неполитической политики, т. е. попросту отстранял нацио-

³⁹ Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., т. XVII, стр. 436—437;

⁴⁰ Цит. сб. стр. 11—12.

нальные и политические вопросы»⁴¹. Достойный шеф министра из экономистов австрийской школы!

Конечно «австрийцы» — идеологи господствующей части буржуазии. Но сами исторические условия этого господства в данном случае таковы, что апологетика здесь приобретает педантски-бюрократический характер.

В заключение:

1. Статья, конечно не исчерпывает всех тех моментов, которые необходимо учитывать при размежевании направлений буржуазной экономической мысли. Чрезвычайно важный вопрос: кого хочет соблазнить и обмануть буржуазная апологетика; какова структура, каковы зрелость и организованность рабочего класса данной страны; что собой представляют в данной стране средние слои (в особенности крестьянство), каково их положение и в какой мере буржуазная апологетика рассчитана на обольщение этих слоев. Это особенно существенно, в частности, для понимания истории буржуазной политической экономии в Италии.

Далее, буржуазная апологетика приобретает те или иные оттенки в зависимости от того, приступают ли буржуазные экономисты данной страны к «критике Маркса, имея за плечами опыт по части «критики» других идеологий (например воззрения Вальраса сложились в борьбе с Прудоном и сен-симонистами), или им приходится начинать непосредственно с «критики» Маркса (австрийцы).

2. Сложность здесь еще и в том, что господствующая линия буржуазной апологетики не исключает побочных линий. Историческая школа не покрывает, разумеется, всей немецкой политической экономии. Чтобы не брать позднейших направлений, укажем на Тюнена и Госсена. Госсен принадлежит второму, «либеральному» направлению: принцип максимума и такое же отношение к земельной собственности, как и у Вальраса. Правда, Госсен был забыт, и открыли его не его соотечественники, а Джевонс и тот же Вальрас. Но не все немецкие либералы имели такую участь.

Существует значительное разнообразие оттенков и внутри самого господствующего направления.

3. Не нужно представлять себе линию Листа—Шмоллера, как стоящую в непримиримом антагонизме к линии Бастиа—Вальраса. Вовсе нет. Рошер например широко использует Сэя. Compliments Шмоллера Бему мы уже приводили⁴². Это понятно. Ведь во второй линии мы имеем не либерализм антифеодальный, а либерализм апологетический. Совершенно внешнее и обманчивое «продолжение» классических традиций (в действительности «совершенствование» вульгарной теории) имеет тот же смысл и ту же направленность, что прямой отказ от этих традиций у «историков»: против рабочего класса, против социализма.

⁴¹ E i s e n m a n n, Cambridge modern history, v. XII, p. 202.

⁴² Еще раньше Лист говорил: «Чтобы нас не поняли ошибочно, мы должны помнить, что наша критика Ж. Б. Сэя, равно как и его предшественников и последователей, касается лишь национальных и международных отношений и что мы оставляем в покое их значение по отношению к разработке подчиненных доктрин» (цит. соч., стр. 391). По существу какого-нибудь оригинального учения об экономической категории я в собственном смысле слова у «историков» нет. Собственно «экономическую теорию» они берут напрокат у других направлений буржуазной апологетики, внося в нее ограничения по линии охарактеризованного выше «историзма» и фетишизации надстроек.

Социал-демократические теории госкапитализма в период империалистической войны

Социал-шовинисты во время империалистической войны, перешедшие открыто на позиции буржуазии — на позиции поддержки ее империалистических стремлений, пытаются теоретически обосновать свою предательскую политику. С этой целью они выдвигают ряд неразрывно связанных между собой «теорий», являющихся наиболее ярким выражением апологии капиталистического строя

Так, исходя из роста госмонополистических тенденций, виднейшие идеологи социал-шовинизма выдвигают апологетическую теорию организованного госкапитализма — теорию так называемого военно-государственного социализма. Выдвигая эту теорию, социал-шовинисты пытаются всячески затушевать противоречия военной экономики и классовый характер госкапиталистических мероприятий, которые проводились под давлением военной обстановки и приносили рабочему классу режим военно-каторжной тюрьмы. Согласно этой теории система госкапиталистических мероприятий является системой военно-государственного социализма. Они утверждают, что применение этой системы в период войны дало блестящие результаты, обеспечившие внедрение социализма и после войны. В силу этого капитализм, по их мнению, может продолжать свое плановое мирное вращение в социализм без насильственной революции и гражданской войны. Они будто бы пытаются даже изучить «закономерности» этого военно-социалистического хозяйства, чтобы распространить их и на хозяйство послевоенного периода. Так, один из идеологов и теоретиков социал-шовинизма Конрад Гениш подчеркивает, что война, как никогда, вскрыла несостоятельность капиталистического способа производства, основанного на частной собственности, и вынудила даже буржуазное государство провести в жизнь ряд мероприятий, которые, будучи взяты из арсенала социалистических хозяйственных принципов, привели к так называемому военному социализму. «Ужасные события этих последних месяцев, — пишет он, — позволили нам яснее, чем раньше, осознать, какие ужасные опасности таятся для человечества и для его культуры в основанном на частной собственности и конкуренции капиталистическом способе производства. И все же нашлась, с другой стороны, сумма явлений, которая называется военным социализмом. Это значит, что в военной ситуации даже буржуазное государство не может обходиться без мероприятий, которые взяты из арсенала социалистических принципов» (Конрад Гениш, *Der Krieg und die Socialdemokratie*). (Война и социал-демократия, стр. 27).

Гениш далее переходит к обоснованию софизма о том, что мероприятия, проводимые в целях планомерной организации хозяйства, означают процесс революционирования всей хозяйственной жизни, процесс, ведущий к социализму. «Не подлежит сомнению, — пишет он, — что этот процесс реорганизации развивается в направлении к социализму... хотя карточка ни

хлеб, на молоко, на жиры, хотя всякие отделения по распределению сырья были введены в интересах победоносного окончания войны, все же нужно быть узколобым, чтобы во всем этом не видеть по крайней мере вехи на пути к социализму» (там же, стр. 35).

Еще более подробно развивает эти взгляды Пауль Ленч. Последний прежде всего указывает на то, что в период войны происходит лишь обострение тех тенденций, которые были характерны для экономической жизни и до войны. Своеобразие же военного периода, по Ленчу, заключается лишь в том, что пионерами в деле проведения на практике «социализма» являются люди, которые теоретически являются или были недавно его злейшими врагами. Ленч приходит к выводу, что «социализм приходит, он уже частично пришел, потому что мы без него жить не можем». Но что Ленч понимает под социализмом?

Так же, как Гениш, и другие социал-шовинисты под социализмом понимают планомерно организованное хозяйство независимо от его классовой природы. Подобно им он утверждает, что после войны хозяйство будет развиваться в том же социалистическом направлении, как и во время войны, причем стимулом дальнейшего движения хозяйства по пути социализма, по его мнению, явится необходимость покрыть огромные издержки, вызванные войной. «Как покрыть те огромные издержки, — пишет Ленч, — которые возникнут после войны из одного только обеспечения жертв войны, инвалидов, больных, вдов и сирот, издержки, которые уже сейчас можно оценить в 800 млн. марок ежегодно. Здесь налоги дают осечку, здесь возникает само собой огосударствление крупных средств производства и вместе с этим социализм, который из утопии стал наукой, перестает быть теорией и становится потребностью непосредственной практики» (Ленч, *Die deutsche Socialdemokratie und der Weltkrieg*, 1915, Берлин, стр. 63)

Правда, он как будто подчеркивает классовую природу планомерно организованного капитализма, в период войны ведущего, по его словам, к обогащению частных собственников крупных средств производства, владельцев рудников, фабрик, банкиров, владельцев крупных земельных собственников за счет масс.

Но все это не мешает ему объявить систему военного хозяйства системой военного социализма. Для утешения масс он спешит их уверить, что после войны классовая сущность, присущая «планомерно организованному» хозяйству, будет устранена, качество юнкерско-империалистического социализма будет значительно улучшено. На первой ступени планомерно организованного хозяйства военный социализм может, по Ленчу, совмещаться с бешеной эксплуатацией широких трудящихся масс. Разница между будущей послевоенной организацией хозяйства и первоначальной военной организацией заключается лишь в том, что в первой должны быть приняты во внимание в первую очередь интересы широких масс. Отодвигая дело улучшения положения масс в розовые дали будущего, Ленч спешит разъяснить, что тогда не понадобится никаких революций, ибо «великий фактор власти, который должен проводить организацию нашей хозяйственной жизни — государство — в будущем будет находиться в большей мере под социальным давлением трудящихся, другими словами, здесь речь идет о вопросе силы» (Ленч, *Die drei Jahre der Weltrevolution*, стр. 207—208).

Итак, если поверить Ленчу и К^о, то введение социализма окажется делом очень простым и не потребует особенно больших хлопот и жертв со стороны пролетариата. Государство, находящееся под социальным давлением трудящихся масс, сможет, по Ленчу, устранить классовую природу планомерно организованного хозяйства. Посмотрим, как Ленч понимает усиле-

ние влияния трудящихся масс на государство. По его мнению, усиление влияния трудящихся на государство может быть достигнуто лишь в успешной борьбе за избирательные бюллетени. Развивая подобного рода «теории», Ленч в период войны формулирует теорию организованного капитализма. Первая анархическая ступень капитализма согласно его утверждениям была преодолена еще до войны. С образованием акционерных обществ, по его словам, в Германии, главным образом привлекающих мелкие сбережения, особое значение в развитии индустрии приобретают банки, поскольку последние являются посредниками, при помощи которых праздно лежащие капиталы не только капиталистов, но и других классов накапливаются и реализуются в акциях. По мере же усиления связей, переплетения индустриального и банковского капиталов и усиления руководящего влияния банков на развитие индустрии, по Ленчу, все больше исчезает свободная конкуренция на внутреннем рынке. Этот тезис Ленч обосновывает следующим образом: 1) для банков, которые вкладывают свои капиталы в различные предприятия, конкурентная борьба последних не выгодна, ибо «победа одного предприятия означает поражение другого». Поэтому банк стремится к тому, чтобы предприятия, в которых он участвует, прекратили бы конкурентную борьбу и организовали бы монополию. «Как раз через авторитетное участие банковского капитала в индустриальном развитии Германии, — пишет Ленч, — было достигнуто уничтожение ранней конкуренции на внутреннем рынке и тем самым достигнуто развитие картелей и синдикатов» (Ленч, *Die drei Jahre der Weltrevolution*, стр. 99).

Ленч со всей определенностью подчеркивает, что возникновение и распространение монополии устраняет конкуренцию. Он пытается опрокинуть общезвестное диалектическое положение Маркса, что монополия порождает конкуренцию, а конкуренция — монополию. «Это старое и все снова повторяемое диалектическое положение, — пишет он, — монополия рождает конкуренцию, а конкуренция рождает монополию. Но так не остается. Конкурентная борьба, которая на внутреннем рынке прекращается, происходит еще с большей силой на мировом рынке» (Ленч, *Die drei Jahre der Weltrevolution*, стр. 23).

Итак, согласно Ленчу капиталистическое хозяйство Германии в пределах внутреннего рынка уже в значительной мере организовано еще до войны. Конкурентная борьба усиливается лишь на мировой арене. Но если в довоенный период была достигнута лишь известная ступень организованности капитализма, то система мероприятий во время войны, по его мнению, уже целиком и полностью устранила стихийную природу капитализма, превратив последний в планомерно организованную систему военно-социалистического хозяйства.

«Само правительство, — пишет Ленч, — было вынуждено прекратить свободную игру капиталистических сил путем глубокого воздействующего вмешательства в хозяйственную жизнь, установления максимальных цен, стремления к регулированию производства и потребления... И эту организацию хозяйственной жизни, которую вдруг хотят установить на место капиталистической анархии, при этом организацию в интересах целого — как это в принципе назвать, как не социализмом?» (Ленч, *Die deutsche Socialdemokratie und der Weltkrieg*, Берлин, стр. 63).

С теорией военно-государственного социализма неразрывно связана и теория организованного капитализма, наиболее четко сформулированная, как мы видели, Ленчем. Лицемерием, лживым извращением капиталистической действительности является его утверждение о том, что капиталистическое хозяйство было еще до войны организовано в пределах внутреннего

рынка. Во-первых, Ленч, как и другие социал-шовинисты, вульгарно представляет себе процесс образования монополии. Вопреки Марксу он игнорирует процесс концентрации, происходящий на основе конкурентной борьбы, который на определенной ступени вплотную подводит к монополии. Образование же монополии в индустрии он выводит из руководящей роли банков, которые якобы заинтересованы в прекращении конкурентной борьбы, иначе говоря, рост монополий он выводит из явлений, происходящих в сфере обращения, а не в сфере производства. Несомненно, что Ленч здесь отдает дань пресловутой меновой концепции, характерной для теоретиков II Интернационала. Он игнорирует также и то, что в результате переплетения индустриального и банковского капитала (правда, на факт переплетения он указывает) происходит образование финансового капитала и в руках небольшой группы финансовой олигархии сосредоточиваются все основные рычаги народного хозяйства (промышленность, банки и торговля). Ленч, как и другие социал-шовинисты, выдвигает таким образом в период войны вариант теории организованного капитализма. Не говоря уже о довоенном периоде, но в годы войны, когда под давлением исключительных условий последней была проведена целая система госкапиталистических мероприятий, попытки регулирования и контроля отнюдь не устранили конкурентной борьбы. Последняя принимала лишь особые специфические формы. Борьба происходила внутри военных сьездинений, между различными группами предприятий за преимущественное снабжение сырьем, за места в органах государственного регулирования и т. д. Не приходится особенно доказывать, что этот вариант теории организованного капитализма целиком и полностью опровергнут фактами послевоенного капиталистического развития. Мировой экономический кризис нанес наиболее сокрушительный удар по этой теории. Он с исключительной яркостью вскрыл всю иллюзорность и апологетичность всяких разговоров о возможности устранения монополиями конкуренции и кризисов в рамках капитализма. Даже ряд буржуазных экономистов под давлением неоспоримых фактов капиталистической действительности вынужден признать, что монополии, наоборот, обостряют хаотичность, присущую капитализму, и затрудняют преодоление кризиса. Так, в обзоре мирового хозяйства за 1931—1932 гг., изданном Комитетом экономических исследований Лиги наций, буржуазный экономист Канцлиф подчеркивает рост хаотичности капиталистического хозяйства в связи с усилением роли монополий. Говоря о ценах, Канцлиф указывает на то, что «тяжелое положение создано в силу того, что цены на готовые изделия слишком высоки по сравнению с сырыми материалами и на средства производства по сравнению со средствами потребления» (стр. 149).

«Производственные картели, — пишет буржуазный немецкий экономист Добрестбергер, — не сумели ни задержать, ни тем более препятствовать упадку конъюнктуры» («Картели во время кризиса», октябрь, 1932 г.).

Наиболее четко и подробно «теория» госкапитализма в военный период формулируется австрийским социал-шовинистом Реннером.

Вслед за Генишем и Ленчем Реннер утверждает, что война лишь ускорила те процессы, которые происходили в хозяйстве довоенного периода. По его мнению, за последние несколько десятилетий происходит процесс изменения самой природы частной собственности. Последняя превращается в общественный институт. Основное противоречие капитализма, по Реннеру, все больше изменяет свой характер, поскольку институт частной собственности превращается в общественное учреждение. Реннер пытается показать это на следующем «наглядном» примере. «В середине загражденного участка стоит дворянский замок, — пишет Реннер. — Граница соб-

твенности здесь резко обозначена. Вход посторонним воспрещен... Этому примеру мы противопоставляем самый яркий образец развития (не огосударственный) — вокзал железной дороги. Мы входим в зал — это также буржуазная собственность, но никто не думает, что он вступил в пределы чужой собственности.

В этом случае ясно видно, что частная собственность превратилась в общественное учреждение (не становясь при этом общественной собственностью). Во время войны эта линия развития внезапно обнаружилась: суверенный частный собственник сразу стал носителем определенных общественных отношений: сельский хозяин должен обрабатывать свою землю, иначе кто-нибудь другой воспользуется ею, продавать же товары он должен не по рыночной цене, а за установленную государством плату. Одним словом, нам ясно, что собственность стала общественным учреждением» (Р е н н е р).

Реннер далее приводит ряд аргументов для обоснования того, что процесс социализации частной собственности происходил и в сельском хозяйстве еще до войны. Государственные аграрные пошлины создали, по его мнению, совершенно новые условия производства. «Благодаря ряду учреждений уже сейчас, — подчеркивает он, — имеются налицо все элементы непосредственного социалистического руководства в области земледелия и скотоводства. Процесс социализации пошел путем, не отмеченным марксистской школой» (Р е н н е р, *Marxismus, Krieg und Internationale*).

Каковы же, по Реннеру, пути, не предусмотренные Марксом, по которым пошла «социализация» сельского хозяйства? Рассматривая хозяйство среднего сельского хозяина, работающего совместно с членами своей семьи на земле с небольшим доходом, Реннер подчеркивает то, что после реализации урожая крестьянин должен заплатить проценты за ипотеку и за персональное кредитование, т. е. за оборотный капитал; налоги же уплачиваются за счет предпринимательской прибыли, в крайнем случае за счет собственной зарплаты. «Таким образом, — подчеркивает Реннер, — социализация идет здесь совершенно особым путем. Собственность не концентрируется, а функции собственности расщепляются и каждая отдельная функция социализируется особо. Объект собственности остается в руках сельского хозяина, как простой объект работы».

Реннер далее утверждает, что начавшийся еще до войны процесс социализации в деревне происходит еще в более конкретных формах и в городе. За последние сорок лет огосударствление хозяйства, по Реннеру, все усиливается и оно определяет собой уже характер всей экономики. Если с 1878 по 1890 г., по Реннеру, государство под флагом защиты слабых пытается регулировать хозяйство, продолжающее еще оставаться частным, то с 1890 по 1914 г. частные капиталистические предприятия сами создают организации для ограничения и даже прекращения конкурентной борьбы в пределах страны. Эти развивающиеся монополистические объединения, по мнению Реннера, организуют уже внутренний рынок. «Закон Адама Смита о свободной конкуренции, — пишет Реннер, — не сохранил своего полного значения и существовал только очень условно».

Реннер далее указывает на то, что распространение акционерных обществ приводит к исчезновению за анонимным предприятием капиталиста как личности. «Акционерное предприятие, — пишет Реннер, — вступает на место предпринимателей и становится пока публичным, за ним исчезает капиталистический деятель общества как частное лицо. Только в кавычках и с примечаниями говорят еще о частнокапиталистическом способе хозяйства. Это уже определенная огосударствленная организация» (там же, стр. 15).

Все это толкает Реннера к выводу о том, что якобы происходит процесс национализации капитала, ибо «частный капитал отдельных лиц вливается через ряд различных организаций в национальный капитал». Но этот процесс, по его мнению, с сопровождающими его явлениями еще не исследован в достаточной мере.

Война лишь обостряет и раскрывает, по Реннеру, этот «процесс социализации», который якобы не мог быть предусмотрен Марксом. Отсюда Реннер делает вывод, что в связи с огромными изменениями, которые произошли в структуре капитализма за последние сорок лет, меняется путь к социализму; вместо насильственной пролетарской революции и диктатуры пролетариата, о которых писал Маркс; Реннер выдвигает мирный плавный путь выращивания капитализма в социализм. Госкапиталистические же мероприятия, создающие, по его мнению, в военный период планомерно организованное хозяйство, все в большей мере усиливают господство государства над буржуазией. Госкапитализм, по Реннеру, является единственным путем, который ведет к социализму. По Реннеру, и после войны необходимо пойти по пути развития госкапитализма. Он утверждает, что по мере роста организованности хозяйства и усиления регулирующей роли в деятельности государства роль буржуазии в хозяйственной жизни будет все более понижаться вплоть до того момента, когда организованное общество ее целиком и полностью заменит. А это означает, по Реннеру, что госкапитализм в своем наиболее высоком развитии ведет к полной организованности общества, знаменующей наступление социализма, ибо именно последний, по его мнению, означает сознательное господство общества над хозяйством. Таким образом, по Реннеру, закономерности военной экономики сохраняют свою силу и после войны и по мере своего дальнейшего развития знаменуют собой наступление нового общественного строя — социализма. «Она (т. е. военная экономика — Ф. З.) лишь поставила картели под гегемонию государства и создала таким образом сахарные и водочные центры. По этому образцу государство взяло в свою собственность хлопок, шерсть, лен, металлы, жиры, зерно и т. п. Если сопоставить исходные и конечные пункты, то можно сказать: частный капитал превратился в государственный капитализм...

Огосударствление пока проводится в некоторых, но не во всех важнейших отраслях вплоть до прямого государственного руководства хозяйств» (там же).

Вот в основном аргументы социал-шовинистов в пользу того, что военное хозяйство — госкапитализм — есть система государственно-военно-социалистического хозяйства. Все они, как мы видели, утверждают, что война лишь ускорила и усилила «процесс развития хозяйства в сторону социализма», который происходил якобы в недрах довоенного хозяйства.

Совершенно очевидно, что все эти «теоретические» перлы являются ярким выражением апологии капитализма, извращением, прикрашиванием конкретной капиталистической действительности. Прежде всего нелепыми являются сравнения Реннера помещичьей усадьбы с вокзалом железной дороги, как иллюстрация для подтверждения тезиса о том, что собственность превращается в общественный институт. Если Реннер хотел показать ход развития на наглядном примере, то он должен был сравнивать равное с равным, иначе говоря, он должен был сравнивать не помещичью усадьбу с вокзалом, а усадьбу сто или пятьдесят лет назад с современной усадьбой. При таком сравнении было бы очевидно, что помещичьи владения в настоящее время не только не стали более доступными, чем пятьдесят лет назад, а, наоборот, многие участки, как например леса, луга, еще сильнее охраняются по сравнению с прежним.

Не менее странным и нелепым является также его разделение собственности на частную и общественную только на основании доступа к последней. Ведь всеобщая доступность некоторых учреждений вытекает лишь из выполняемых им специфических функций независимо от того, являются ли они частной или общественной собственностью (театр, почта, столовые и т. п.).

Не имеют ничего общего с марксизмом и в корне неправильны и его рассуждения о процессе социализации в сельском хозяйстве, ведущем якобы мирным путем к социализму. Эти рассуждения необычайно ярко говорят о теоретическом вырождении, к которому приходят социал-шовинисты в их попытках подвести теоретическую базу под свою политику измены и предательства рабочего класса. Рассматривая положение среднего крестьянина, работающего со своей семьей, Реннер показывает, что в распоряжении этого крестьянина в лучшем случае остается зарплата. Вся его прибыль в рамках капиталистического способа производства идет на уплату ренты, процентов за ипотеку и налогов. Известно, что Маркс называет эксплуатацию такое положение, когда у рабочего из стоимости произведенного им продукта остается лишь зарплата (необходимый труд); Реннер же в противовес Марксу называет это же самое явление «социализацией собственности». Ведь по существу ничего не изменяется от того, что Реннер берет крестьянскую семью, обрабатывающую землю без наемного труда, и вместо зарплаты употребляет термин «продукты собственной работы», но он берет докапиталистический тип хозяйства, для того чтобы перепутать все карты и тем самым создать хотя бы видимость правильности своей «теории» о начавшемся будто бы еще до войны процессе социализации в сельском хозяйстве.

В действительности не только не происходит процесса социализации частной собственности, а, наоборот, роль последней усиливается. С развитием капитализма владельцы земельной собственности приобретают монопольное положение, что находит свое выражение в росте цен на предметы продовольствия и что далеко несовместимо с процессом социализации даже в реннеровском его понимании.

Не приходится особенно доказывать, что его утверждения о процессе социализации в городе также в корне неправильны и являются лишь грубой апологией капитализма. С развитием акционерных обществ, с распространением монополистических объединений на акционерной основе частный капитал целиком и полностью сохраняет свою роль с той лишь разницей, что сокращается количество капиталистических магнатов, ибо руководящая роль принадлежит в акционерном обществе небольшой группе крупнейших магнатов капитала, которые концентрируют в своих руках значительную, если не подавляющую часть акций при бездеятельности массы мелких акционеров. Частная собственность на орудия и средства производства сохраняет таким образом целиком и полностью с о ю с и л у. То, что Реннер рассматривает как национализацию или социализацию собственности, в действительности есть не что иное, как выражение все усиливающейся силы монополистической формы частной собственности, которая с исключительной силой обостряет противоречия между общественным характером труда и частной собственностью на орудия и средства производства.

В самом деле, какой же это анонимный акционерный капитал, когда известны имена крупнейших магнатов, держащих в своих руках как каждое акционерное общество в отдельности, так и капитал в целом? В своей работе об империализме Ленин блестяще раскрывает механику того, как эти крупнейшие магнаты капитала фактически становятся хозяевами акционерных

обществ. «Руководитель контролирует основное общество (общество-мать), — пишет Ленин, — и оно в свою очередь господствует над зависимыми от него обществами (обществами-дочерьми). Эти последние — над обществами-внуками и т. д. Таким образом можно, владея не слишком большим капиталом, господствовать над гигантскими областями производства. В самом деле, если обладание 50 % капитала всегда бывает достаточно для контроля над акционерным обществом, то руководителю надо обладать лишь одним миллионом, чтобы иметь возможность контролировать 8 млн. капитала у «обществ-внуков». А если этот «переплет» идет дальше, то с одним миллионом можно контролировать 16 млн., 32 млн. и т. д.» (Л е н и н, т. XIX, стр. 108).

Это можно проиллюстрировать на ряде примеров. Так, еще до войны в 1907 г. молодой тогда Стинен фактически становится заправилой Германско-люксембургского горнопромышленного металлургического акционерного общества, владевшего 14 угольными рудниками, 1500 коксовыми печами, 9 металлургическими и машиностроительными заводами, бензолными, брикетными и т. п. заводами. После войны это акционерное общество теряет 60 % всего своего производства в связи с отторжением от Германии Эльзас-Лотарингии. При помощи полученных в виде возмещения от правительства денег Стинен скупает акции Гельзеркиндского общества, которому принадлежало 17 угольных рудников и 9 металлургических заводов Бохумского горнопромышленного и сталелитейного общества и фактически становится их хозяином. Господствуя над капиталом в 1¹/₂ млрд. марок, Стинен приобретает решающую роль в рейнско-вестфальской промышленности и огромное влияние в хозяйственной жизни Германии.

Фашиствующий писатель Фердинанд Фрид называет фамилии тех, которые играют решающую роль в той или иной отрасли промышленности и в народном хозяйстве Германии в целом. Крупп, Тиссен, Вальдгаузен, Ганиль, Геш, Стинен и другие — вот имена, которые, по его мнению, занимают ведущее положение в тяжелой индустрии и играют решающую роль в народном хозяйстве Германии.

Анализируя «олигархию богатства», он подчеркивает, что «110 богатых людей или фамилий владеют вместе состоянием в 3,4 млрд. марок. Эти 110 крупнейших богачей составляют собственно олигархию богатства» (Ф е р д и н а н д Ф р и д, *Das Ende des Kapitalismus*, стр. 80).

По данным этого же Фрида, «в промышленности основных видов сырья (уголь, калий, железо, сталь) 19 лиц или фамилий владеют имуществом в 810 млн. марок, в обрабатывающей промышленности 11 лиц или фамилий владеют имуществом в 230 млн. марок, в химической промышленности 12 лиц или фамилий — имуществом в 210 млн. марок. В целом 42 лица или фамилии владеют имуществом в 1,25 млрд. марок» (Ф е р д и н а н д Ф р и д, *Конец капитализма*, стр. 72).

Аналогичное положение можно иллюстрировать и на примере США. Бывший посол США в Германии Джерард называет 64 лица властелинами Америки. Морган Беккер, Рокфеллер, Форд и др. — вот имена крупнейших магнатов финансового капитала, которые не только контролируют богатства США, но и держат в своих руках судьбу страны. Если внимательно присмотреться к этому списку, то становится очевидным, что часть лиц, значащихся в этом списке, является лишь агентами Моргана и Рокфеллера. Настоящих более или менее независимых властелинов насчитывается в Америке не более 2 дюжин. Именно эти люди держат в своих руках богатство страны, они определяют «судьбы миллионов рабочих и конечно решают вопрос, кому быть президентом и кому быть министром».

«Эти люди, — подчеркивает Джерард, — слишком заняты, чтобы за-

нимать политические посты, но они решают, кем эти посты должны быть заняты».

Неправильным является также утверждение Реннера о том, что при жизни Маркса господствовали лишь отдельные капиталисты и поэтому развитие акционерного дела, с которым Реннер связывает процесс социализации, пошел по пути, который Маркс якобы еще не мог видеть и предсказать. Прежде всего в корне неверно, что при жизни Маркса господствовали лишь отдельные капиталисты. Кредит и акционерные предприятия играли и тогда уже известную роль, хотя конечно не получили еще того развития, какое мы имеем в настоящее время. Но уже тогда Маркс гениально указал на то, что развитие кредита и акционерных обществ усилит процесс концентрации и централизации капитала и обострит противоречие капитализма.

Маркс и Энгельс, жившие в эпоху классического капитализма, в основном предвидевшие уже закономерности грядущей эпохи империализма, все же не смогли указать их во всей конкретности. Это проделали Ленин и Сталин, продолжающие дело Маркса и Энгельса. Они показали, что развитие капитализма в эпоху империализма целиком и полностью идет по пути, указанному Марксом, ибо и сам империализм является определенной стадией развития капитализма. Только порвав с марксизмом и перейдя на позиции буржуазии, Реннер, как и другие социал-шовинисты, мог утверждать, что за последние 40 лет произошли такие изменения в структуре капитализма, которые будто опрокинули марксистский путь движения к социализму и выдвинули новые пути, не предусмотренные Марксом. Это утверждение означает затушевывание, вернее отрицание противоречий капитализма, которые согласно Марксу ведут со всей неизбежностью к пролетарской революции, к «экспроприации экспроприаторов», оно означает лживое прикрашивание капиталистической действительности и полный отказ от классовой борьбы, ее высшего выражения — пролетарской революции. Известно, что Энгельс подчеркивал, что даже переход в руки капиталистического государства промышленных предприятий не устраняет, а, наоборот, усиливает классовую природу последних.

Апологетическую неореформистскую «теорию» госкапитализма подверг уничтожающей критике Ленин. «Самой распространенной ошибкой,—писал он,—является буржуазное неореформистское утверждение, что монополистический капитализм или государственный капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван государственным социализмом». Ленин подчеркивал, что рост госмонополистических тенденций во время войны означает лишь попытку укрепить устои капитализма и исключительное обострение эксплуатации рабочего класса и трудящихся масс. «Америка и Германия,—писал он,—регулируют экономическую жизнь, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать военную каторгу, а банкирам и капиталистам—рай... Реакционное капиталистическое государство, которое боится подрывать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического государства богатых, такому государству не нужно ничего, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упустит из виду реакционные цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить регулирование экономической жизни вообще, регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь не посягая на действительное регулирование потребления в смысле контроля за богатыми, в смысле возложения на них привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, больших тягот в военное время» (Ленин, т. XXI, 2-е изд., стр. 171).

Влияние засухи на мировой рынок с.-х. продуктов

В настоящий момент можно уже с достаточной точностью определить размеры и непосредственные последствия небывалой засухи и неурожая, постигших в 1934 г. почти все северное полушарие. На южном полушарии засушливая погода также сократила посевы хлебов в Аргентине и Австралии.

Из стран, пораженных засухой, США стоят на первом месте по степени и по размерам катастрофы. Сильно пострадала также Канада. В обеих странах засуха ударила сильнее всего по хлебным злакам и еще сильнее по кормовым культурам, а тем самым по скотоводству. В обеих странах катастрофической засухе 1934 г. предшествовали засушливые годы и неурожаи (особенно пшеницы). Поэтому сокращение урожайности текущего года видно лишь из сравнения со средней урожайностью за 1928—1932 гг. Так, в США урожай пшеницы сократился по сравнению с 1933 г. на 7%, но по сравнению с 1928—1932 гг.—на 43%; урожай ячменя сократился соответственно на 24 и 58%; урожай овса сократился соответственно на 24 и 55%. Аналогично положение в Канаде. Хотя урожай пшеницы (277 млн. бушелей) приблизительно одинаков с урожаем прошлого крайне неурожайного года (270 млн. бушелей), но он на 32% ниже урожая 1928—1932 гг. (480 млн. бушелей); равным образом урожай ячменя на 33,5% ниже средней за эти годы; урожай ржи величиной в 6,5 млн. бушелей, будучи на 2,2 млн. бушелей больше прошлогоднего (т. е. на 41%), составляет половину среднего урожая в 13 млн. бушелей за 1928—1932 гг.

И в США и в Канаде из-за недостатка кормов правительство скупает у фермеров скот для убоя; в США эти покупки были увязаны с правительственной программой сокращения поголовья скота и причли грандиозные размеры, в то время как в Канаде они производятся в несравненно меньшем масштабе, начавшись лишь в самое последнее время.

В обеих странах, особенно в США, многочисленные фермерские семьи обречены на голод и поддерживаются лишь общественными и правительственными подачками.

На европейском континенте засуха сильно повредила урожай в Центральной и Восточной Европе. Больше всех пострадали Германия, Чехословакия, Румыния и Венгрия. Недостаток осадков ощущался, начиная с зимы 1933/34 г., оставляя почву без влаги до такой степени, что в отдельных местах испеченный засухой слой почвы достигал глубины двух метров.

Следующая таблица урожая пшеницы 38 представивших отчеты стран (исключая Китай и СССР) показывает уменьшение их общего урожая с 3 129 147 тыс. бушелей в 1933 г. до 2 798 733 тыс. бушелей в 1934 г., т. е. сокращение на 11%. По отдельным странам урожай текущего года следующим образом сопоставляется с урожаями прошлого года:

Оценка урожая пшеницы в отдельных странах ¹

	Отчет на 20 авг. 1934 г. (в тыс. бушелей)	Урожай 1933 г. (в тыс. бушелей)	Страны	Отчет на 20 авг. 1934 г. (в тыс. бушелей)	Урожай 1933 г. (в тыс. бушелей)
По 38 странам	2 798 733	3 129 147			
В том числе					
США	490 960	527 978	Бельгия	14 700	14 067
Канада	275 000	269 729	Швейцария	5 000	4 799
Германия	151 015	205 920	Австрия	12 800	14 615
Польша	49 900	68 343	Литва	8 400	8 192
Чехословакия	47 400	72 894	Эстония	2 700	2 450
Греция	27 600	24 696	Венгрия	61 067	96 356
Швеция	26 700	29 204	Англия и Уэльс	59 771	58 755
Дания	10 700	11 543	Япония	43 807	38 611

В общем северное полушарие в текущем году имеет значительно меньший урожай хлебов, что повлияет на состояние мировых запасов. Хотя виды на урожай в Аргентине удовлетворительные, зато в Австралии ожидается уменьшение сбора из-за неблагоприятных метеорологических условий. Таким образом вопрос запасов пшеницы для текущего производственного года зависит вполне от исхода урожая в этих двух важнейших странах-производителях южного полушария. По исчислениям известного зернового статистика Брумхола, экспортный спрос в 1934/35 г. будет равняться 576 млн. бушелей. Однако, если предложение может несколько измениться лишь из-за урожая Аргентины и Австралии, величина которого определится только к январю, то со стороны спроса могут быть еще различные неожиданности. Из-за отличного урожая в Китае (по оценкам 350 млн. бушелей) спрос может теперь сократиться; с другой стороны, спрос со стороны 19 европейских стран, составивший в истекшем сезоне (1933/34 г.) 155 млн. бушелей, предположительно возрастет в текущем 1934/35 г. по различным оценкам в пределах от 195 до 246 млн. бушелей². Все же многие цифры здесь условны. Одним из сомнительных вопросов в цифре европейского спроса является например способность Германии из-за отсутствия валюты ввозить необходимое ей зерно.

В общей своей сумме производство хлебов плюс мировые запасы достаточно для покрытия обычного мирового спроса на эти продукты³. Но эта возможность несколько не облегчает положения отдельных стран, нуждающихся в импорте, особенно тех, в которых засуха и неурожай сократили количество имеющегося в их распоряжении

¹ Форейн Кропс энд Маркетс № 10 от 20 августа 1934 г. Последние данные 40 производящих стран показывают, по данным департамента земледелия США, общую цифру в 2 856 316 тыс. бушелей против 3 149 077 тыс. бушелей 1933 г. — уменьшение на 9%. Эти страны, исключая Китай и СССР, производят 99% урожая северного полушария («Уолл-Стрит Джорнал» от 24 сентября 1934 г.).

² По данным департамента земледелия США, «Уолл-Стрит Джорнал» от 18 сентября 1934 г.

³ По данным Совета международной пшеничной конференции, мировые запасы пшеницы к 1 августа 1934 г. превосходили на 500 млн. бушелей «нормальные», так что

хлеба, а общее кризисное положение страны ставит преграды импорту. Поэтому для оценки положения и хода кризиса наряду с анализом общего состояния рынка особую важность приобретает разбор положения каждой из важнейших стран в отдельности.

Если сокращение мирового урожая пшеницы связано до некоторой степени также с сокращением посевной площади в результате действия международного пшеничного соглашения⁴, то в отношении ржи, площадь посева которой почти не изменилась, уменьшение урожая целиком связано с действиями засухи. Урожай ржи в странах Европы (без СССР), являющихся почти исключительным ее производителем, оценивается в 225 млн. дв. ц, т. е. на 40 млн. дв. ц, или 15,1%, меньше прошлогоднего и на 20 млн. дв. ц, или 8,2% ниже средней за 1928—1932 гг. Огульные цифры изменения урожая по сравнению с прошлым годом или даже средняя его величина за несколько лет не дают однако правильной картины положения.

Приведем для примера данные об урожае отдельных культур в США:

Урожай различных хлебов в США

	1934 г. ⁵	1933 г.	1932 г.	1927-1931 г. (средняя)
Пшеница (в млн. бушелей) . . .	493	528	727	886
Кукуруза » » » . . .	1 484	2 344	2 908	2 516
Овес » » » . . .	546	732	1 242	1 187
Хлопок (в тыс. кип) . . .	9 252	18 047	18 002	14 657

Но эти общие цифры урожая США не дают представления о разрушениях, созданных засухой в отдельных с.-х. районах. Так, в США урожай кукурузы текущего года является низким за последние 43 года (1 484 тыс. бушелей), составляя 63% урожая 1933 г. В отдельных кукурузных штатах положение значительно хуже. Так, в штате Миссури от 80 до 90% кукурузы осталось без колосьев, 40% непригодной даже для подножного корма. В штате Канзас урожай кукурузы оценивается в 25 млн. бушелей против средней величины урожая за 5 лет в 137 млн. бушелей, в штате Небраска—51 млн. бушелей против средней в 225 млн. бушелей.

Аналогично положение в Европе. При сокращении урожая пшеницы в 19 странах континентальной Европы на 17% против урожайного 1933 г. в отдельных странах упадок урожая принял значительно большие размеры, причем он стал там чувствительнее из-за того, что одновременно сопровождался недородом других культур, лицевых и кормовых, тем самым ударив по животноводству.

Так, для Румынии, одной из важнейших европейских вывозящих стран, где, по данным метеорологического института, за последние

при нормальном потреблении они могут быть к 1 августа 1935 г. все еще на 200 млн. бушелей выше необходимых нормальных при условии, если не будет увеличена мировая посевная площадь и если Аргентина и Австралия будут иметь в текущем году нормальный урожай.

⁴ По предварительным данным совещательного комитета по пшенице, Австралия сократила площадь посева на 15%, Канада—на 10%, США—на 9—10%, Аргентина—на 6%. Сократили площадь также европейские страны, как Франция, Италия и Германия.

⁵ Оценка на 1 сентября.

30 лет не было подобной засухи, показательны следующие сравнительные цифры:

Урожай различных культур в Румынии

	1934 г.	1933 г.	1928—1932 гг. (средняя)
Пшеница (в тыс. дв. ц)	20 000	32 406	29 225
Рожь » » » »	2 080	4 459	3 430
Ячмень » » » »	8 460	18 843	19 009
Овес » » » »	5 200	8 064	9 618

Мы видим, что падение урожая пшеницы почти на 40% в Румынии сопровождается еще большим падением урожая ячменя (приблизительно на 57%) и значительным сокращением урожая овса и ржи.

И в Венгрии падение урожая пшеницы более значительное, чем в других странах Европы, сопровождается падением урожая ржи, ячменя и овса.

Урожай различных культур в Венгрии

	1934 г.	1933 г.	1928—1932 гг. (средняя)
Пшеница (в тыс. дв. ц)	16 620	26 224	21 530
Рожь » » » »	5 628	9 565	7 336
Ячмень » » » »	4 430	8 415	6 293
Овес » » » »	2 162	3 676	3 163

В Италии, которая не опубликовала официальной оценки урожая, урожай пшеницы оценивается в 59,3 млн. дв. ц. против 81 млн. в 1933 г. и 66,4 млн. дв. ц. в 1928—1932 гг., так что потребуется импорт от 13 млн. до 15 млн. дв. ц.

В Чехословакии и Польше урожай пшеницы соответственно на 35 и 27% ниже прошлогоднего; во Франции, страдающей от перепроизводства пшеницы, урожай ее в текущем году на 15% ниже прошлогоднего, что частично объясняется сокращением площади посева.

Критическим представляется положение в Германии. Урожай хлебов сократился по сравнению с 1933 г. на 18%; урожай пшеницы сократился на 28%, ржи—на 13%, овса—на 27%. Некоторое улучшение состояния кормовых злаков, как клевера, люцерны и др., в результате дождей в августе и сентябре не меняет остроты положения и в отношении кормовых продуктов. Доказательством этому служит факт введения (16 июля) принудительного хозяйства в отношении ряда пищевых продуктов и пошлинные льготы для ввоза кормов.

Знаменательное увеличение урожая пшеницы имеется в Англии (вместе с Уэльсом), которая систематически увеличивает площадь посева. Некоторое увеличение урожая имеется также в скандинавских и балтийских странах. Отличный урожай в Испании. Из стран Азии Британская Индия и Япония показывают в текущем году увеличение урожая пшеницы.

Непосредственным результатом засухи явился рост цен на различные с.-х. продукты, в первую очередь на пшеницу и рожь, далее на зерно-фуражные и кукурузу, на сено и другие корма и не в последнюю очередь также на мясо. Правда, цены на с.-х. продукты стали повышаться как будто еще с прошлого года, но это повышение относилось главным образом к техническим культурам. Обнаружение засухи весной текущего года дало размах быстрому повышению цен на с.-х. продукты пищевого назначения, стимулируя одновременно биржевую спекуляцию.

С.-х. цены на мировых биржах

1934 г	Пшеница: срочные сделки в центах за 1 бушель по курсу дня				Кукуруза: средняя недельная цена по сделкам в центах за 1 бушель		Рожь Миннеаполис в центах за 1 бушель	Ячмень Миннеаполис в центах за 1 бушель
	Чикаго	Виннипег	Ливерпуль	Буэнос-Айрес	Чикаго сделка срок	Буэнос-Айрес сделка срок		
28 апреля . .	78	67	67	54	45	39	55	68
5 мая	80	67	67	53	46	39	57	71
12 »	66	70	69	54	50	41	60	70
19 »	89	71	68	54	50	40	58	66
9 июня . . .	99	78	73	54	56	42	67	87
30 »	90	77	70	54	58	45	69	80
14 июля . . .	99	84	79	56	60	46	72	92
21 »	101	88	82	59	63	49	77	90
28 »	101	89	84	61	66	50	76	92
4 августа . .	104	92	92	68	71	56	80	91
11 »	104	90	94	75	77	63	88	96
18 »	104	87	86	68	75	61	90	101
25 »	104	87	69	69	77	63	90	107

Мы видим, что начавшееся на бирже в Чикаго повышение цен на пшеницу потянуло за собой другие биржи, причем самое резкое повышение цен имело место на чикагской бирже.

На самом деле, хотя мировые запасы пшеницы не оправдывают этого спекулятивного «бума», но дело в том, что распределение урожая и запасов таково, что в настоящий момент выжидательная тактика зерновых экспортеров отдельных вывозящих стран (Канада),

сдерживающих вывоз в надежде на временную нехватку, способствует этой игре на повышение".

Хотя игра на повышение получала в отдельные моменты известную задержку, но после нее цены поднимались еще выше. Спекуляция, как известно, гонит цены зигзагообразно вверх. Ажиотаж распространился на рожь, ячмень, кукурузу, овес. В действительности самое сильное повышение цен показывают зерно-фуражные продукты. Испытавшие наряду с другими кормовыми культурами (люцерной, клевером, сеном и др.) самое сильное повреждение от засухи. В связи с этим наблюдается сильный рост цен на скот и мясо, что объясняется наряду с ростом цен на корм также различными правительственными мероприятиями по уничтожению крупного скота и свиней (США, Дания).

Цены свиней и бэкона

1934 г.	Цена свиней в Берлине (в долларах за 100 ф. по курсу дня)	Цена латского бэкона в Ливерпуле (в долларах за 100 ф. по курсу дня)
20 мая	11,57	19,88
27 »	11,76	8,12
4 июня	1,38	19,23
11 »	13,48	19,57
18 »	14,13	19,57
25 »	13,34	18,30
1 августа	14,66	18,73
12 »	15,54	19,58
15 »	15,42	21,15
22 »	16,42	22,25

Понятно, рост оптовых цен на с.-х. продукты совершенно не соответствует росту цен, по которым с.-х. продукты продают непосредственные производители. В отдельных случаях, как например в отношении скота, продаваемого с.-х. производителями за гроши из-за нехватки корма, резкость этого расхождения цен выступает крайне

6 Заметим кстати, что валютная война между фунтом и долларом, а главным образом введенные в большинстве вывозящих стран мероприятия правительственной поддержки цен (путем организованного экспорта или монополизации пшеничного хозяйства), а также всякого рода протекционистские меры в импортирующих странах (крайне высокие пошлины, контингентирование импорта, правила о помоле) свели почти на нет установленные раньше рыночные отношения и оценки движения мирового пшеничного рынка. Если к этому прибавить, что со стороны отдельных экспортирующих стран практикуется прямой демпинг (Франция), или продажа по значительно более низким ценам, чем конкуренты (Аргентина), то хаотичность структуры мировых цен на пшеницу станет вполне ясной. Весьма поучительна следующая цитата из официального американского журнала «Кэррент Маркет Ньюс» от 22 сентября 1934 г.:

«К концу недели канадская пшеница Манитоба № 1 котировалась в Ливерпуле по сентябрьской сделке в $97\frac{3}{8}$ цента за бушель, западноавстралийская пшеница, в $86\frac{5}{8}$ цента за бушель, а аргентинская Розафа в $73\frac{3}{8}$ цента за бушель, в то же время аргентинская нового урожая по яварской и февральской сделке котировалась в $77\frac{1}{2}$ цента, тогда как французская пшеница котировалась в $67\frac{1}{8}$ цента за бушель.

Цены на местную пшеницу в импортирующих странах не обнаруживали колебаний. В Германии германская пшеница котировалась в Гамбурге в 2,20 цента за бушель, французская в Париже — в 1,58 за бушель, а итальянская пшеница в Генуе — в 2,06 за бушель» (цитируем по «Джорналь оф Коммерс» от 25 сентября 1934 г.).

ярко, однако, как более длительная тенденция. рост оптовых цен отражает собой рост фермерских цен.

Различные буржуазные экономисты видят в этом повышении с.-х. цен, а также в увеличении связанного с ним общего валового дохода сельского хозяйства поворот в кризисном положении последнего. Есть и такие, которые считают, что подобный поворот может быть исходным пунктом для выхода всего капиталистического хозяйства из кризиса, ибо повышенная покупательная способность с.-х. производителей даст необходимый стимул не только к увеличению производства средств потребления, но и к значительному росту спроса на средства производства, давая таким образом необходимое вращение всему хозяйственному механизму. Рассуждения в этом смысле особенно часты в США, где были сделаны весьма показательные вычисления необходимого капитального ремонта и нового оборудования всего с.-х. капитала.

Также и последний германский конъюнктурный обзор исходным пунктом своей оценки мирового хозяйственного положения делает факт повышения с.-х. цен и мнимое улучшение положения мирового сельского хозяйства, лишь мельком упоминая о засухе. Обзор обосновывает это улучшение следующими моментами:

1. Увеличением покупательной способности промышленности в силу правительственных мероприятий, имеющих целью предоставление работы безработным и в результате этого увеличение спроса на с.-х. продукты.

2. Прямыми субсидиями сельскому хозяйству во всех почти странах мира, особенно в Германии, Англии и США.

3. «Развязыванием» обмена между государствами либо в результате растущей потребности в сырье, либо путем компенсационных сделок или тому подобных мер.

Дополнительно действовал согласно упомянутому обзору рост цен на с.-х. продукты, связанный, с одной стороны с увеличением спроса на промышленное сырье с.-х. происхождения, а с другой стороны, с фактом сокращения производства отдельных важных культур в различных странах.

Это подчеркиваемое апологетами капитализма «преодоление» аграрного кризиса опирается на факт повышения с.-х. цен. Последнее имеет как будто два основания: 1) увеличение спроса на с.-х. продукты благодаря лучшей промышленной конъюнктуре; 2) уменьшение предложения с.-х. продуктов благодаря сокращению производства или урожая.

Что касается увеличения спроса на с.-х. продукты благодаря лучшей промышленной конъюнктуре, создающей спрос на промышленное сырье с.-х. происхождения и на большее количество продуктов питания вследствие увеличенной занятости, то тенденции промышленной конъюнктуры в главных капиталистических странах в настоящее время обнаруживают значительный упадок по сравнению с прошлым годом. На этой стороне проблемы излишне поэтому теперь останавливаться.

Другим вопросом является рост цен благодаря уменьшенному предложению, связанному с различными «плановыми» мероприятиями капиталистических правительств в этом направлении (сокращение посевов пшеницы, хлопка и др., убой скота и т. д.). Ввиду того, что

засуха текущего года перевыполнила все планы различных буржуазных правительств относительно сокращения производства и что рост цен на отдельные с.-х. продукты приобрел в результате этого спекуляционные размеры, «преодоление» аграрного кризиса приобретает как будто реальные формы. На самом деле доводы этого порядка стали весьма ходкими, особенно в США, где даже официальные заявления характеризовали засуху как своего рода «благословение» для сельского хозяйства и для страны в целом.

В рамках настоящего обзора мы не можем подвергнуть необходимому анализу вопрос в целом. Удовлетворимся поэтому краткими замечаниями. Начнем с влияния на развитие международной торговли, на то «развязывание» экспортно-импортных связей и возможностей, о котором упоминает германский конъюнктурный обзор.

Если в отдельных случаях отдельные придунайские страны (Венгрия) могли заключить компенсационные сделки, то в общем резкое сокращение урожая фатально отзывается на экспорте отдельных вывозящих стран. Это особенно важно для стран, хозяйство которых подобно Румынии или Венгрии в значительной мере зависит от экспорта с.-х. продуктов, в частности пшеницы. Полное исключение пшеницы из экспорта (Румыния вынуждена была запретить вывоз пшеницы) или крайнее сокращение его означает удар по национальному доходу и торговому балансу этих стран, отражаясь на их кредите и бюджете. Но и в отношении других стран сильное сокращение урожая, например кормов, отзовется на экспортных возможностях этих стран. Так например, несмотря на отмену пошлины на ввоз кормов (сена и соломы), понижение пошлины на ввоз овса в США, соседняя Канада не в состоянии использовать эту возможность, ибо ее урожай клевера и сена в текущем году сократился до 9884 тыс. т против 16 тыс. т, составлявших среднюю продукцию за 1928—1930 гг. (падение на 32%). Вместе с США Канада вынуждена ввести эмбарго на вывоз кормов. Но и для США, политика которых направлена теперь на поощрение вывоза с.-х. продуктов, сильное сокращение урожая подействовало неблагоприятно на вывоз.

Засуха между прочим отражается и на доходах железных дорог, так как сокращение объема перевозок хлебных грузов вызывает их снижение. Вместе с тем она значительно увеличивает накладные расходы сельского хозяйства. Практикуемая ныне в США и Канаде (отчасти также в Германии) перевозка скота из мест, пораженных засухой, в более благоприятные места и экстренный ввоз кормов в засушливые районы составляют добавочные расходы с.-х. производителей, увеличивающие издержки производства и уменьшающие тем самым доходность сельского хозяйства. С этой точки зрения необходимо указать на то, что ни повышенная цена, ни даже повышенный валовой доход не означают улучшения положения с.-х. производителей ввиду того, что уменьшение размеров урожая при почти неизменных общих издержках производства увеличило издержки на единицу площади и на единицу продукта и таким образом увеличение дохода не означает еще увеличения прибыли (см. табл. на стр. 119).

Ясно, что такое сильное понижение урожая с 1 га лишь в исключительных случаях весьма низких издержек производства может компенсироваться наступившим повышением цен. Простой подсчет до-

Разница сбора с единицы площади в Чехословакии

	Весь урожай (в тыс. дв. ц)		Урожай с 1 га		% уменьшения
	1934 г.	1933 г.	1934 г.	1933 г.	
Озимая пшеница	11 702	18 957	13,8	21,7	36,4
Озимая рожь	13 707	20 555	13,7	20,1	31,9
Яровой ячмень	9 726	13 403	14,7	20,4	28,0
Овес	10 892	15 771	13,7	19,7	30,5

хода с 1 га по повышенным ценам показывает уменьшение по сравнению с прошлым годом.

Таким образом как раз мелкие и средние крестьяне, составляющие основную массу с.-х. производителей, которые работают с более высокими издержками производства, не только не испытывают улучшения своего хозяйственного положения, но, наоборот, подвержены еще большим бедствиям. Это особенно ярко видно при рассмотрении положения средних и мелких крестьян-скотоводов. Повышенная цена на свиней например не может компенсировать убытков, претерпеваемых крестьянами из-за явившейся вследствие засухи низкой упитанности и ухудшенного состояния предлагаемого скота, которое отмечается на рынках США, Германии и других стран. Интересны в этом отношении данные о падении веса свиней, предлагаемых для продажи в Чикаго. В течение августа средний вес свиньи на рынке в Чикаго, равный 250 фунтам, был на 8 фунтов ниже прошлогоднего веса, в Канзас-Сити средний вес свиньи равнялся 218 фунтам и был на 39 фунтов ниже прошлогоднего, в Омаха средний вес в 246 фунтов—на 28 фунтов ниже прошлогоднего, в Ист-Сан-Луис средний вес в 211 фунтов—на 10 фунтов ниже прошлогоднего и наконец средняя свинья в 258 фунтов на рынке в Сен-Поль на 8 фунтов меньше среднего веса за тот же месяц в предыдущем году. Повышение цен на кукурузу делает кормление свиней хорошими сортами кукурузы неприбыльным. В Германии недостаток фуража принуждает крестьян убивать скот раньше необходимого времени и продавать его за бесценок. Мероприятия фашистского правительства с целью приостановить массовый убой скота и подвоз на рынок не были в состоянии задержать этот процесс, так что с 1 августа оно ввело принудительное ограничение продажи скота мелкими крестьянами, которое еще более обострит их крайне тяжёлое положение. В целом ряде стран (США, Канада, Германия, Венгрия, Чехословакия и др.) мелкие и средние с.-х. производители из-за недостатка собственного корма и недоступных для них рыночных цен на корм вынуждены продавать свой крупный рогатый скот в массовом порядке и по бросовым ценам. Одни только правительственные закупки скота в США, произведенные по крайне низким ценам в засушливых районах, достигли уже около четырех миллионов голов. В различных местностях Германии подвоз скота увеличился за одну лишь неделю на целых 50%. О том же говорят газетные сведения из Венгрии и Чехословакии. Подобные продажи, увеличивающие, правда, общую сумму дохода, не только не означают реализацию товарной части производства, но, фактически нанося прямой убыток, представляют

потерю основного капитала, иными словами, разорение мелкого и среднего производителя.

Ухудшая, а не улучшая общее положение всей массы мелких и средних с.-х. производителей, засуха бесспорно повергает в полную нищету многочисленные слои тех из них, которых она непосредственно затрагивает. Повышение цен на с.-х. продукты лишь выпячивает трагическое положение тех, кто, не имея в своем товарном производстве ничего годного для продажи, должен распродавать свое мизерное имущество для того, чтобы существовать. Но засуха лишает также средств к существованию сотни тысяч сельхозрабочих, значительно сокращая возможность получения работы. Так, в США и Канаде в текущем году, летом, отмечается падение спроса на рабочие руки в сельском хозяйстве, хотя время полевых работ должно было обнаружить рост занятости сельхозрабочих. Также в Германии, несмотря на проведенное фашистским правительством «прикрепление» сельхозрабочих к помещичьим и кулацким хозяйствам, последние выбрасывают теперь сельхозрабочих тысячами на улицу.

Наконец следующее замечание. В результате засухи и роста цен на с.-х. продукты наблюдается теперь значительное повышение розничных цен в городах на пищевые и другие продукты с.-х. происхождения, означающее вздорожание жизни для широких масс городского населения. Упомянем лишь вскользь, что интенсивный рост цен на с.-х. продукты в конечном счете отзовется на потреблении этих продуктов как в качественном (суррогаты), так и количественном отношении, отражаясь на положении рынка с.-х. продуктов; прибавим также, что ростом дороговизны будут затронуты сами крестьяне и фермеры, особенно в случаях высокой товарности своего хозяйства и необходимости самим покупать готовые пищевые и другие продукты с.-х. происхождения. Нисколько не являясь обычным симптомом подъема хозяйственной конъюнктуры, настоящий рост цен, наоборот, имеет место при подчас (США) значительном ухудшении конъюнктуры и отсутствии видов на коренное улучшение. Если вполне возможны и имеют место в действительности факты выхода капиталистического хозяйства из промышленного кризиса и перехода через депрессию к промышленному подъему при продолжающемся аграрном кризисе, то обратное положение, а именно возможность выхода из аграрного кризиса при продолжающемся общем экономическом кризисе и теоретически и практически совершенно исключена. Мы не будем приводить здесь статистических данных относительно несоразмерности роста (розничных и оптовых) цен на пищевые продукты, одновременно падения занятости в промышленности целого ряда стран. Приведем лишь в заключение такой знаменательный для положения всего мирового хозяйства факт, что пшеничная биржа в Чикаго стала в последние месяцы спекулятивным центром, куда устремилась биржевая игра. По газетным отчетам спекулятивные обороты зерна в июле на продуктовой бирже Чикаго превзошли сумму в два миллиарда долларов, в то время как фондовые обороты на известной нью-йоркской бирже (Уолл Стрит) не достигли и 600 млн. долл. Если фактическое положение хлебного рынка лишь частично оправдывает эту спекуляцию, то сам факт служит ярким доказательством того, что надежды биржевиков на улучшение промышленной конъюнктуры значительно слабее, чем их успешная спекуляция на массовом голоде.

Девизная катастрофа Германии и „новый план“ Шахта

Национал-социализм пришел к власти с лозунгом автаркии. Международная переплетенность хозяйственных процессов согласно этой точке зрения является якобы главным препятствием к изживанию кризиса в рамках отдельного государства. Ставка на «внутреннюю конъюнктуру» и лозунг «приведения в порядок экономики в пределах собственных суверенных границ» означают не что иное, как 1) широкое финансирование за счет государства, т. н. «создания работы» (*Arbeitsbeschaffung*), состоящей в усиленной подготовке к войне и в аналогичных непроизводительных затратах, 2) усиление борьбы за рынки путем максимального ограничения импорта товаров и одновременно создания условий для широкого германского демпинга за границей и 3) «защиту» технически отсталого германского сельского хозяйства от конкуренции аграрного импорта из заокеанских стран в целях обеспечения собственных сельскохозяйственных ресурсов, необходимых для ведения войны, и в целях экономического спасения юнкерства и кулачества как важнейшей опоры германского монополистического капитала, доставляющей благонадежные кадры для рейхсвера и национал-социалистских боевых дружин.

«Накручивание» конъюнктуры в Германии началось еще во второй половине 1932 г. с хозяйственной программы фон Папена и пресловутого чрезвычайного декрета фон Папена, наметившего субсидирование монополистического капитала в размере 2,5 млрд. марок и резкое снижение зарплаты. Осуществление этой программы «государственного воздействия на хозяйство» было уже в полном ходу, когда Гитлер пришел к власти. Национал-социалисты развили финансирование промышленного производства и подготовку к войне до огромных размеров, доведя в первый же год своего правления бюджетный дефицит до 2,1 млрд. марок и засорив Рейхсбанк казначейскими векселями, в результате чего вексельное покрытие марки стало фиктивным.

Ставка на оживление внутренней конъюнктуры и усиленная подготовка к войне имели своим последствием резкие изменения в характере и размере внешней торговли Германии и в ее положении на мировом рынке, что иллюстрируется следующей таблицей (см. табл. на стр. 122).

Из этих данных явствует, что если крайний аграрный протекционизм привел к довольно значительному уменьшению ввоза продуктов питания, то это обстоятельство не смогло воспрепятствовать росту всего импорта в 1934 г. ввиду роста промышленного производства в Германии, зависящего в отношении снабжения сырьем почти наполовину от заграничного ввоза. К тому же надо учесть, что Германия усиленно запасается стратегическим сырьем. Даже в послед-

Внешняя торговля Германии (в млн. марок)

	Среднемесячн.			I 9 3 4 г.							
	1931 г.	1932 г.	1933 г.								
				I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Ввоз	510	389	350	381	378	398	398	380	377	363	343
В том числе:											
Предметы питания и напитки	164	124	90	89	79	88	79	76	84	99	81
Сырье и полуфабрикаты . .	290	201	202	233	238	245	253	240	226	199	195
Изделия	102	61	56	56	57	62	63	61	64	62	64
Вывоз	780	478	406	350	343	401	316	337	339	321	334
В том числе:											
Предметы питания и напитки	30	17	14	13	12	13	10	11	13	9	7
Сырье и полуфабрикаты . .	151	86	75	78	71	72	66	61	60	62	64
Изделия	615	374	316	259	260	315	294	265	267	250	262

ние из приведенных месяцев 1934 г., несмотря на значительное снижение ввиду валютной рестрикции импорта в целом, ввоз сырья и полуфабрикатов остался на высоком уровне.

Одновременно имеет место непрерывное падение вывоза из Германии вследствие уменьшения вывоза фабрикатов — этой основной статьи германского экспорта. Падение вывоза наряду с сужением емкости мирового рынка и вытеснением Германии в результате усиления конкурентоспособности США и Англии является в немалой степени следствием автаркической политики самой Германии, вызвавшей ответные репрессии со стороны ряда аграрных и полур аграрных стран. С этой точки зрения чрезвычайно характерным является резкое падение во второй четверти 1934 г. вывоза Германии на ряд европейских рынков, которые, обычно давая ей активное сальдо, являлись для нее источником валюты для покрытия платежей заокеанским странам за сырье. Таким образом мероприятия Германии в направлении автаркии и «национальной самостоятельности» обращаются против самой Германии, превращаясь в наихудший вид «самоблокады». В результате имеет место резкое падение торгового баланса—этого главного для Германии источника погашения платежей по иностранным кредитам и займам. Так, если активное сальдо торгового баланса составило в 1931 г. 2871,6 млн. марок и даже в 1933 г. — 667,8 млн. марок, то за первые 8 мес. 1934 г. торговый баланс дал пассивное сальдо в размере 275,4 млн. марок.

В связи с этим Германия уже с начала этого года фактически перестала регулярно платить по товарным поставкам, в результате чего накопилась значительная товарная текущая задолженность за границе, к чему повидимому сознательно стремились руководители хозяйственной жизни Германии. По подсчетам английской делегации, ведшей в последнее время переговоры в Берлине, эта товарная задолженность в отношении к одной Англии составляла около 1,75 млн. ф. ст.¹

Здесь идет речь только о задолженности, накопившейся в результате произведенных платежей по всем разновидностям сделок за

¹ См. «Der Deutsche Oekonomist» № 38, 1934 г.

галичный расчет. Неплатеж повел к приостановке дальнейшей отгрузки товаров в Германию.

Далее, в середине этого года Германия объявила полное прекращение платежей по займам Дауэса и Юнга и прочим долгам, стремясь этим оказать давление на своих кредиторов для получения не только нового моратория, но и новых кредитов, а также возможностей расширения рынков для своего вывоза. После бурных переговоров с кредиторами Германии пришлось пойти на ряд уступок, взамен которых она, в общем ничего значительного не добилась, если не считать того обстоятельства, что в ответ на гарантирование Германией платежей по двум вышеуказанным займам Англия в принципе дала свое согласие, чтобы Германия в дальнейшем могла покрывать свои долги через посредство товарного экспорта. Но это согласие имеет лишь формальное значение, так как на деле Англия и ранее больше ввозила из Германии, чем вывозила в последнюю. В качестве же прецедента при переговорах с другими странами-кредиторами это соглашение также не принесло Германии большой пользы, так как главный кредитор ее—США, имеющие с Германией активный торговый баланс, не пошел на уступки в этом вопросе, и в целях усиления давления Германии пришлось даже пойти на денонсирование торгового договора с США.

Драматические перипетии финансовых и внешнеторговых мероприятий Германии за последние месяцы оцениваются мировой экономической печатью как «второе банкротство» Германии. Эта оценка довольно единодушна, и расхождение мнений имеется лишь в вопросе о том, в какой мере это «второе банкротство» было произвольным или вынужденным и насколько отвечают действительности данные Рейхсбанка о запасах девиз и золота.

Кроме 75 млн. марок золотого запаса, показанных в балансе Рейхсбанка на начало октября 1934 г., в распоряжении эмиссионных банков Германии имеется еще от 200 до 250 млн. марок так называемых «невидимых» девиз, и кроме того можно с немалой достоверностью предполагать, что в порядке финансовой подготовки войны Германия обеспечила себе специальные скрытые валютные резервы для этой цели. Полностью обоснованы также обвинения со стороны кредиторов в том, что исчерпание девизных и золотых ресурсов Германии вызвано непрерывными, все возрастающими ее закупками сырья для нужд военной промышленности и образования военных сырьевых запасов, а также усиленной скупкой ею собственных обесценившихся заграничных облигаций. Далее не подлежит сомнению, что, как мы это уже сказали ранее, все шаги Германии, начиная с известного отказа от гарантированных ею платежей по займам Дауэса и Юнга и кончая денонсированием торгового договора с США, предприняты в целях как получения моратория и прочих льгот по всем ее долгам, так параллельно в целях получения дополнительных возможностей для германского экспорта на рынках стран-кредиторов.

Несмотря на все эти моменты, фактическая неплатежеспособность Германии очевидна, о чем свидетельствует — при всей недостоверности фашизированной германской статистики — последнее исследование германского государственного статистического управления о платежном балансе Германии, в 1933 г. Согласно этим данным текущие позиции платежного баланса имели почти полностью выравнен-

ное сальдо². Активное сальдо торгового баланса в 1933 г. составило 669 млн. марок, а чистый доход по статье «услуги» — 232 млн. марок. Даже учитывая то обстоятельство, что часть экспорта относилась к «дополнительному экспорту» и не вызвала притока девиз, государственное статистическое управление приходит к выводу, что 901 млн. марок чистых поступлений по двум вышеуказанным позициям хватило на покрытие репарационных платежей и процентов по долгам. Принимая во внимание действие льготных соглашений, достигнутых Германией с кредиторами, такой результат является весьма неблестящим. В этих условиях уплата иностранной задолженности смогла производиться лишь из золотых и валютных резервов. Непосредственные платежи в погашение иностранной задолженности составили по подсчетам Статистического управления около 1 млрд. марок, из которых $\frac{3}{4}$ составили платежи по краткосрочным кредитам. А так как по последним данным размеры германской внешней задолженности сократились с осени 1932 г. по осень 1933 г. с 19,5 млрд. марок до 14,8 млрд. марок, то очевидно, что уменьшение задолженности Германии произошло главным образом в результате обесценения валют стран-кредиторов. Если отвлечься от этого последнего фактора, то в течение 1933 г. нетто задолженность Германии уменьшилась всего на 576 млн. марок. Из текущих девизных поступлений для этой цели могла быть выделена лишь сравнительно мизерная сумма в 52 млн. марок, в результате чего уменьшение нетто-задолженности было куплено ценой сокращения золотых и девизных запасов на 524 млн. марок.

Надо при этом заметить, что кроме вышеуказанных 901 млн. марок, полученных по активным сальдо торгового баланса и баланса услуг, для платежей за границе в распоряжении Германии в 1933 г. находились еще заграничные резервы германских банков и конфискованная на основе так называемого «закона об измене народу» валюта эмигрантов, что по подсчетам Государственного статистического управления составило вместе около 100 млн. марок. Далее из этих же подсчетов явствует, что Германия получила экономию на обесценении скупленных германских займов около 200 млн. марок и что кроме того 103 млн. марок не было переведено за границу, а передано в так называемую конверсионную кассу.

Таким образом более близкий анализ платежного баланса Германии показывает, что, несмотря на действие льготных соглашений по платежам и все обострившиеся девизные ограничения, платежеспособность Германии уже в 1933 г. упала до крайнего предела. Улучшениям в платежных взаимоотношениях Германии с заграницей, вызванным обесценением валют стран-кредиторов, противостоит уменьшение поступлений по торговому балансу и другим статьям, что является в немалой степени следствием одного и того же фактора. В результате в 1933 г. имело место резкое ухудшение платежного баланса Германии.

Уже совершенно катастрофически обстоит дело в 1934 г. Торговый баланс, как мы уже видели ранее, стал в этом году пассивным. Сократилось также активное сальдо по статье «услуги». В связи с этим уменьшение золотых и девизных запасов Рейхсбанка составило

² Нижеследующие данные взяты из «Die Bank» № 41 от 10 октября 1934 г.

за первые 8 мес. 318 млн. марок и покрытие денежного обращения упало с 8,8 до 1,7%. Утечка запасов Рейхсбанка была бы значительно больше, если бы в августе не имели места поступления от должников по прежней товарной задолженности.

Весьма тяжело на Германии отражается сокращение заграничных краткосрочных кредитов. Уже в 1933 г. по подсчетам Государственного статистического управления эти последние сократились на 500 млн. марок в связи с сокращением импорта, причем это сокращение якобы компенсируется уменьшением предоставляемых Германией экспортных кредитов на те же приблизительно $\frac{1}{2}$ млрд. марок. В 1934 г. должно в конечном счете иметь место дальнейшее сокращение краткосрочных кредитов, так как ухудшение финансового положения Германии и возникшие в связи с так называемым «новым планом» Шахта задержки в платежах иностранным поставщикам ухудшили расчетные условия для Германии.

Перенапряжение девизного хозяйства угрожает тяжелыми потрясениями экономике капиталистической Германии. Ведь после отхода Лотарингии Германия вынуждена приобретать из-за границы (Швейцария, Марокко и Испания) 85% потребляемых ею железных руд. Из цветных металлов импортируется не менее 90% медной руды, 100% боксита для алюминия. Несмотря на развитие бензольной продукции и искусственного бензина, а также растущее использование своих незначительных натуральных нефтяных ресурсов, все же Германия не сможет покрыть и половины своих нормальных потребностей в горючем.

Полной является также зависимость резиновой и хлопчатобумажной отраслей от ввоза. Ничтожной является также доля собственной шерсти и льна в переработке германской шерстяной и льняной промышленности и т. д.

Даже фашистские демагоги вынуждены были признать создавшуюся опасность, но они обещают преодолеть ее путем развития производства субститутов. «Если наш торговый баланс,—заявил на партийтаге в Нюрнберге «сам» Гитлер,—становится пассивным вследствие закрытия иностранных рынков или пассивного бойкота, то благодаря гениальности наших инженеров и химиков и нашей энергии мы найдем пути, чтобы стать независимыми от импорта тех видов сырья, которые мы сами сможем у себя производить или заменить».

Фашистская Германия делает сейчас лихорадочные усилия для развития производства субститутов. Увеличивается производство бензола, искусственного бензина, синтетической резины, искусственного волокна (вистра, вольстра), которое должно заменить хлопчатобумажную и шерстяную пряжу. Огромными субсидиями поддерживается нерентабельная переработка бедных содержанием германских железной и медной руд.

Далее, безудержный аграрный протекционизм направлен к стимулированию развития овцеводства, льноводства и посевов масличных культур.

Все эти попытки капиталистической Германии к уничтожению своей зависимости от мирового хозяйства совершенно утопичны. Даже такой крайний проповедник автаркического «национального хозяйства», как пресловутый Фердинанд Фрид вынужден против желания признать, что зависимость германской металлургии от ввоза

железной руды не может быть преодолена (см. «Die Tat», Н. 8, 1934 г.).

По признанию германской печати вистра вряд ли в ближайшие 10 лет сможет серьезно рассматриваться как замена хлопка. Не на много лучше положение с каучуком. Для того чтобы покрыть свою потребность в шерсти, в сельском хозяйстве Германии должно бы было насчитываться около 60 млн. голов овец, в то время как сейчас овечье стадо насчитывает лишь около 3 млн. голов. Такое увеличение стада противоречило бы всей социально-экономической структуре германского сельского хозяйства. Далее, даже согласно наиболее оптимистическим подсчетам германских автаркистов максимальный удельный вес собственного льна в снабжении промышленности может быть доведен с 8 до 16%. Больше всего достигнуто успехов в области синтетического горючего, однако и здесь зависимость остается громадной.

С другой стороны, даже унифицированная германская печать все более и более откровенно жалуется на то, что переход к переработке сырьевых суррогатов и субститутов чрезвычайно удорожает производство и кроме того ведет к потере рынков для германского экспорта, что в свою очередь усугубляет валютные затруднения Германии.

Добавочная угроза для девизного хозяйства создана неурожаем. Наряду с возрастающим недостатком сырья для промышленности. Германия в течение надвигающейся зимы встанет лицом к лицу с острым недостатком продовольствия. Об этом свидетельствуют официальные данные сентябрьской оценки.

Вместе с переходящими остатками прошлых лет Германия располагает к началу 1934/35 г. 5,51 млн. т пшеницы и 8,26 млн. т ржи против соответственно 6,50 млн. т и 8,26 млн. т. на начало 1933/34 г. Если по пшенице предполагается еще кое-как свести концы с концами, то сведение баланса по ржи, не прибегая к ввозу, уже предполагает сокращение потребления населения на 0,35 млн. т путем увеличения нормы выхода помола до минимума 75% и прямым уменьшением использования ржи как кормового средства для скота на 0,45 млн. т. Кроме того доведение нормы выхода до 75% уменьшит количество отрубей на 0,45 млн. т.

Особенно значителен недород картофеля, сбор которого оценивается в 38,0—40,0 млн. т вместо 44,1 млн. т в прошлом году. Это предполагает уменьшение кормового фонда до 12,4—14,4 млн. т вместо прошлогодних 17,7 млн. т. Вместе с тем отмечается острый недостаток в сене, соломе, кормовой свекле и силосе, что, как указывает Берлинский конъюнктурный институт, приведет к сокращению продукции молока и масла³. Если вдобавок принять во внимание вызванный недостатком кормов усиленный убой скота, который должен привести к резкому сокращению поголовья, то ближайшие перспективы скотоводства представляются весьма плачевными. Такое же положение складывается с птицеводством.

Все внешнеторговые и девизные мероприятия Германии являются фактором, увеличивающим хаос в международной торговле, что в свою очередь ведет к дальнейшему усилению внешнеэкономической изоляции Германии.

³ См. «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung» № 38, 1934.

Ввиду неприкрытого банкротства Германии, внешняя ее торговля уже в течение многих месяцев в значительной части ведется на основе «расчетных соглашений» («Verrechnungsabkommen»). Такие соглашения Германия заключила почти со всеми европейскими странами.

Как ни пытаются фашисты представить дело так, как будто бы существует принципиальная разница между «Verrechnungsabkommen» и обыкновенным клирингом, но по существу это одно и то же. И то и другое основано на девизных ограничениях и централизации расчетов, что является выражением фактического банкротства. В торговой и девизной политике Германии все дело сводится к разнице в деталях техники расчетов в зависимости от того, является ли для Германии торговля с той или иной страной активной или пассивной. В первом случае централизованные расчеты, отражаемые на специальных счетах, имеют своим результатом перевод девиз по активному сальдо в Рейхсбанк, а во втором случае товарный обмен с данной страной ведется в отношении 1:1 и перевод девиз не имеет места.

В общем имеет ли место перевод девиз в Рейхсбанк или нет, очевидно, что не только для экспортера и импортера, но даже и для Рейхсбанка свобода распоряжения девизами весьма ограничивается.

Еще хуже обстояло и обстоит дело в отношении стран, доставляющих Германии сырье, от которого зависит ее промышленность, и торговля с которыми является для Германии пассивной. Тут уже не может быть и речи о централизации расчетов и «Verrechnungsabkommen», и Рейхсбанк вынужден был идти на предоставление, правда, в ограниченных размерах валюты импортерам.

Внутри Германии всему этому механизму соответствовала система централизованного распределения валюты, а также в отношении ряда товаров (главным образом сырьевых) ввоз исключительно по лицензиям. По ряду важнейших с точки зрения военной подготовки видов дефицитного сырья (в частности по цветным металлам, каучуку, текстильному сырью) установлены так называемые «Ueberwachungsstellen», контролирующие и регулирующие запасы, ввоз, способ использования и переработки сырья, а также нормы выхода и даже потребление готовой продукции. Постепенно круг объектов непосредственного регулирования расширился, включив железо и сталь, табак и т. д.

Уже здесь мы имеем дело с элементами чисто военного хозяйства, с его строго ограниченными рационами потребления. Но этого оказалось недостаточно, чтобы сжать ввоз товаров, непосредственно несвязанных с военной подготовкой. Под давлением интересов различных капиталистических групп Рейхсбанк вынужден был сравнительно либерально распределять валюту, не всегда строго проводя градацию между отдельными товарами, а также отдельными странами. Правительственные мероприятия лишь увеличили хаос и недовольство, что было признано даже официально. Журнал «Die Wirtschaftskurve» следующим образом характеризует создавшуюся ситуацию: «Всеобщее распределение девиз имело своим последствием то, что закупленные и привезенные товары не могли быть выкуплены, в результате чего они портились или же вырастали по ним большие складские расходы по хранению; что векселя не могли быть оплачены и ввиду этого страдал германский кредит, так как постав-

шки соглашались продавать товары лишь за наличный расчет или вообще отказались от сделок; что недостаточное снабжение валютой вредно отразилось на транзитных операциях, которые сами являются источником получения валюты, и что в первую очередь за недостатком импортного сырья экспортные отрасли германской промышленности сократили свои внешнеторговые обороты»⁴. Главное конечно в том, что создалась угроза для ввоза военного сырья и материалов.

Вводя валютные и лицензионные ограничения, фашистское правительство предполагало, что это побудит германскую промышленность и торговлю к поискам новых возможностей для расширения импорта, к развитию компенсационного оборота. На деле же импортерам удавалось обходить валютные ограничения путем всяческих злоупотреблений и в том числе путем использования заключенных еще несколько лет назад соглашений с рядом стран о так называемых «расчетных счетах в марках». Как указывает названный выше журнал, по этим счетам шли в Германию товары даже из стран, с которыми таких соглашений не было; главное же, сплошь да рядом, вместо сырья, для импорта которого в обычном порядке существовали ограничения или другие препятствия, по этим счетам ввозились полуфабрикаты или готовые товары, которые создавали конкуренцию для германской обрабатывающей промышленности и наносили вред всему хозяйству, парализуя мероприятия по сокращению ввоза. В результате размер неоплаченных обязательств по импортным товарам постепенно достиг нескольких сот миллионов марок⁵.

В лихорадочных поисках выхода из катастрофы «хозяйственный диктатор» Шахт разработал «новый план», который вступил в силу 24 сентября 1934 г. «Новый план», как его официально называют, изменяет прежнюю практику распределения валюты в том отношении, что сейчас Германия будет оплачивать иностранной валютой лишь ввоз самого необходимого сырья и военных материалов. На нужды же общего импорта Рейхсбанк будет выделять не свыше 5% от уровня среднего импорта 1930 и 1931 гг. Остальной ввоз предполагается осуществлять на основе клиринга, а также компенсационных сделок.

Таким образом ввозный контроль распространяется на все товары. Параллельно этому «новый план» создает «Ueberwachungsstellen» для большого числа новых товаров, замыкая систему контроля над использованием сырья и распределением продуктов. Так, наряду с перечисленными ранее создано 10 новых «Ueberwachungsstellen» для предметов питания, угля, соли, минеральных масел, химических товаров, шелка, искусственного шелка, одежды и родственных отраслей, бумаги и т. д. Налицо, одним словом, все расширяющееся военное хозяйство. Не только сокращается ввоз необходимых для населения предметов широкого потребления, но германский монополистический капитал не собирается даже восполнить путем ввоза огромного недостатка в хлебе, овощах, жирах и кормах. Вызванного недородом и всей аграрной политикой фашизма. Смысл «нового плана» в том, что монополистический капитал, не желая отказаться от «накручивания» хозяйства, делает ставку на скорейшее развязывание

⁴ «Die Wirtschaftskurve», Н. II, September 1934, стр. 170;

⁵ Там же.

войны, развивая до невиданных размеров производство для непродовольственных целей (армия, военные запасы, фашистские банды и т. п.) и вводя еще до наступления войны голодную госкапиталистическую каторгу для трудового населения.

Характерно, что функции «Ueberwachungsstellen» во все большем количестве случаев прямо передаются картелям. В других же случаях образование таких органов непосредственно ведет к принудительному картелированию. Это констатируется и самой фашизированной германской прессой, которая пытается говорить о якобы новом, временном типе картелей, о «детях нужды», вызванных к жизни острым недостатком сырья. Несмотря на все заверения, образование «Ueberwachungsstellen» и принудительных картелей немедленно же ведет к повышению цен.

Значительную брешь в созданной «новым планом» системе ввозного контроля пробивает заключенное 1 ноября 1934 г. новое расчетное соглашение с Англией. Германия вынуждена была пойти на решительные уступки, которые в отношении торговли с Англией в значительной степени нарушают положенный в основу «нового плана» принцип распределения валюты и строгой градации ввозимых товаров по степени их значения в деле подготовки войны. Используя в целях давления на Германию угрозу введения клиринга, Англия сумела добиться для себя отмены производства расчетов через централизованные, так называемые «особые счета». Германия вынуждена была дать согласие на то, чтобы не менее 50% девизов, поступающих от ее экспорта в Англию, предназначались на оплату английских поставок. Далее Германия обязалась в сравнительно короткий срок оплатить создавшуюся товарную задолженность.

Таким образом «новый план» просуществовал в чистом виде не дольше месяца.

Одна из наибольших надежд, возлагаемых теперешними руководителями хозяйственной жизни Германии на «новый план», состоит в том, что в результате новых валютных ограничений должен создаться еще более сильный импульс для развития компенсационных операций. Надежды эти весьма проблематичны. Огромные трудности проведения по природе своей громоздких компенсационных сделок общеизвестны. Главное однако в том, что сырьевая зависимость экспортных отраслей Германии от мирового сырья ставит весьма узкие рамки развитию компенсационного обмена, так как меньше всего может быть надежды, чтобы нужные германской экспортной промышленности виды сырья могли стать предметом таких обменных операций.

Поэтому рост компенсационных сделок неминуемо привел бы к увеличению расхода инвалюты и к ухудшению торгового и тем самым платежного баланса. Учитывая эту опасность, «новый план» запрещает производить компенсационные операции с германскими товарами, которые содержат в себе иностранного сырья больше чем на 20% выручаемой цены. Точно так же крупным препятствием является то обстоятельство, что компенсационные операции требуют довольно крупных затрат валюты в тех случаях, когда обмениваемые товары должны пройти транзитом через территорию третьей, не участвующей в обмене страны.

До сих пор Германии удалось заключить лишь несколько компен-

сационных соглашений сравнительно на небольшие суммы. В частности характерна сделка с Болгарией, которая наглядно иллюстрирует ограниченные возможности компенсационного обмена. Так, в обмен на годовую потребность Болгарии и на германские промышленные товары (около 19 млн. марок) Германия получила болгарский табак в размере, покрывающем пятигодовую потребность, что создает преграду для дальнейших сделок. Другая крупная компенсационная сделка с южноамериканскими государствами, при посредстве которой Германия покрыла $\frac{2}{3}$ своей годичной потребности в кофе, основана на таких специфических условиях, что, по признанию самой германской печати, является исключением.

Некоторые перспективы открываются для Германии главным образом в странах юго-восточной Европы (Венгрия, Болгария, Румыния, Греция, Турция), являющихся должниками Германии, поскольку последняя готова получить обратно свои «замороженные» кредиты в виде товаров. В остальном же перспективы германской торговли продолжают быстро ухудшаться. Недаром поэтому почти немедленно после опубликования «нового плана», автор его—Шахт—выступил с речью, неприкрыто указывающей на инфляцию, как на возможный выход из катастрофической ситуации. В тот момент, когда разразится инфляция, страдания трудящихся масс в фашистской Германии смогут сравняться с госкапиталистической каторгой военного времени.

„Красный пролетарий“ в борьбе за освоение техники

Последние годы выдвинули московский станкостроительный завод «Красный пролетарий» в шеренгу передовых предприятий Союза. Высокая оценка его работы дана была Московским комитетом партии и редакцией «Правды», занесшими завод на Всесоюзную красную доску им. XVII партсъезда. Оценка эта была подтверждена Наркомтяжпромом, премировавшим завод почетной грамотой за успешное освоение техники, за выполнение количественных и качественных показателей плана.

Номенклатура станков, выпускаемых заводом, включает в себя свыше десятка сложнейших машин, не уступающих по своей конструкции и исполнению лучшим западноевропейским образцам. Между тем всего лишь несколько лет назад завод не выполнял значительно меньшую по своей трудоемкости и объему программу, состоявшую из гораздо менее сложных станков, несмотря на почти полное наличие того же оборудования, которым он располагает сейчас. За эти годы заводом пройден путь, типичный для значительного количества реконструированных и вновь выстроенных предприятий.

Типичным для прежней неудовлетворительной работы завода был 1931 г. Между тем уже в 1931 г. огромное большинство заводского оборудования составляли ввезенные из-за границы станки. Оборудование, оставшееся заводу в наследство от бывшего его хозяина Бромлея, едва достигало по своему удельному весу 5%.

Выполнение производственной программы в 1931 г. в % к плану

Январь	50,9	Июль	63,9
Февраль	77,8	Август	66,7
Март	101,5	Сентябрь	84,5
Апрель	85,2	Октябрь	99,97
Май	30	Ноябрь	79,9
Июнь	104,2	Декабрь	122,5

Цифры выполнения программы носят на себе отпечаток штурмовщины, которая хуже злокачественной опухоли разъедала завод. Сущность ее состояла в том, что к началу месяца сборка станков не была комплектно обеспечена деталями, необходимыми для выпуска готовых станков. Несмотря на большие размеры незавершенного производства, из тех деталей, которые были на складе, нельзя было собрать полностью станок, так как многих нужных деталей не было совсем, в то время как другие были в излишке.

Такое положение продолжалось до 15-го числа каждого месяца. И лишь когда до конца месяца оставалось 10—12 дней, сборка станков начинала лихорадочно работать, чуть ли не без выходных дней, с огромным количеством фиксированных (и нефиксированных) сверх-

урочных часов. Продукция удорожалась, брак возрастал, вследствие неравномерного выпуска ухудшалось финансовое положение завода. Первые дни следующего месяца сборочный цех еще продолжал сборку неоконченных станков, а затем с 3-го по 10-е число каждого месяца впору было отпускать сборщиков домой, так как никакой работы для них не было.

Штурмовщина не была результатом злого умысла работников завода; большинство из них искренне считало, что единственной причиной штурмовщины является плохое снабжение завода сортовым материалом и в особенности литьем. Плохая работа заводов-поставщиков несомненно пагубно отражалась на работе завода. Но и сам завод и его работники незаметно для самих себя привыкли к существующему положению и приноравливались к нему; работники отдела снабжения сильнее нажимали на поставщиков, заготовочные цехи увеличивали выпуск деталей только тогда, когда нажимала сидевшая без работы сборка. Планирование было заменено так называемыми «пожарными списками», в которых указывалось, какие детали надо к завтрашнему дню подать на сборку. Начиналась гонка именно за этими деталями, их часто ставили на станок, снимая с него уже налаженную работу. В результате эти «пожарные» детали с запозданием подавались на сборку, а другие детали отставали, чтобы затем занять на другой день свое место в «пожарном» списке.

Завод впитал в 1930 и 1931 гг. огромную массу новых производственных рабочих, число которых только за этот период возросло с 967 чел. к началу 1930 г. до 2 395 чел. к 1932 г. Кадры эти были еще не обучены, что влекло за собой большой процент брака и частые поломки оборудования.

И вот в такой обстановке заводской коллектив, его кадровое ядро и партийная организация поставили боевой, первостепенной важности задачей завода — перейти от стоявших по своей технике на уровне 1912—1914 гг. станков ТНГО и ТН-15 к выпуску высококачественных станков «ДИП», прототипом которых был впитавший в себя двухсотлетний опыт четырех лучших немецких фирм универсальный токарно-винторезный станок «VDF». «ДИП» означает «догнать и перегнать». Для завода освоение «ДИП» означало революцию в его технике, в методах производства.

Дело заключалось не только в том, чтобы построить совершенный станок. При помощи небольшого ядра кадровых высококвалифицированных рабочих завод мог бы выпустить кустарными методами, точнейшей ручной пригонкой не менее совершенную машину, чем станок «ДИП». Вся трудность задачи заключалась в том, чтобы произвести этот станок новыми, более совершенными методами, чем те, которыми работал до сих пор завод. Необходимо было обеспечить такое изготовление деталей, при котором их качество, точность и взаимозаменяемость были бы обеспечены работой механизмов и приспособлениями и в гораздо меньшей мере квалификацией рабочего (на чем, кстати сказать, выезжают все немецкие станкостроительные заводы). «Красный пролетарий» встал на путь изготовления приспособлений для обработки большинства сложных деталей и значительного количества простых.

Чтобы пояснить разницу в методах обработки 2 станков ТН-15 производства 1929—1932 гг. и станка «ДИП», достаточно сказать.

что в то время как для станка ТН-15 было изготовлено всего 85 приспособлений, станок «ДИП» был оснащен 800 приспособлениями. Эти приспособления дали возможность на фрезерных и строгальных операциях обрабатывать несколько деталей сразу. Расточка ответственных деталей (передней бабки, фартука и коробки Нортон, где требовалось сцепление осей и расточка отверстий с точностью до сотых долей миллиметра) была осуществлена на обеспечивающих эту точность приспособлениях с 2 и 3 направлениями. Расточка фартука была полностью перенесена с расточного станка на сверлильный, что в несколько раз удешевило стоимость его обработки.

«ДИП» принес с собой такие элементы технологической культуры, которые были до того времени совершенно не знакомы заводу. Изготовление шестишпоночных валиков, каленых шестерен с шестишпоночными отверстиями, дисков для пластинчатой муфты, падающего червяка и шарнира, — все это казалось вначале неодолимой крепостью, но шаг за шагом с помощью приспособлений и специального инструмента, опыта инженерно-технического персонала и рабочего изобретательства эти крепости были взяты одна за другой.

Шестерни нарезывались на зубодолбежных станках «Лоренц» (немецкая фирма) и «Мааг» (швейцарская). Для обработки на этих станках требовался инструмент: для «лоренцов» — долбяки, для «маагов» — гребенки. Несколько раз выпуск станков становился под угрозой из-за отсутствия гребенок и долбяков, которые ни один отечественный инструментальный завод не изготовлял. На покупку их за границей ежегодно тратились десятки тысяч золотых рублей. По предложению начальника инструментального цеха, гребенки «Мааг» стали изготовляться у нас и вскоре были освоены. Вслед за ними стали изготовляться и долбяки. Сейчас весь зуборезный парк работает на инструменте заводского изготовления. Для обработки отверстий у шестерен применяется специальный инструмент — протяжки (броши). Когда завод приступил к изготовлению станков «ДИП», он располагал только одним комплектом импортных протяжек, — сломайся одна из них, и шестерни с определенным диаметром отверстия нельзя будет обработать. Ощупью, с огромными трудностями, не имея никакого опыта, завод приступил к изготовлению протяжек — чрезвычайно точного и нежного инструмента. Ряд опытов и проб, произведенных работниками инструментального цеха и заводской лабораторией, увенчались успехом. Сейчас завод работает на своих протяжках.

1932 год был годом освоения станка «ДИП» и той технологической культуры, которую он с собой принес. Одновременно шла усиленная работа по налаживанию равномерного выпуска продукции вначале по месяцам, а затем и по декадам. Для этого необходимо было в первую голову наладить внутрицеховое планирование и учет.

Цехи были разбиты на твердые производственные участки с законченным циклом обработки. Рабочие и инструктора закреплены за определенными сменами. Мастер получает план на каждый месяц, в котором имеются следующие объекты: выполнение программы в комплектах деталей, выполнение плана в нормочасах; брак; выработка на одного рабочего; зарплата; простой оборудования; простой рабочей силы. В основных цехах созданы крепкие плано-распре-

делительные бюро, которые через подчиненных мастеру распределителей осуществляют планирование в пролете.

Ведется график изготовления деталей, по которому на каждый день известно, сколько комплектов станка обеспечено той или иной деталью. Перед началом месяца распределитель с мастером составляют календарный план загрузки оборудования и подачи деталей на каждый станок. И что самое главное — механический цех работает в основном на выпуск станков не текущего, а следующего месяца; этого удалось добиться главным образом за счет лучшего снабжения завода, повышения выработки станков и рабочих и четкого оперативного планирования.

«Красный пролетарий» имеет сейчас твердую литейную базу — завод «Станколит», который при всех своих недостатках все же выполняет свои обязательства значительно лучше, чем раньше.

Все это дало возможность уже в конце 1933 г. организовать более равномерный выпуск станков по декадам. Равномерный выпуск высвободил для завода значительные оборотные средства, поскольку отпуск станков и оплата счетов поставщиков идет равномерно в течение всего месяца.

Одновременно в цехах шла упорная борьба за повышение производительности труда, за организационно-техническую перестройку завода, за качество продукции.

Специализация завода на станкостроении (выпуск дизелей завод прекращен в 1932 г.), применение в больших масштабах приспособлений и специального инструмента способствовали быстрому освоению производства новыми кадрами, в подавляющем своем большинстве впервые пришедшими на производство в 1930—1931 гг. В 1930—1931 гг. завод в широких размерах применил систему индивидуального ученичества, прикрепляя вновь поступающих учеников к квалифицированным рабочим, получавшим специальную доплату за обучение учеников. В течение 4—6 мес. готовились токари, строгальщики, фрезеровщики, зуборезы 1—2 разрядов, которым поручалась несложная однотипная работа.

Эта система имела и свои недостатки, главным из которых была частая поломка оборудования в результате плохого ухода, а подчас и неумения правильно пользоваться им. Тогда на помощь пришли организация текущего и планово-предупредительного ремонта и техническая учеба, принявшая особенно значительные размеры в 1933—1934 гг. В основу планово-предупредительного ремонта было положено изучение станков и деталей в них, наиболее часто подвергающихся поломке и износу. В выходные дни (и в случае аварий) слесарями и техниками разбирались станки и снимались эскизы с наиболее «опасных» деталей. По этим эскизам исподволь в запас изготавливались детали, которые в случае последующей поломки станков могли быть в течение часа, а иногда и десятка минут поставлены на место. В основном, станкомеханическом цехе № 1 создан специальный, постоянно пополняющийся склад этих деталей.

Но этого было мало. Надо было заинтересовать и рабочих, и ремонтных слесарей, и низовой технической персонал в сохранности оборудования. Это достигнуто сейчас премиальными системами оплаты ремонтных слесарей, мастеров и инструкторов. Ремонтные слесари на заводе в каждом цехе разбиты на несколько бригад,

каждая из которых закреплена за определенной группой оборудования. Это дает возможность слесарям лучше изучить обслуживаемые ими станки, быстрее устранять встречающиеся неполадки. Каждой бригаде дается в соответствии с планом определенный лимит на простой оборудования по вине текущего ремонта. За снижение простоя против плана бригада получает прогрессивно возрастающую премию. Результаты этих мероприятий не замедлили сказаться. Вот цифры оплачиваемого простоя оборудования по станкомеханическому цеху № 1, насчитывающему свыше 200 сложнейших станков.

Оплачиваемые простои оборудования станкоцеха № 1 в 1934 г.

Январь . . .	2 042 часа	Июнь	938 часов
Февраль . .	1 526 »	Июль	814 »
Март	1 345 »	Август	769 »
Апрель . . .	1 124 »	Сентябрь . .	394 »
Май	970 »		

О развороте технической учебы и результатах ее можно было бы рассказать много, но небольшие размеры статьи заставляют ограничиться следующими все же достаточно показательными фактами.

В настоящее время стационарным учебным комбинатом завода охвачено разными видами технической учебы 340 чел. В работающем на производственной базе завода станкоинструментальном техникуме обучается 50 краснопролетарцев. В каждом цехе организованы кружки изучающих технический минимум своей специальности. В таких кружках обучается сейчас 341 рабочий. Кроме того 1 208 рабочих уже закончили учебу в кружках и сдали общественно-технический экзамен, причем оценка окончивших и сдавших экзамен следующая: удовлетворительно—585, хорошо—436 и отлично—193.

Как влияла техническая учеба на производственную работу, можно видеть из следующих примеров. Токарь Буйнов давал ежемесячно браку 10—20%. Взявшись за учебу и закончив ее с отметкой «отлично», Буйнов сумел довести брак до 0,2%, ежемесячно перевыполняет план. Рабочий Арефьев во время учебы в кружке повысил процент выполнения плана с 73,8 до 139. Таких примеров можно привести десятки, но и этих цифр и фактов достаточно для того, чтобы оценить результаты таких массовых форм овладения техникой, какими являются кружки техминимума и сдача общественно-технического экзамена. Функцией освоения техники и лучшим показателем успешности является повышение производительности труда.

Рост выработки 1 рабочего (в рублях)

За 1931 г.	1 114	За 1933 г.	8 206
» 1932 »	1 823	За 9 мес. 1934 »	7 827

Повышению производительности труда значительно способствовала перестройка зарплаты низового административно-технического персонала. Это относится к основному, крупносерийному цеху завода — станкомеханическому цеху № 1. В декабре 1933 г. все инструктора этого цеха переведены на сдельно-премиальную оплату труда.

Как уже было сказано выше, все инструктора¹ закрепились за

¹ Инструктор в условиях «Красного пролетария» — сменный мастер небольшой группы станков,

определенными участками и сменами. Каждый участок и смена имеют свой план в нормочасах (весь участок, работающий под руководством мастера, имеет план в штуках деталей). Каждый инструктор в зависимости от своей квалификации, состава рабочих участка, сложности оборудования и т. д. имеет определенный оклад, но получение больше или меньше этого оклада (играющего по существу лишь роль исходной точки) является функцией выполнения участком заданной ему программы.

По гораздо большему количеству показателей учитывается работа мастеров: выполнение программы в комплектах деталей, выполнение в нормочасах, выработка на одного рабочего, брак, простои, посещение рабочими участка кружков техминимума, культура труда. По каждому показателю оценка работы производится в очках, так например, по одному из важнейших показателей «брак по вине пролета» оценка производится следующим образом: брак по плану — 1 очко, снижение против плана на 10% — 3 очка, снижение против плана на 20% — 6 очков и свыше 20% — 10 очков. Мастер, инструктора, распределитель, лучшие рабочие-ударники пролета, получившего наибольшее количество очков, премируются.

Эта премиально-поощрительная система дала хорошие результаты, значительно повысив выработку цеха. Каждый мастер и инструктор сейчас хорошо понимает, что его заработок зависит от собственной работы. Приводим цифры роста выработки по станкоцеху № 1 после введения описанной выше системы оплаты мастеров и инструкторов: январь—121 805 нормочасов, февраль—132 901, март — 135 912 и апрель — 133 980.

В летние месяцы эта цифра в результате отпусков и пересмотра норм несколько снижается, но выработка на одного рабочего в деталях неуклонно растет.

Твердое плановое начало и сметная дисциплина наряду с освоением техники дают заводу возможность снижать себестоимость выпускаемой продукции. Все расходы, и цеховые и общезаводские, строго лимитированы. Цехи получают ежемесячно наряд-заказ со всеми показателями.

Надо сказать, что себестоимость по новым видам продукции все еще чрезмерно высока, но по станкам, уже освоенным, завод продолжает снижать себестоимость. Приводим себестоимость выпускаемых заводом в порядке крупносерийного производства станков «ДИП-20».

Себестоимость станка «ДИП-20» по элементам и месяцам 1934 г.

	Материалы	Произв. труда	Цеховые расходы	Общезаводские расходы	Спец. расх.	Всего
Январь	2 806	801	1 751	961	745	7 063
Февраль	2 731	805	1 734	920	745	6 936
Март	2 606	798	1 851	865	745	6 854
Апрель	2 521	803	1 882	976	745	6 924
Май	2 268	740	1 853	793	745	6 400
Июнь	2 343	720	1 813	792	745	6 413
Июль	2 539	738	1 970	675	595	6 517
Август	2 657	743	1 959	759	595	6 113

Колебания себестоимости по месяцам объясняются неизбежной в условиях производства неравномерностью затрат, а в некоторых случаях отнесением затрат, произведенных в конце одного месяца, на другой. Но тенденция к систематическому снижению видна из этих цифр с достаточной очевидностью.

И действительно все 3 квартала 1934 г. дают по заводу в целом все возрастающее снижение себестоимости.

Поквартальное снижение себестоимости в 1934 г.

	План	Отчет
I квартал	8,3	6,4
II »	10,8	9,6
III »	12,7	14,3

Таким образом уже в III квартале себестоимость по заводу ниже плана, и есть все основания предполагать, что она останется ниже плана и до конца года. Некоторое ухудшение за последний квартал имеет завод в одном из основных показателей—в относительном росте производительности труда и зарплаты в результате перерасхода в этом квартале (в связи с неравномерными отпусками фонда зарплаты).

Производительность и зарплата на одного рабочего в 1934 г. (в % к плану)

	Производи- тельность труда	Зарплата
I квартал	97,7	96,1
II »	101,2	96,5
III »	102,9	104,4

Борьба за качество продукции велась заводом в двух направлениях: 1) борьба за снижение брака и 2) повышение требований к качеству выпускаемых деталей и станков и повышение их качества.

Точный учет брака позволяет установить, что в основном брак происходит из-за плохого качества материала. Работа заводов-поставщиков оставляет желать еще много лучшего. Достаточно сказать, что в сентябре этого года брак из-за материала по станкомеханическому цеху № 1 составил 15,2%.

Брак по заводу в % к выпуску в 1934 г.

1934 год	По вине материала	По вине завода	По вине рабочих	Всего
Январь	7,3	1,4	1,1	9,8
Февраль	5,8	1,8	1,0	8,6
Март	5,4	1,6	0,7	7,1
Апрель	5,6	1,3	0,7	7,5
Май	6,2	1,5	0,9	8,6
Июнь	5,0	1,9	0,6	7,5
Июль	4,5	1,2	1,1	6,8
Август	4,7	1,8	1,1	7,6
Сентябрь	8,3	2,0	1,0	11,3

Серьезное внимание, особенно за последний год, обращено заводом на качество и внешность деталей и станка. Готовые детали, предназначенные к отправке на сборку, прошедшие контроль на всех опе-

рациях, подвергаются дополнительному контролю на складе готовых деталей, где дополнительно бракуется известный процент деталей, получивших забоины, плохо отделанных и т. д. Введена полировка всех рукояток, фланцев и других наружных деталей станков, что придает им лучшую внешность. Улучшена окраска станков. Введена дополнительная грунтовка и окраска. Вместо мрачного черного цвета станки окрашиваются в приятный серо-голубой цвет по типу лучших заграничных фирм. Надо однако сказать, что качество окраски продолжает еще желать много лучшего, так как до сих пор отечественные краски и лаки, получаемые станкостроением, чрезвычайно непрочны и под действием эмульсии быстро стираются.

Чтобы обеспечить тщательный уход за станками на месте их эксплуатации, завод в прошлом году стал вместе со станками отправлять потребителям подробную инструкцию по уходу за ними. Если потребитель заявит какие-либо претензии к качеству станка или не может его наладить, представитель завода по первому требованию выезжает на место. Улучшилась упаковка станков, обеспечивающая их сохранность при длительных перевозках. Рекламации (отзывы), получаемые заводом на свою продукцию от потребителей, также показывают, что качество станков по сравнению с прошлыми годами повысилось.

Хорошего качества детали можно производить только в культурных цехах. И поэтому совершенно естественно и необходима та борьба за культуру труда, которая развернулась на нем за последние 2 года. Культура труда является важнейшим показателем соревнования и ударничества, одним из важнейших показателей работы мастера и инструктора. В этой области работа только начинается. Уже стало много чище в цехах, чаще протираются стекла, сделаны дорожки для проезда внутрицехового транспорта, стеллажи для деталей и т. д. Но еще продолжают иногда работать негодным инструментом, часто один ключ приходится на 3 рабочих, много времени еще тратится непроизводительно. После того как завод твердо стал на путь выполнения плана, борьба за культуру труда становится неотложной и насущнейшей задачей.

Что получает сейчас страна от «Красного пролетария»? 1. Токарно-винторезные станки «ДИП-200» — универсальные станки, на которых можно производить любую токарную работу. Станки идут на новостройки, МТС, в ремонтные и инструментальные цехи, чрезвычайно удобны в эксплуатации и производительны. Конструкция станков постоянно улучшается. Завод выпустил уже 1 227 таких станков. 2 и 3. Токарно-винторезные станки «ДИП-300» и «ДИП-400» такого же типа, как и предыдущие, но более мощные, позволяющие обрабатывать крупные детали; таких станков изготовлено уже 115 шт. 4 и 5. Многолезцовые станки МТ-20 и МТ-30 типа «Сан-Стренд» — основной станок для авто-тракторной промышленности. Станки эти предназначены для обработки коротких деталей и дают высокую производительность благодаря одновременной работе нескольких резцов. Таких станков изготовлено уже 98 шт. 6. Зубодолбежные станки типа «Феллоу» — быстроходные и высокопроизводительные. Изготовлены вначале для расшивки узкого места завода — зуборезного парка. Эти станки показали прекрасную работу, ни в чем не уступающую работе заграничных станков. Сейчас эти станки

производятся для заводов СССР. Уже изготовлено 16 шт. 7. Станки для глубокого сверления ТСО с расстоянием между центрами 9 м. Станок имеет оборонное значение. 8. Центровально-сверлильный станок ЦС-15. 9. Модернизированный токарный станок ТН-20 с индивидуальным приводом от мотора. 10. Станок ТН-27. К октябрьской годовщине завод выпустил еще 2 станка: 1) тяжелый токарный станок ДИП-500 большой мощности, предназначенный для тяжелого машиностроения и транспорта; 2) затыловочный станок типа Рейнекер для задней заточки фрез.

Все перечисленные станки (кроме станков ТН-20 и ТН-27) еще 2 года назад ввозились и з-за границы. Только за 1933 г. завод сэкономил стране 1 380 тыс. руб. в золотой валюте и 4 100 тыс. руб. за 1934 г. Выпуская новые станки, завод не только не снижал выпуска, но, наоборот, увеличивал его из года в год.

Выпуск завода (в миллионах рублей в ценах 1934 г.)

1931 г.	15,24	1933 г.	21,63
1932 »	17,80	3 квартал 1934 г.	20,85

Высший класс технической культуры заключается сейчас для завода в том, что наряду с копированием лучших немецких и американских образцов все большее и большее место должны занять собственные отечественные конструкции, созданные на самом заводе. «Красный пролетарий» как старейший машиностроительный завод должен стать рассадником станкостроительной культуры, обгоняя капиталистическое станкостроение не только в области технологии, но и в области конструкции. Поэтому сейчас особое внимание уделено укреплению конструкторского бюро и выращиванию кадров конструкторов. Конструкторское бюро завода расширено примерно в 3 раза, 6 станков выпущено им за 9 мес. этого года, еще 3 предстоит выпустить. Звание конструктора стало почетным на заводе. Создан экспериментальный цех, задачей которого является выпуск опытных станков перед спуском их в основные цехи для серийного производства. За время своего существования экспериментальный цех выпуском проверил конструкцию 6 станков.

Есть еще немало дефектов и недоделок на заводе. Еще не использованы многие резервы, могут быть еще больше снижены брак и накладные расходы, еще слишком мало проделано в области культуры труда, много ломается инструментов. Только начинает налаживать свою работу цех тяжелого станкостроения, созданный на месте бывшего дизельного цеха. Но завод твердо стоит на ногах. Он нащупал пути и методы работы, имеет свой опыт, неплохие кадры, крепкую партийную организацию. И он безусловно пойдет вперед, одержит новые победы на важнейшем участке индустриализации — в области станкостроительной промышленности, освобождающей СССР от иностранной зависимости.

О формальном и реальном подчинении труда капиталу

Маркс различает формальное и реальное подчинение труда капиталу.

Эти понятия отражают различные ступени исторического развития капиталистического способа производства.

Капиталистические производственные отношения долгое время вызревали в недрах феодальной формации, прежде чем капитализм стал господствующим способом производства, подчиняющим своим закономерностям движение всего общественного хозяйства.

Капиталистические отношения возникают еще до того, как буржуазная революция расчищает путь для дальнейшего более форсированного их развития.

«Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества»¹.

До развития фабрично-заводской индустрии капитализм развивался на базе подчинения себе разлагающихся докапиталистических хозяйственных форм. Эксплуатируя эти формы, капитал еще долгое время не в состоянии преобразовать самый производственный процесс, не в состоянии внести коренной революции в старый способ труда.

Торговый капитал, так же как и ростовщический, есть старейшая форма капитала. Он существовал задолго до капиталистического способа производства—в античной и феодальной формациях, разлагая старые отношения, увеличивая денежное обращение, но не изменяя самого способа производства.

Торговый, равно как и ростовщический капитал не обязательно в своем развитии эволюционирует к капиталистическому способу производства.

«В какой степени она (торговля—Г. Д.) влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е., какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства»².

Необходимы были особые условия, существовавшие в Западной Европе в XV и XVI в. (великие географические открытия, приток драгоценных металлов из Америки в Европу, специфический аграрный строй, цеховое ремесло и т. д. и т. п.), для того чтобы торговый капитал содействовал разрушению старых общественных форм.

«Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система,—все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства» (Маркс). Значительную роль сыграло проникновение торгового капитала в мелкотоварное производство, все более тесное сращивание с ним, в результате чего он перерастает в капитал промышленный.

Итак, в эту эпоху капитал, не внося коренной революции в самый способ труда, развивался на основе подчинения себе старых—докапиталистических—общественных форм. Эту эпоху можно назвать предьсторией капитализма. Только таким путем были созданы условия для промышленного переворота конца XVIII столетия, в результате которого сложился капиталистический способ производства в собственном смысле слова.

Вместе с тем эта эпоха характеризуется преобладанием формального подчинения труда капиталу.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 1932 г., стр. 196.

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, Гиз, 1927 г., стр. 256.

Что понимает Маркс под последним в отличие от реального подчинения труда капиталу?

Формальное подчинение труда капиталу есть «подчинение труда капиталу на основе наличного процесса труда, существовавшего до этого подчинения его капиталу...»³.

«Это составляет большой контраст развивающемуся в дальнейшем ходе капиталистического производства специфический капиталистическому способу производства (труд в крупном масштабе и т. д.), который одновременно с отношениями различных агентов производства революционизирует способ этого труда и реальный характер всего процесса труда. Именно в противоположность последнему мы называем рассматриваемое до сих пор подчинение труда капиталу (подчинение способа производства, развившегося еще до появления капиталистического отношения) «формальным подчинением труда капиталу»⁴.

Какой метод повышения нормы эксплуатации связан с формальным подчинением труда капиталу?

Капиталист повышает норму прибавочной стоимости двумя способами.

Последняя может расти при неизменности необходимого рабочего времени — только путем удлинения рабочего дня, увеличения массы труда, которую капиталист выжимает из рабочего в процессе производства. Такой метод есть метод абсолютной прибавочной стоимости.

В отличие от последнего метода относительной прибавочной стоимости характеризуется ростом степени эксплуатации за счет сокращения стоимости рабочей силы, необходимого рабочего времени при неизменной длине всего рабочего дня. Общим основанием для создания абсолютной и относительной прибавочной стоимости является известное развитие производительных сил; последние должны достичь такого уровня, чтобы сверх покрытия элементарных жизненных потребностей рабочего обеспечить возможность производства дополнительных ценностей, материального фонда прибавочной стоимости.

«Абсолютная и относительная прибавочная стоимость имеют то общее, что они предполагают известную степень производительной силы труда. Если всего рабочего дня, всего рабочего времени, которое находится в распоряжении человека... достаточно лишь для того, чтобы прокормить себя самого (или в лучшем случае еще свою семью), то исчез бы прибавочный труд, прибавочный продукт и прибавочная стоимость»⁵.

Поскольку производство абсолютной прибавочной стоимости есть удлинение рабочего дня за те границы, в пределах которых воспроизводится стоимость рабочей силы, постольку относительная прибавочная стоимость абсолютна.

В этом смысле «производство абсолютной прибавочной стоимости образует общую основу капиталистической системы»⁶.

Но вместе с тем производство абсолютной прибавочной стоимости, которое «связано только с длиной рабочего дня», резким образом отличается от производства относительной прибавочной стоимости, которое «революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки» (Маркс).

Последнее вытекает из того, что «производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства» (Маркс).

Маркс неоднократно подчеркивает, что формальное подчинение труда капиталу базируется на абсолютной прибавочной стоимости.

Стационарность техники, преобладание простой капиталистической кооперации исключают возможность значительного развития общественных производительных сил.

Но без последнего немислимо снижение стоимости рабочей силы, удешевление предметов потребления рабочего класса.

На этой стадии развития капитализма повышение степени эксплуатации может совершаться только путем удлинения рабочего дня.

Вот почему Маркс подчеркивает теснейшую связь формального подчинения труда капиталу с абсолютной прибавочной стоимостью.

«Покоящуюся на абсолютной прибавочной стоимости форму я называю формальным подчинением труда капиталу, ибо она лишь формально отличается от прежних способов производства, на основе которых она непосредственно возникает (вводится)»⁷.

Не менее решительно формулирует Маркс эту мысль в другом месте:

³ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 93.

⁴ Там же.

⁵ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 330.

⁶ Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1929 г., стр. 395.

⁷ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 101.

«Этот процесс (производство абсолютной прибавочной стоимости—Г. Д.) может совершаться и действительно совершается на основе таких способов производства, которые получены от истории без содействия капитала. В таких случаях происходит лишь формальный метаморфоз или, говоря иначе, капиталистический способ эксплуатации отличается от прежних, как например от рабовладельческой системы и т. д., только тем, что в одном случае прибавочный труд отнимается прямым принуждением, а в другом в качестве посредствующего звена является «добровольная» продажа рабочей силы. Следовательно, производство абсолютной прибавочной стоимости предполагает лишь формальное подчинение труда капиталу»⁸.

«Для производства абсолютной прибавочной стоимости вполне достаточно формального подчинения труда капиталу...»⁹.

Все это не означает конечно, что производство абсолютной прибавочной стоимости исчерпывается формальным подчинением труда капиталу. Напротив, только введение машин, только развитие собственно капиталистического способа производства создали мощный стимул к безграничному высасыванию рабочей силы, к непомерному удлинению рабочего дня. Уже в XVI, XVII и XVIII столетиях совершается наступление на рабочий день; государство приходит на помощь подымающемуся капитализму, устанавливая минимальный рабочий день таких размеров, чтобы обеспечить наивысшую эксплуатацию работника. Однако лишь «со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII в. начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающую все препятствия, движение в этой области» (Маркс).

Таким образом производство относительной прибавочной стоимости не только не исключает, но стимулирует производство абсолютной прибавочной стоимости. Бешеная погоня за абсолютной прибавочной стоимостью, разрушающая «всякие пределы, которые ставятся правами и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи» (Маркс), встречает все усиливающееся сопротивление рабочего класса, вынуждающего буржуазное государство в законодательном порядке несколько ограничить непомерные аппетиты капитала.

Маркс далее, развивая понятие формального подчинения труда капиталу, говорит о нем не только как об особой, но и как о всеобщей форме капиталистического производства.

«Процесс труда становится средством процесса увеличения стоимости, процесса самовозрастания стоимости капитала—производства прибавочной стоимости. Процесс труда подчиняется капиталу (это его собственный процесс), и капиталист вступает в него как управляющий, как руководитель; и этот процесс есть для него вместе с тем непосредственно процесс эксплуатации чужого труда. Это я называю формальным подчинением труда капиталу.

Это—всеобщая форма всякого капиталистического процесса производства; но это вместе с тем особенная форма наряду с развитым специфически капиталистическим способом производства, так как последний включает в себя первую, между тем как первая вовсе не включает в себя обязательно последнюю»¹⁰.

Итак, формальное подчинение труда капиталу, так же как и абсолютная прибавочная стоимость, есть всеобщая и вместе с тем особенная форма. В приведенных выше строках Маркс дает определение формального подчинения труда капиталу как всеобщей формы капиталистического процесса производства.

Капиталистическая эксплуатация предполагает чисто денежные отношения между контрагентами сделки—капиталистом и рабочим—до процесса производства.

Хотя они и противостоят друг другу формально как простые товаровладельцы, но объективные (средства производства) и субъективные факторы трудового процесса (средства потребления) противостоят рабочему как чужая собственность, как капитал.

Поэтому-то капиталист и является руководителем производственного процесса, который становится процессом самовозрастания капитала, создания прибавочной стоимости.

Следует отметить, что формальное подчинение труда капиталу как всеобщая форма процесса производства получает полное развитие лишь тогда, когда капитал революционизирует самый производственный процесс, реально овладевает им. Лишь на основе сложной капиталистической кооперации, лишь на основе мощного развития производительной силы общественного труда становится возможным создание чисто капиталистических производственных отношений, не покоящихся на каких-либо отношениях личного господства и зависимости, с одной стороны, и полный отрыв производителя от средств производства—с другой.

⁸ Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1929 г., стр. 395; подчеркнуто мной.

⁹ Там же, стр. 396.

¹⁰ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 89, 91.

* *
*

Переход к формальному подчинению труда капиталу, как указывает Маркс, совершается в следующих формах:

1. Переход от докапиталистических форм эксплуатации (рабство, крепостничество, вассальные отношения, патриархальные и другие формы подчинения). Здесь происходит только изменение формы этого отношения. Форма становится с в о б о д н о е, потому что она (теперь) имеет в е щ н ы й характер, формально добровольная, чисто экономическая»¹¹.

2. Подчинение торговому капиталу самостоятельных разрозненных мелких товаро-производителей (ремесленники, крестьяне).

3. Средневековое цеховое ремесло. Капиталистическое развитие его выражается в дальнейшем росте свойственных ему антагонизмов позднего средневековья, в ломке патриархальных отношений между мастером и подмастерьями, в росте капитала, приобретающего все более обезличенную денежную форму в отличие от специфически в е щ н о й формы, привязывавшей его ранее к определенной сфере ремесла, и т. д.

Мастер становится капиталистом. Он становится мастером как капиталист, а не капиталистом как мастер. Подмастерья превращаются в наемных рабочих.

Особый интерес представляет для нас вторая и — в меньшей степени — третья форма, поскольку здесь торговый капитал уже начинает функционировать как промышленный капитал, поскольку в своей дальнейшей эволюции эти формы создают предпосылки для реального подчинения труда капиталу, исходной формой которого является капиталистическая мануфактура.

Проникновение торгового капитала в промыслы мелких производителей совершается как путем превращения купца в промышленника («купец становится промышленником, или, точнее, заставляет работать на себя ремесленную, в особенности же сельскую мелкую промышленность» (М а р к с)), нередко используя посредничество мелких мастеров, так и путем эволюции крепкого производителя в купца, ставящего в зависимость от себя прежних сотоварищей по работе.

Владимир Ильич в «Развитии капитализма в России» подробно анализирует конкретные формы проникновения торгового капитала в мелкие крестьянские промыслы в России, характеризующие также различные исторические ступени развития простой капиталистической кооперации.

Эти формы следующие:

1) скупка изделий торговцами (или хозяином крупной мастерской) у мелких самостоятельных товаропроизводителей; скупщик нередко является монополистом на местном рынке;

2) соединение торгового капитала с ростовщичеством: скупщик кредитует производителя, долг погашается товарами; эта форма в высокой степени з а к а б а л я е т производителя;

3) расплата за изделия товарами. «Особенность этой формы состоит в том, что она свойственна не одним только мелким промыслам, а всем вообще неразвитым стадиям товарного хозяйства и капитализма» (Л е н и н);

4) расплата за изделия средствами производства (сырье, вспомогательные материалы и т. д.), необходимыми кустарю для изготовления товаров. «Это означает очень крупный шаг в развитии капиталистических отношений» (Л е н и н);

5) скупщик прямо раздает материал «кустарям»; кустарь, формально оставаясь самостоятельным, фактически превращается в наемного рабочего на дому.

Вместе с тем скупщик превращается в промышленного капиталиста.

Здесь мы видим, как постепенно торговый капитал, разлагая самостоятельные промыслы и подчиняя себе мелкого товаропроизводителя, в конечном счете низводит последнего на положение наемного рабочего.

Формальное подчинение труда капиталу на основе «старого способа производства», зарождаясь в первых трех формах, достигает значительного развития в четвертой, но особенно в пятой форме.

Однако не всегда эксплуатация мелкого производителя ростовщическим или торговым капиталом приводит к формальному подчинению труда капиталу. Последнее имеет место только в том случае, если создается капиталистическое производственное отношение, если мелкий производитель эволюционирует в сторону превращения в с в о б о д н о г о наемного рабочего, а его средства производства — в господствующий над ним капитал, если создаются условия для зарождения капиталистического способа производства. Маркс указывает на «ублюдочные формы, при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения и, с другой стороны, е щ е не выступило его ф о р м а л ь н о е подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. Наряду с самостоятельным

¹¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VI), стр. 107.

производителями, занимающимися ремеслом или земледелием в традиционных, унаследованных от предков формах, выступают ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, паразитически эксплуатирующий их.

Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, именно она может составить переходную ступень к этому последнему, что было в конце средних веков» (подчеркнуто мной—Г. Д.)¹³.

В зарождении формального подчинения труда капиталу огромное значение имеет величина капитала. «Различие формально подчиненного капиталом труда от прежнего способа применения труда выступает в таком же объеме, в каком возрастает величина капитала»¹⁴.

«Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала была необходима для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от ручного труда, для превращения мелкого мастера в капиталиста для того, чтобы формально создать капиталистическое отношение»¹⁴.

Оставляя самый способ труда неизменным, формальное подчинение труда капиталу вместе с тем сообщает трудовому процессу большую непрерывность, интенсивность, продолжительность. Именно в этом направлении развивается повышение степени эксплуатации мелких производителей, ибо, как особенно подчеркивает Маркс, формальное подчинение труда капиталу — в силу неизменности технологии процесса — базируется на абсолютной прибавочной стоимости.

Вместе с тем уже на этой первичной стадии капиталистического способа производства возникает также и имманентная последнему мистификация.

«Способность труда сохранять стоимость выступает как способность капитала к самосохранению, способность труда создавать стоимость—как способность капитала к самовозрастанию, и в целом, по существу понятия, о в е щ е с т в л е н н ы й труд выступает как фактор, применяющий ж и в о й труд»¹⁵.

* * *

Простая капиталистическая кооперация накапливает условия, необходимые для зарождения и развития реального подчинения труда капиталу. Что понимает под последним Маркс в отличие от формального подчинения труда капиталу?

«Подобно тому, как производство абсолютной прибавочной стоимости может рассматриваться как материальное выражение формального подчинения труда капиталу, так производство относительной прибавочной стоимости может рассматриваться как выражение реального подчинения труда капиталу»¹⁶.

«Реальное подчинение труда капиталу развивается во всех тех формах, которые развивают относительную прибавочную стоимость в отличие от абсолютной»¹⁷.

Итак, относительная прибавочная стоимость—в отличие от абсолютной—базируется на присвоении капиталом могучей производительной силы обобществленного труда, на крупных масштабах производства, на революционизировании самого производственного процесса.

Капиталистические производственные отношения стимулируют развитие соответствующих им могучих производительных сил и, с другой стороны, «изменение материального образа составляет базис для развития капиталистического отношения, адекватный образ которого поэтому соответствует определенной степени развития производительных сил труда»¹⁸.

Первая ступень в реальном подчинении труда капиталу — мануфактура — кооперация, основанная на разделении труда.

Мануфактура в корне революционизирует способ производства, в отличие от простой кооперации. Исходной точкой переворота здесь служит рабочая сила, а не средство труда, как это имеет место при зарождении крупной фабричной заводской промышленности. Мануфактура, развивая новую общественную производительную силу труда, «как специфически капиталистическая форма производства... есть лишь особый метод производить за счет рабочего относительную прибавочную стоимость»¹⁹.

¹³ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1927 г., стр. 396.

¹⁴ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 105.

¹⁵ Маркс, Капитал, т. I, стр. 247; подчеркнуто мной.

¹⁶ «Архив Маркса и Энгельса». т. II (VII).

¹⁷ Там же, стр. 101.

¹⁸ Там же, стр. 121.

¹⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 121.

²⁰ Маркс, Капитал, т. I, стр. 276.

Способность мануфактуры производить относительную прибавочную стоимость (вспомним, что последняя основана на реальном подчинении труда капиталу) базируется на повышении производительности труда рабочего.

Последнее своим исходным пунктом имеет не столько революционизирование средств производства, сколько переворот в самом характере рабочей силы. Техническим остовом мануфактуры является ручная ремесленная техника. Но сам, крупный общественный характер производства создает новую производительную силу.

Коллективный характер производственного процесса дает следующие преимущества:

1) экономия на средствах труда (помещение, освещение, отопление, более полное использование инструментов и т. д.);

2) повышение производительной силы труда благодаря превращению работника в детального рабочего — придавок к частичному орудии мануфактуры; превращение рабочего в урод, гипертрофированное развитие одной или немногих способностей за счет подавления остальных есть свойственная мануфактуре (и капиталистической фабрике) форма роста производительной силы труда;

3) усовершенствование детальных орудий, основанное на раздроблении трудового процесса на массу отдельных операций, применительно к которым приравнивается специализация детальных рабочих, что создает в дальнейшем техническую основу для машины и т. д.

Мануфактура, вклинивая подлинно капиталистический способ производства (реальное подчинение труда капиталу) в море мелкотоварных хозяйств, уже изъеденных червоточиной господства торгового капитала, неспособна еще произвести коренного переворота в общественных отношениях производства, неспособна еще подтолкнуть экспансию капитализма вширь и вглубь настолько, чтобы он стал подлинно господствующим и преобладающим способом производства. «Мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Как экономический кунштюк возвышалась она на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности»²⁰.

Широкое развитие городских и сельских «промыслов», подчиненных торговому капиталу, развитие домашней промышленности — питательная база развития мануфактуры, так же как и сама мануфактура, дает мощный толчок развитию домашней промышленности и всевозможных форм закабаления мелкого производителя торговым капиталистам-мануфактуристам.

Таким образом первая ступень реального подчинения труда капиталу развивалась на широкой основе формального подчинения труда капиталу, как оной формы капиталистической эксплуатации. Это обстоятельство неоднократно подчеркивает Ленин в полемике против народников, не видевших органической связи между так называемыми «народными» промыслами (формальное подчинение труда капиталу) и капиталистической мануфактурой (реальное подчинение труда капиталу).

Владимир Ильич говорит о «росте мелких... промыслов как выражении роста капиталистической мануфактуры», о самой тесной и неразрывной связи между торговым и промышленным капиталом, которая «есть одна из наиболее характерных особенностей мануфактуры»²¹.

Зарождаясь в мануфактуре, реальное подчинение труда капиталу получает резкое выражение лишь после промышленного переворота, связанного с возникновением и развитием крупной фабрично-заводской промышленности, когда специфически капиталистический способ производства разворачивает все свои потенции и антагонизмы.

Лишь тогда получает резкое выражение основное противоречие капитализма — противоречие между общественным производством и частным присвоением, одним из важнейших выражений которого является разрыв между тенденцией к неограниченному росту производительных сил и ограниченным платежеспособным спросом широких масс.

«Производство ради производства»... появляется, правда, уже при формальном подчинении труда капиталу, как только вообще непосредственной целью производства становится производить возможно большую и возможно больше прибавочной стоимости. Однако эта имманентная капиталистическому отношению тенденция реализуется адекватным образом и сама становится необходимым условием также и технологически лишь тогда, когда развился специфически капиталистический способ производства и вместе с ним реальное подчинение труда капиталу»²².

Реальное подчинение труда капиталу по мере развития капитализма имеет тенденцию завоевывать все отрасли, где существует лишь формальное подчинение труда капиталу.

²⁰ Маркс, Капитал, т. I, стр. 279.

²¹ Ленин, т. II, изд. 2-е, стр. 342.

²² «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 125.

Например введение машин в прядении повлекло применение машин в ткачестве, развитие машинного производства вызвало необходимость технической революции в самом машиностроении и т. д.

Однако само реальное подчинение труда капиталу зачастую воспроизводит формальное как побочный продукт (например наличие резервной армии, давящей на рынок труда, способствует развитию домашней промышленности и т. д.) или консервирует формальное подчинение труда капиталу, особенно в эпоху империализма, в колониальных и полуколониальных странах.

«Сельское хозяйство колоний... как общее правило, превращается в «свободное» товарное хозяйство путем подчинения докапиталистических форм производства потребностям финансового капитала, усугубления докапиталистических методов эксплуатации путем закабаления крестьянского хозяйства под иго бурно развивающегося торгового и ростовщического капитала, усиления налогового бремени и т. д. и т. п.»²³.

На воспроизводство формального подчинения труда капиталу как побочного продукта капиталистического способа производства Маркс указывает неоднократно. «Как показывает пример современного домашнего труда, известные убудочные формы воспроизводятся частично и на почве крупной промышленности, принимая однако совершенно иную физиономию»²⁴.

В III томе «Капитала» в главе «Противодействующие причины» (тенденции нормы прибыли к понижению—Г. Д.) Маркс подчеркивает роль относительного перенаселения как причины того, что... во многих отраслях производства продолжает существовать более или менее неполное подчинение труда капиталу.

Реальное подчинение труда капиталу (собственно капиталистический способ производства) характеризуется по сравнению с формальным рядом новых черт.

1. Лишь в условиях реального подчинения труда капиталу создается подлинно общественное производство, создаются гигантские производительные силы, скачкообразно повышается накопление общественного богатства.

Энгельс говорит о «громадной способности крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается детской игрушкой».

Лишь на основе общественного производства становится возможным систематическое применение машин для повышения производительных сил общественного труда.

2. Развитие реального подчинения труда капиталу разрушает пережитки патриархальщины, с которыми связаны взаимоотношения между рабочими и капиталистом в условиях неразвитого капиталистического производства. Присвоение прибавочной стоимости все более становится функцией безличного капитала, как такового, освобождаясь от такого атрибута, как личные достоинства капиталиста (экономия, прилежание, личное руководство предприятием и т. д.). Оправдание прибыли «трудом» капиталиста все более становится анахронизмом, ибо капиталистическое производство не только «освободило от труда значительную часть рабочего класса, выведя его в тираж, но давно уже освободило от всякого труда капиталистических магнатов, превратив их в простых паразитов. Этот процесс связан с развитием банков, с развитием рантьеерских слоев, с ростом акционерных обществ, со сращиванием в эпоху империализма промышленного и банковского капитала в капитал финансовый».

3. Вместе с тем усиливается имеющая место уже при формальном подчинении труда капиталу свойственная этому способу производства мистификация.

«... Субъективные производительные силы труда представляются производительными силами капитала»²⁵.

«Мистификация, заложенная в капиталистическом отношении вообще, теперь развивается гораздо дальше, чем это было и могло быть лишь при формальном подчинении труда капиталу»²⁶.

4. Реальное подчинение труда капиталу означает полное подчинение рабочего капиталу, окончательное превращение его в принадлежность последнего, разрушение остатков и иллюзий самостоятельности, имеющих еще место при формальном подчинении труда капиталу.

Машинное производство создает материальную возможность раскрепощения трудящегося — уменьшения рабочего времени, облегчения труда, более всестороннего развития различных способностей человека и т. д. и т. п.

Но капиталистическое применение машин превращает последние в орудия чудовищной эксплуатации, в средства закабаления трудящихся масс, в орудие снижения жизненного уровня, физического и духовного вырождения.

²³ «Коммунистический интернационал в документах». Резолюция VI Конгресса, стр. 839.

²⁴ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1929 г., стр. 396.

²⁵ Маркс, Капитал, т. III, ч. I, изд. 1929 г., стр. 18.

²⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 99.

Машина разрушает патриархальные устои семьи. Женщины и дети становятся объектом эксплуатации. Пролетарий становится не только продавцом своей рабочей силы, но и «рабовладельцем» — он продает капиталисту рабочую силу жены и детей. В горнило выжимания прибавочной стоимости втягивается вся семья.

Мануфактура, требуя известной квалификации и выучки рабочего, ограничивается в основном применением труда взрослых рабочих.

Труд женщин и детей эксплуатировался капиталом лишь постольку, поскольку с мануфактурой было тесно связано домашнее производство; последнее было, с одной стороны, питательной базой, с другой — следствием развития мануфактуры. Но эксплуатация семьи в условиях мануфактурного капитализма основывалась на формальном подчинении труда капиталу. Лишь фабрика реально подчиняет капиталу всю наличную рабочую силу пролетариата.

Введение машин создает материальную возможность сокращения рабочего времени, повышения жизненного уровня пролетариата.

Но, будучи при капитализме орудием высасывания прибавочной стоимости, машина стимулирует удлинение рабочего дня и понижает уровень жизни рабочего.

Машинное производство, развитие общественных связей и мирового рынка создают предпосылки для более всестороннего и гармонического развития духовных и физических способностей человека. Миграции капитала, служащие основой миграции рабочего населения, частая и нередко принудительная смена занятий и профессий (безработица), — все это ломает прежнюю традиционную пожизненную привязанность к одной отрасли, к одной профессии.

Освобождая капитал от его вещной ограниченности, привязывавшей его к определенной сфере производства, реальное подчинение труда капиталу, с другой стороны, освобождает от этой ограниченности труд.

Но вместе с тем фабричное капиталистическое производство воспроизводит мануфактурное разделение труда. Машина создает техническую возможность уничтожения мануфактурного разделения труда, при котором рабочий пожизненно прикрепляется к определенной специальности и превращается в придаток частичного орудия мануфактуры. Производительность труда мануфактурного рабочего определяется в первую очередь ловкостью и искусством рабочего, умением его оперировать частичными орудиями мануфактуры.

Машина, будучи комбинацией частичных орудий, не нуждается в столь узкой специализации, как мануфактура.

Но капиталистический способ производства возрождает мануфактурное разделение труда в фабрично-заводской промышленности, поскольку оно является существенным рычагом понижения стоимости рабочей силы, роста относительной прибавочной стоимости.

«Пожизненная специальность: управлять частичным орудием превращается в пожизненную специальность: служить частично машине» (М а р к с).

Подчинение рабочего средству производства, превращение его в ошуженный придаток капитала достигают наивысшей ступени. Если в ранний период реального подчинения труда капиталу мануфактурный рабочий еще заставляет орудие служить себе, если здесь движение орудия труда еще исходит от него, то развитое реальное подчинение труда капиталу превращает рабочего полностью в придаток машины, в колесо из мяса и костей, прикованное к железному каркасу машины.

В условиях развитого реального подчинения труда капиталу достигает предельных степеней противоречие между физическим и умственным трудом. Голова отрывается от рук. «Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности» (М а р к с).

Машина лишает труд всякого содержания. «Не рабочий применяет условия труда, а, наоборот, условия труда применяют рабочего» (М а р к с).

Принудительная необходимость частой смены занятий и профессий, огромная текучесть рабочей силы уживаются с уродливым мануфактурным разделением труда. Рабочий в с е г д а, какую бы частичную машину он ни обслуживал, является придатком этой машины, источником прибавочной стоимости, высасываемой средством труда.

Сочетание всесторонней подвижности рабочего, обусловливаемой природой крупной промышленности, со старым разделением труда с его закостенелыми специальностями является источником величайших мук рабочего класса. Капитализм, обрушивая в погоне за прибавочной стоимостью чрезмерный труд на занятую часть рабочего класса, обрекает другую его часть на вынужденное безделье.

«Капиталистическое производство... на одну часть рабочего населения взваливает чрезмерный труд, а другую держит про запас в положении нищих или полуннищих, как резервную армию» (М а р к с).

Неизбежным спутником капиталистического производства и необходимым условием его развития является резервная армия во всевозможных ее формах (скрытая, застойная безработица).

Развитие реального подчинения труда капиталу, накапливая и концентрируя богатства на полюсе капитала, обрекает подавляющую часть трудящегося населения на муки вынужденной праздности, перемежающейся с пароксизмами чрезмерного труда

5. Капиталистическое развитие производительных сил и обобществление производственного процесса совершаются на основе все углубляющихся противоречий и антагонизмов. Капиталистический способ производства все в большей мере становится тормозом развития производительных сил, и здесь сказывается историческая ограниченность этого способа производства. В эпоху общего кризиса капитализма конфликт между созданным капитализмом общественным производством и его исторической оболочкой принимает катастрофические формы: он выражается в небывалом обострении проблемы рынка, в опустошительных и затяжных периодических кризисах, в хронической недогрузке предприятий, в создании чудовишной застойной безработицы, в глубочайшем послевоенном аграрном кризисе, в созревании революционного кризиса, в создании победоносной диктатуры пролетариата в СССР, в подъеме классовой борьбы пролетариата на новую, высшую ступень.

В эпоху общего кризиса капитализма, начатую мировой войной 1914—1918 гг. и Октябрьской революцией 1917 г. в России, международный пролетариат практически осуществляет свою великую историческую миссию уничтожения капитализма, утверждения диктатуры пролетариата как эпохи всесторонней подготовки коммунистического общества.

В этой борьбе величайшую роль играет субъективный фактор побед — пролетарская коммунистическая партия, ведущая пролетариат в союзе с мелкобуржуазными резервами на штурм твердынь капитализма.

ПО СТРАНИЦАМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

Новейшие „откровения“ англо-американской политэкономии

Я. С.

(Из работ библиотеки Комакадемии)

The Quarterly Journal of Economics. Nr. 2, February, 1934, Nr. 3, May, 1934.

Издаваемый по-квартально при Гарвардском университете в США теоретико-экономический журнал «Q. J. E.» принадлежит к числу наиболее солидных и интересных буржуазных экономических журналов вообще. Журнал этот, в котором в течение ряда десятилетий принимали участие виднейшие представители англо-американской школы политэкономии Кларк, Зелигман, Маршалл и др., до сих пор остался средоточием представителей этой школы, и по его последним выпускам можно судить о «путях и перепутьях» в развитии этого направления буржуазной экономической теории.

Надо однако прямо сказать: ознакомление с новейшими взглядами «англо-американцев», поскольку эти взгляды отразились в журнальных статьях и обзорах, вызывает у читателя чувство разочарования. Создается впечатление неимоверной сухости и бесплодия—словно попал в какую-то Сахару экономической мысли—кругом, куда ни глянь, пески схоластических рассуждений и засохшие кустики кривых и ломаных линий, иллюстрирующих абстрактные алгебраические формулы. Каждый номер журнала напоминает своим внешним видом сборник дифференциальных уравнений или учебник аналитической геометрии—до того он наполнен всякими формулами, векторами, параболами и т. п. Не вдаваясь в оценку достижений англо-американцев в математической области, посмотрим, до чего они в данный момент дошли в деле развития своей экономической теории.

Начнем с методологии. В майском номере «Q. J. E.» помещена большая статья о предмете экономической науки социолога Талкотта Парсонс, озаглавленная «Некоторые соображения о природе и значении экономической науки». Статья эта носит полемическую форму. Она направлена против двух представителей англо-американской школы Л. Роббинса и Р. Саутера. Автор упрекает Роббинса в «радикальном позитивизме», не видящем «целей», которые ставят себе люди в своей деятельности, и наблюдающем лишь «тенденции» и «данные». Критика Саутера, упрекающего Роббинса в «статическом формализме», кажется автору правильной, но недостаточной, ибо основным у Роббинса является, по мнению автора, недооценка роли «психологических импульсов» и субъективных целей, преследуемых отдельными людьми. В противоположность Роббинсу и Саутеру автор выдвигает на первый план субъективный элемент, а именно—соотношение между средствами и целями. Он строит целую цепь соотношений между средствами и целями. В начале этой цепи стоят «крайние средства», к которым Талкотт Парсонс относит «нечеловеческую среду» и «человеческую природу». В конце цепи стоят «конечные цели», о которых Парсонс нигде ничего определенно и не говорит, но под которыми повидному он понимает субъективные конечные цели отдельных индивидов, которые стихийно сливаются в цели всего общества. Между этими крайними пунктами находится «промежуточный сектор», представляющий собой «переплетение промежуточных средств и целей».

Свою цепь средств и целей Т. Парсонс кладет в основу всей классификации наук. «Крайние средства» охватываются у него географией, физикой, химией, биологией и психологией. Все это «науки о среде». Им он противопоставляет «науки о действии», изучающие «промежуточные средства и цели». Эти «науки о действии» разделяются на три подсекции—технологическую, экономическую и политическую—и возглавляются социологией.

Вся эта классификация наук представляет собой не что иное, как несколько видоизмененную схему Огюста Конта и Спенсера. Нового в ней почти ничего нет, и читатель в недоумении спрашивает, для чего нужно было трагить столько усилий, когда все это гораздо проще изложено у старых позитивистов. Экономической науке Парсонс, как мы видели, отводит изучение части «промежуточных средств и целей», причем

определяет ее как «науку, изучающую человеческие действия постольку, поскольку их можно рассматривать как рациональный процесс приобретения и распределения между различными назначениями скудных средств для удовлетворения потребностей».

В этом определении, как в зеркале, отражается сущность англо-американской школы: ее атомизм и субъективизм. Многообразная и яркая картина буржуазного общества с его гигантскими производительными силами, с его классовой борьбой, конкуренцией, кризисами перепроизводства и т. д. превращается под руками представителей англо-американской школы в какую-то холодную пустыню, в которой «субъективные» песчинки—хозяйствующие субъекты—«рационально» распределяют скудные средства для удовлетворения потребностей.

Однако Парсонс и сам чувствует, что атомистическая политэкономия в наш век острой классовой борьбы, монополий и широкого государственного вмешательства в экономическую жизнь не может пользоваться особым успехом и что данное им определение нуждается в поправках. Такую поправку он вносит в виде вмешательства «экономических учреждений» (например монополий, профсоюзов) в весь комплекс хозяйственной деятельности общества. Но, внося эту поправку, он все же считает такое вмешательство «в причинном смысле специфически неэкономическим фактором». Что же получается? Что существеннейшее содержание экономической науки современного капиталистического общества не в состоянии уместиться в устарелой и узкой схеме Парсонса и оказывается за бортом его «экономической науки». А внутри его сферы «экономики», как мы уже видели, царит лишь голая абстракция атомистического субъективизма.

Методологические рассуждения Т. Парсонса отражают в себе топтание на месте англо-американской школы, осужденной на бесплодие благодаря своему атомизму и субъективизму, являющимся своеобразным методом апологетики капитализма.

Центральное место в рецензируемых номерах журнала занимают статьи о «теории ограниченной конкуренции» (limited competition) или «неполной конкуренции» (imperfect competition).

Теория ограниченной конкуренции представляет собой «последнее слово» в «теории» англо-американской школы, и вокруг нее ведется среди экономистов-теоретиков США и Англии наиболее оживленная дискуссия.

Самая проблема «ограниченной конкуренции» ставится так: все учение англо-американской школы основывается на экономическом атомизме, т. е. на предположении, что общество (конечно капиталистическое общество, которое представители школы считают единственно нормальным) состоит из множества единичных хозяйствующих субъектов, конкурирующих друг с другом. Из столкновения интересов бесчисленных экономических атомов—хозяйствующих субъектов—рождаются законы, управляющие развитием общества.

Развитие монополистического капитализма, принявшее в последние десятилетия столь осязательные формы, что не заметить его мог только слепой, поставило англо-американскую школу перед необходимостью как-то приспособить свою теоретическую базу, реконструировать свой экономический атомизм с тем, чтобы дать объяснение явлениям монополий.

О том, как марксизм-ленинизм разрешает проблему взаимодействия между конкуренцией и монополией, мы знаем. Вспомним классическую формулировку Ленина в его «Империализме»: «Монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю». Здесь, на основе изучения конкретной исторической действительности, Ленин изображает диалектику развития монополий и тем самым дает главную методологическую установку, ключ к дальнейшему изучению взаимоотношений между конкуренцией и монополией, к исследованию вопроса о рынках в эпоху монополистического капитализма, о монопольной цене и т. д.

Совершенно иной плоскости ставят ту же проблему новейшие теоретики англо-американской школы: Дж. Робинсон в своей книге «Economics of imperfect Competition» (Об экономике неполной конкуренции) и И. Чамберлин (E. Chamberlin, в «The theory of Monopolistic Competition»). Изложению взглядов Чамберлина посвящена статья Николая (A. J. Nichol) под заглавием «Теория ограниченной конкуренции проф. Чамберлина», помещенная в февральском номере рецензируемого журнала.

Характерной особенностью учения англо-американской школы о монополии является погоня за «математически чистой формулой» и желание оставаться в сфере голых абстракций. Стремясь изобразить влияние монополий на цены, Чамберлин, Робинсон и их последователи понимают монополию в абсолютном смысле—как наличие только одного производителя данного товара, противостоящего в сем потребителям. Если же, по словам проф. Чамберлина, «некоторые продают многим», то это уже не монополия, а «олигополия» или (если налицо имеется два конкурирую-

щих между собой производителя) «дуополия». Чистой монополией англо-американцы противопоставляют «чистую конкуренцию», лишенную всяких ограничений борьбу между множеством производителей и потребителей товаров.

Статья Николая рассматривает вопрос о влиянии «дуополии» и «олигополии» на цены. Основным положением проф. Чамберлина является следующее: «Если конкуренция ограничена борьбой между немногими дальновидными (противниками), то цены обнаруживают тенденцию достигнуть того же уровня, как при чистой монополии. Этот результат достигается не путем соглашения или совещаний, а в результате мыслей и действий каждого независимо от конкурентов» (стр. 319).

Этот далеко не богатый тезис подкрепляется проф. Чамберлином не какими-нибудь исследованиями примеров из области борьбы между монополистическими объединениями, а рядом вымышленных цифровых и алгебраических примеров. Автор статьи Николь возражает против тезиса Чамберлина. Для доказательства он берет двух предположаемых конкурентов M и N, обладающих одинаковыми предприятиями с абсолютно равными издержками производства, продающих один и тот же товар по цене в 28, 24, 20 и 16 денежных единиц за единицу товара. Поговорив о том, что, если M понизит цену, то он привлечет к себе всех покупателей N, и, наоборот, автор «приходит к заключению», явно произвольно, что «если оба конкурента дальновидны, то цена конкурентного товара будет стремиться к 24. С другой стороны, цена (чистой) монополии только 20» (стр. 322). Вывод получается поразительный: «При «чистой монополии» цена на данный товар оказывается ниже, чем при «ограниченной конкуренции». Предвидя вполне естественное изумление неискушенного в тонкостях экономической науки читателя, автор успокаивает его словами: «Нет ничего удивительного в том, что цена при ограниченной конкуренции при таких условиях (?) выше, чем цена при монополии. Часто наблюдается, что при наличии двух конкурирующих магазинов в городе цены выше, чем тогда, когда имеется только один магазин». Этим голословным утверждением и исчерпываются все связи автора с низменной экономической действительностью. Как бы оправдываясь перед читателем, он тут же предлагает «более общее доказательство тенденции ограниченной конкуренции при условии понижающихся переменных издержек, к получению более высокой цены, чем при чистой монополии» (стр. 323). Этим «более общим доказательством» является дифференциальное уравнение, из которого, как повидимому кажется Николу, как дважды два выходит, что «цена при ограниченной конкуренции не может быть ниже цены при чистой монополии» (стр. 315). Отсюда автор, освобождаясь от всяких стеснительных правил логики, делает еще более смелый вывод: «Единственная остающаяся возможность,— заявляет он,— это, что цена при ограниченной конкуренции выше, чем цена при чистой монополии» (стр. 325).

В таком же духе разрешения всех проблем конкуренции и монополии посредством фиктивных арифметических примеров и алгебраических выкладок построена вся статья Николая, все его возражения против проф. Чамберлина, выдвинувшего тезис, не менее далекий от всякой реальной действительности, чем рассуждения Николая, а именно, что «ограниченная конкуренция плюс дальновидность имеют тенденцию во всех случаях приводить к тем же результатам, что и чистая монополия» (стр. 336).

Другая статья на ту же тему помещена в майском номере журнала. Она принадлежит англичанину, преподавателю Оксфордского университета Гарроду, и озаглавлена «Доктрины неполной конкуренции».

Начинается статья с упоминания о монополии и конкуренции, в котором отражается вся «глубина» англо-американской школы. «Полная конкуренция», по мнению автора, царит только в сфере «первичных продуктов» (primary products). Она обычно характеризуется «органом: зованной биржей, через посредство которой могут осуществляться продажи, и полной гомогенностью продуктов конкурирующих предприятий» (стр. 445). Уже это утверждение находится в вопиющем противоречии с действительностью, ибо именно сфера производства таких «первичных продуктов», по выражению автора, как уголь, чугун, медь, шерсть, хлопок и пр., является цитаделью капиталистических монополий. Однако оставим действительность в стороне и последуем за автором в его рассуждениях.

Гаррод заявляет, что понятие абсолютной монополии применимо только к случаям «абсолютной неэластичности спроса», т. е. к таким сортам товаров, которые никак не могут быть заменены другими, родственными им. «Только такой монополист,— говорит он,— который распоряжается не только всем предложением одного товара, но и большой группой товаров, такой как например пищевые продукты, будет находиться в абсолютно господствующей позиции» (стр. 445).

Сила монополии прямо пропорциональна разнородности товаров. «Степень монополии может быть измеряема величиной разрыва между товарами данной разновидности и наиболее подходящими к ним товарами, которые можно получить с другого предприятия» (стр. 446).

Оценивая эту новую «теорию», мы не будем долго распространяться о том, насколько она соответствует реальной действительности: ясно, что это чисто фиктивное построение, не имеющее ничего общего с существующими монополиями в реальном капиталистическом мире. Тем не менее эта искусственно построенная схема монополий имеет определенное апологетическое значение. Выводя монополии из «естественных различий» товаров, Гаррод превращает монополию из исторической категории в абсолютную, внеисторическую, свойственную всем временам и народам категорию, которая представляет не отношения людей, а отношения вещей.

Основным содержанием статьи Гаррода является однако не вопрос о монополии, а проблема влияния «ограниченной конкуренции» на 1) равновесие спроса-предложения; 2) на экономический оптимум и 3) на промышленные циклы.

После целого ряда математических выкладок автор приходит к выводу, что «длительное равновесие (спроса-предложения) совпадает с производственными затратами менее оптимальной величины и с их использованием ниже их оптимальной мощности» (стр. 460). Этим тезисом он пытается подвести если не теоретико-экономическую, то хотя бы алгебраическую базу под наблюдаемую в эпоху общего кризиса капитализма хроническую недогрузку предприятий. Недостаток места не позволяет нам остановиться на оценке такого «математического» обоснования: его основным свойством является фиктивность, о которой вполне можно судить по исходному пункту рассуждений автора: «Если монополист увеличивает свое производство с X до $(X+1)$, то добавочный доход, которого он этим достигает, равняется цене одной единицы (товара—Я. С.), когда он продает $X+1$ ... Такой добавочный доход назван предельным доходом» (стр. 446).

Свое учение о промышленных циклах Гаррод тоже выводит из предпосылок «длительного равновесия» и «уменьшающихся издержек». Методология и тут остается все та же: приводится фиктивный арифметический пример и из него делаются все выводы. Гаррод исходит из существования двух отраслей промышленности А и В. Обе они находятся в «длительном равновесии» между спросом и предложением. Но вот в один прекрасный день по случайному недосмотру или вследствие ошибочного расчета промышленность А сокращает свое производство на 10%. Тогда равновесие в обмене товарами между обеими отраслями промышленности нарушается, и промышленность В, чтобы это равновесие восстановить, тоже сокращает свое производство. Но, принимая во внимание, что издержки производства относительно возрастают при сокращении размеров продукции, промышленность В, чтобы достигнуть сокращения общей суммы издержек производства, должна будет уменьшить размер продукции больше, чем на 10%. Тогда опять получается нарушение равновесия, но на этот раз восстанавливать его будет отрасль промышленности А.

Такого рода объяснение промышленных кризисов было дано еще Пигу в его книге «Industrial Fluctuations». Автор разбираемой нами статьи внес в нее два следующих дополнения: 1) что это относится главным образом к отраслям промышленности с «ограниченной конкуренцией» и 2) что стимулом к поочередному сокращению производства то в одной, то в другой отрасли промышленности является не случайность и не ошибка в калькуляции, а настроение предпринимателей. Гаррод заявляет, что «депрессивное состояние психики ведет к выбору более низкого уровня (для установления равновесия—Я. С.) вместо более высокого» (стр. 470).

Останавливаться на выяснении научной ценности всей этой теории нам представляется излишним. Все математические выкладки и геометрические фигуры, которыми в таком изобилии оснащена статья Гаррода, да и вообще все писания представителей англо-американской школы не могут скрыть убожества их экономической теории. Мало того, что они совсем не замечают сферы производства и плавают исключительно по поверхности явлений обращения, сводя все свои объяснения в конечном счете к соотношению между спросом и предложением, но даже и здесь, в сфере обращения, они сводят все многообразие и сложность экономических процессов в эпоху монополистического капитализма к нескольким примитивным и вульгарным представлениям.

В качестве дополнения к охарактеризованным нами теоретическим изысканиям мы находим в февральском номере журнала статью Вернона Мэнд (Vernon A. Mund), озаглавленную «Цены при конкуренции и монополии. Несколько конкретных примеров». Судя по заглавию статьи, читатель вправе ожидать сравнения монопольных и немонопольных цеп, выяснения их различий и анализа тех элементов, из которых те и другие цены складываются. В действительности автор приводит цены на такие сугубо немонопольные товары, как салат-латук, картофель, яблоки, сушеные бобы и невыделанные меха на Сизэтльской меховой бирже. На основании приведенных в статье таблиц цен на эти товары в различных пунктах США автор приходит к заключению, что различный уровень цен зависит от стоимости перевозки овощей. Что же касается сравнения монопольных цеп с немонопольными, то никаких таблиц тут не дается, а приводятся два примера: кондитерский экстракт «Мальплен», который в течение двадцати лет про-

дается по одной и той же цене, и затем 8-цилиндровый мотор Форда, который по всей стране продается по одной цене без начисления покупателю стоимости перевозки.

На основании этих скудных данных Вернон Мэнд приходит к заключению, что в основе монополий цены лежит дискриминация между различными районами страны, когда например цены устанавливаются единообразные для одной зоны или одной страны, или же между различными покупателями (продажа дешевле тем из них, которые находятся ближе к конкурентам).

Дальше таких поверхностных наблюдений и общих констатаций дело не идет. Это и понятно: учение англо-американской школы о монополии и конкуренции не дает в руки исследователя никакой методологии, на основании которой можно было бы производить научные исследования.

Вообще анализ и изучение современной капиталистической экономики не удастся, да и не может удастся экономистам англо-американской школы. Желая превратить политэкономию в точную науку и в то же время стремясь смазать антагонистический характер и историческую ограниченность капиталистической экономики, англо-американцы находят выход в том, что порывают связь своей «математически точной» политэкономии с экономической действительностью. В результате их теория, как сорвавшийся с привязи детский воздушный шар, устремляется ввысь, в область голый арифметики и алгебры, оставляя грешную землю без экономической науки. Стремление к созданию бесклассовой политэкономии обрекает англо-американцев на бесплодие и нулевой статус.

В обозреваемом журнале печатаются также статьи о старых буржуазных экономистах: В февральском номере напечатана статья С. Р. Фей (С. Р. Fay) об «Адаме Смита, Америке и теоретическом поражении меркантильной системы». В статье дается характеристика взглядов таких старинных экономистов Англии, как Мэлинес, Мэн, Джи и Постлтвейт. Мэлинес, по словам автора, «был пробирным мастером и мыслит в терминах казны и балансов». Мэн—купец, торговавший в Восточной Индии и написавший философию торговли под заглавием «Сокровище Англии во внешней торговле» в 1730 г., был «великим фритредером своей эпохи». Характеризуя Джи и Постлтвейта, автор берет исходным пунктом своей характеристики перемену в экономическом положении Англии в XVIII в. по сравнению с XVII в. и подчеркивает, что взгляды этих двух меркантилистов определялись интересами того класса, который они представляли. Отметив вдобавок, что Постлтвейт был тайным ростовщиком и плагиатором Кантильона, автор с иронией замечает: «Как бы он насмеялся над угрозами совести какого-нибудь Рокфеллера, над правдивостью Хармсворта, пацифизмом Клемансо, сентиментальностью Леопольда!» (стр. 310). Представителям меркантилизма, Джи и Постлтвейту, автор противопоставляет Адама Смита, указывая, что, в то время как меркантилисты являлись представителями узких и своекорыстных интересов купечества английской метрополии и защитниками выгод английской казны, Адам Смит, выступавший за свободу торговли, исходил из общности интересов Англии и Америки и видел в Америке страну будущего, в которой распускается его «любимый цветок свободы» (стр. 315). Статья англичанина С. Р. Фей заканчивается грустной тирадой: «Теперь впервые в истории мира нет такого Нового Света, куда мы могли бы убежать от наших трудностей. Новый Свет, страдающий от тех же бед, так же защищает себя от нашего избытка людей, как мы защищаемся от его избытка продуктов. Отсюда—мощная притягательная сила (арреал) большевизма, который внутри своих собственных границ рвет старую жизнь и переделывает ее в новую... отсюда же в других местах призывы к рационализации, которая является большевизмом без пуль... Неспособные убежать от самих себя, мы прибегаем к последнему средству—мы планируем. Таким путем мы пришли к концу *laissez faire*».

Нет смысла подробно разбирать эти рассуждения. Мы привели их потому, что они характерны для упадочнических настроений в рядах буржуазных экономистов вообще и англо-американских в частности. В то время как одни из англо-американцев порывают с действительностью и занимаются математическим обоснованием фиктивных положений, другие обращаются к отдаленному прошлому, к тем временам, когда Америка была страной больших возможностей и когда вера идеологов буржуазии в чудодейственную силу свободной торговли еще ничем не омрачалась. Экономисты англо-американской школы—типичные декаденты в политэкономии, и последние номера журнала «Q. J. E.» это еще раз подтверждают.

О крепостной мануфактуре в России

(Крепостная мануфактура в России. Часть V. Московский суконный двор. Труды Историко-археографического института Академии наук СССР, т. XIII, 1934 г., стр. 285, ц. 9 руб., пер. 2 руб.).

Рецензируемая V часть «Крепостной мануфактуры в России» посвящена Московскому суконному двору. Она чрезвычайно интересна по своему содержанию. Материалы, содержащиеся в ней, дают представление о нормальном для России XVIII в. процессе возникновения и развития так называемой обремененной мануфактуры. История Московского суконного двора есть своего рода зеркало истории любой из мануфактур подобного рода.

Мануфактура Московский суконный двор была организована мануфактур- и берг-коллегией на казенные средства и, эксплуатируясь первое время как казенное предприятие, пришла в плохое состояние и стала приносить убыток. Поэтому берг-коллегия предложила Петру I в начале 1720 г. передать Московский суконный двор частной купеческой компании.

Верховным собственником и после этой передачи оставалось феодально-крепостническое государство, а Щеголин и его компаньоны, которым был передан суконный двор, имели лишь право владения, но не право собственности. Люди, получившие это владение, были обязаны выполнять указания берг- и мануфактур-коллегии так же, как любой помещик в XVI и XVII столетиях обязан был явиться «люден и оружен» по первому требованию царя, своего сеньора.

Щеголин получил во владение не только фабричные здания со средствами производства, но также и людей: «и мастеров и мастеровых, и что там ныне есть и ко оному заводу принадлежит». Наряду с этим он получил указание также и по поводу того, что он должен делать. Ему и его компаньонам вменялось в обязанность производить сукна, стамеды и каразю, годные для полевых армейских полков, косматые — для адмиралтейства.

Берг- и мануфактур-коллегия явно не справилась с организацией мануфактурного производства. Передача суконного двора «компанейщикам» была одним из тех многих случаев, когда правительство обращалось за помощью в этом деле к частной инициативе.

Для двадцатых и тридцатых годов XVIII в. это явление очень характерно. Купечество привлекалось к этому делу не только добровольно, но также и принудительно. Берг-коллегия приговорила выслать в Москву «компанейщиков», назначенных в компанию со Щеголиным. «И для той их высылки послать с теми указами нарочно из московского гарнизона солдат на их компанейщиков прогонах, чтобы те компанейщики из тех городов высланы были в Москву немедленно на сроки и велеть им явиться на суконном заводе одному компанейщику Щеголину. И о том в московскую губернию послать указ» (стр. 3). Так было сказано в приговоре берг-коллегии, изданном за подписью Брюса.

Но берг-коллегия не понимала, что на применении чистого принуждения к компанейщикам далеко не уедешь, а потому уже в именном указе Петра I от 17 февраля 1720 г. было сказано: «а для умножения и их компанейщиков к тому охоты, за те сукна как у комиссарства за солдатские, так и за косматые в адмиралтействе, первые три года давать им прибыли против истины 10 долю, а по прошествии трех лет ставить им в мундирную канцелярию или продавать купечеству немалым числом повольною ценою, им же компанейщикам, которые сукна и прочее в мундирную канцелярию у них принято не будет, то оное купечеству в ряды продавать 5 лет беспощлинно. И сверх того обнадеежить, что оный завод не возьмется у них и у их детей, покамест они станут содержать его в добром состоянии. Также и вольные службы государевы, кроме оного, никуда из компанейщиков и детей и братьев их, как с ними в одних домах живут не отдавать, и судом и расправою ведать в берг-коллегии, и в домах их компанейщиков, где они сами живут, постою не ставить. И того губернаторам и прочим начальствующим смотреть, дабы оных заводов и промыслов никому никакими мерами не останавливать, под опасением его царского величества гнева

и пени, и платежа им за убыток, которого тою остановкою учинится, денежной платы» (стр. 3).

Этим же именным указом был воспрещен вывоз овчин и овечьей шерсти «из России в другие государства» и кроме того вменено в обязанность компанейщиков создавать кадры квалифицированных рабочих и заботиться об изобретениях.

Однако суконный двор и в руках компанейщиков не процветал. В 1723 г. Щеголин просит царя дать разрешение на покупку 5 тыс. пудов меди с тем, чтобы переделать ее на денежном дворе в полушки, «а за тое покупную медь и задельные деньги мастерам заплатим из техже переделанных полушек. А из компаней компанейщиков, которые за одиночеством ко оной фабрики хотения не имеют, повелено бы было оных от фабрики отрешить на свободу, чтоб от магистрата не было переченя, понеже оные при фабрике содержатся без всякие пользы» (стр. 7).

Тем не менее суконный двор приносил его владельцам больше выгод, чем повинностей. Поэтому после смерти Щеголина между его родственниками возникло дело о том, кому надлежит передать часть Щеголина во владении мануфактурой. Владение обязанными мануфактурами было феодальной привилегией. Благодаря им одна часть купечества приобретала себе более почетное место среди отдельных фракций господствующего класса.

С 1794 г. вплоть до 1813 г. суконный двор был во владении князя Ю. В. Долгорукова.

Другие документы, напечатанные в рецензируемом томе, характеризуют состояние производства, положение рабочих и их борьбу с владельцами мануфактуры.

Техническое состояние крепостных мануфактур не может идти ни в какое сравнение с техническим состоянием капиталистической мануфактуры. Крепостная мануфактура в России никогда не доросла до той стадии, которую Маркс именует органической. Такого глубокого разделения труда, какое имелось в органических мануфактурах, крепостная Россия почти совсем не знала.

Разделение труда на крепостных мануфактурах никогда не сопровождалось превращением рабочего в частичного рабочего.

В рецензируемом томе помещены очень любопытные сведения о социальном происхождении рабочих Московского суконного двора. Там были дети крестьян, дети солдат, дети посадских, дети фабричных и даже духовенства и купцов. Количественное соотношение между ними было следующее. Из общего числа рабочих 1371 чел. в 1733 г. детей крестьянских было 205, детей солдат — 611, детей посадских — 71, детей фабричных — 126, детей купцов — 18, детей духовенства и низших церковных служителей — 23, детей тяглецов различных слобод — 182, детей дворцовых служителей — 47, детей подьячих — 13, детей ремесленников — 18, детей ямщиков — 12 и проч. — 45 (стр. 201).

По специальности они группировались следующим образом: 1) шерсто-снимателей — 52, 2) скребальщиков — 193, 3) кордовщиков — 143, 4) прядильщиков — 523, 5) шпунельщиков — 48, 6) ткачей — 273, 7) сукновалателей — 20, 8) дрогмейдеров — 55, 9) красильщиков — 5, 10) прессовщиков — 3, 11) вспомогательных рабочих — 32, 12) подмастерьев — 5, 13) конторских слуг — 10, 14) неизвестных — 1 (стр. 212).

Отсюда следует, что в Московском суконном дворе разделение труда было довольно значительно, однако особенностью его было то, что рабочие очень легко передвигались из одной специальности в другую, что говорит об отсутствии настоящей специализации среди рабочих данной мануфактуры.

Владельцы мануфактуры для постановки наиболее ответственных работ приглашали мастеров из-за границы. Так, 26 июня 1737 г. Московская суконная мануфактура в лице Степана Болотина заключила контракт с красильным мастером Генрихом Меером (стр. 80), согласно которому Меер должен был в течение трех лет за вознаграждение по 200 руб. в год при суконной мануфактуре красить сукна и кроме того «выучить данных от нас фабрикантов трех человек тому красильному мастерству самым добрым крашениям и всякими разными колерными и красками, как он сам в том мастерстве искусство и знание имеет, безо всякого скрытия и утайки самого сущего правдой» (стр. 81). От 1 января 1736 г. подобный же контракт заключен с красильным мастером Даниэлем Остце.

Здесь приходится пожалеть о том, что материалы, относящиеся к этой стороне развития крепостных мануфактур, имеющиеся в нашем распоряжении, очень бедны и совершенно неразработаны.

На стр. 219 рецензируемой книги помещена таблица с указанием того, чем занимались люди, работавшие на мануфактурах до поступления на «Московский суконный двор». Приводятся данные о рабочих этой мануфактуры за 1739 г. Из 65 шерсто-снимателей лишь двое до поступления на мануфактуру занимались ремеслом, 19 нищенствовали, 21 чел. работал по найму, 7 жили при родных и лишь один работал на мануфактуре. Из 261 скребальщика лишь 4 занимались ремеслом, 9 работали на мануфактуре, 108 чел. нищенствовали, 47 жили при родных и 43 работали

по найму. Из 212 кордовщиков трое торговали, 82 нищенствовали, 64 жили при родных, 21 чел. работали по найму, 7 чел. работали на мануфактуре и лишь один занимался ремеслом. Из 596 прядильщиков 216 нищенствовали, 243 жили при родных, 34 работали по найму, трое торговали, трое работали на мануфактуре и ни один не был ремесленником.

То же самое представляли собой и ткачи. Из общей массы 452 чел. ремеслом занимались до поступления на мануфактуру лишь двое, 152 чел. нищенствовали, 195 жили при родных, 47 работали по найму, один занимался крестьянством и 17 чел. работали на мануфактуре.

Владельцы Московского суконного двора стремились добиться поднятия квалификации рабочих прежде всего за счет прочного закрепления их за мануфактурой на длительный срок. Так, в том же 1739 г. из 65 шерстоснимателей 40 чел. работали на этом предприятии уже по 16 лет и более, 8 чел. — по 11—15 лет, 4 чел. — по 6—10 лет и всего лишь 9 чел. — по 4—5 лет. Только среди скребальщиков из общего числа 261 чел. 120 работали по 16 и более лет, 43 чел. — по 11—15 лет, 58 — по 6—10 лет, 35 — по 4—5 лет.

Конечно не могло быть никакой речи о систематическом обучении рабочих. Обучение велось чрезвычайно примитивно и обязательно сопровождалось порками и побоями.

Интересны также материалы, характеризующие снабжение Московского суконного двора сырьем и орудиями производства, характеризующие оборудование и технику. Они дают возможность от общих разговоров о низком техническом уровне крепостной мануфактуры перейти к конкретному описанию ее технического состояния.

Вышедший сборник вне сомнения является полезной работой.

До сих пор среди марксистов изучением крепостной мануфактуры занимались только историки. Вполне понятно, что они не смогли полностью справиться с данной проблемой. Пора за это дело приняться экономистам.

А. Казарин

О некоторых вопросах истории экономического развития народов СССР

По поводу книги Б. Д. Грекова «Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне» (Известия Государственной академии истории материальной культуры, вып. 72, Огиз, 1934 г., ч. 2 руб., стр. 159).

При одинаковости общей линии развития феодализм в Восточной Европе имел целый ряд специфических особенностей по сравнению с западноевропейским и азиатским феодализмом.

Если о западноевропейском феодализме историческая наука собрала огромный материал, то феодализм азиатский изучен очень мало, а феодализм в Восточной Европе еще менее. Если Восточную Европу XVI—XIX вв. историки изучили более или менее разносторонне, то XIII—XV вв. ее истории мы знаем пока еще очень плохо.

Так как изучение восточноевропейского феодализма марксисты стали вести лишь в последнее время, а до этого ее исследовали главным образом дворянские и буржуазные историки, то это обстоятельство делает проблему еще более сложной.

Тов. Греков ограничил свою заадчу анализом только некоторых сторон феодальной России с IX—XII до XVI столетия, а именно — генезисом земельной ренты.

Не надо говорить о том, насколько сложна эта проблема. Первая трудность заключается в том, что народы, заселявшие разные части бывшей Российской империи, не находились на одном и том же уровне общественно-экономического развития. Киевскую Русь XI—XVI столетий нельзя отождествлять с Псковско-Новгородской, а эту последнюю — с Ростовско-Суздальской; юго-восточный угол Европейской России нельзя смешивать с северо-восточным. В переводе на язык историка это значит, что материалы, относящиеся например к Киевской Руси XIV и XV вв., не могут быть использованы для характеристики экономического строя удмуртов, татар или Новгородской Руси. Это обстоятельство чрезвычайно осложняет работу историка и требует сугубой осторожности в выводах. При той относительной бедности материалов, в условиях которой историк приходится делать свои заключения, вполне понятна тенденция к некоторой универсализации фактов. Тов. Грекову не удалось избежать ее в своей работе «Рабство и феодализм в Киевской Руси». Она имеется и в данной работе, несмотря на то, что т. Греков пытается наряду с отношениями общими как Киевской, так и Новгородской Руси отмечать также и особенные.

Но благодаря этому у читателя поневоле формируется заключение о социальном единстве Новгородской, Киевской и Ростовско-Суздальской Руси, которое принципиально отлично от социального строя татар, удмуртов и прочих неславянских народов.

Это тем более досадно, что т. Греков в данной своей книге по существу идет по линии ревизии традиционных основных установок буржуазных русских историков.

Вслед за академиком Н. Я. Марром он утверждает, что «Киевская Русь — последнее звено древней исторической цепи и первое новой. Она унаследовала от векового прошлого города торговлю, культуру. Святослав борется за скифское наследство, прочищает пути восточных сношений. Но наплыв азиатских орд, господство в степи печенегов и половцев подорвали сношения Южной России с Востоком. В связи с оживлением деятельности варягов на севере появился новый путь из варяг в греки, которому суждено было сыграть столь видную роль в созидании нового политического образования — Киевского государства. Это первое звено новой исторической цепи, процесса, создавшего новый тип культуры в Европейской России. Варяги в известной мере повторяют схему скифской державы в своем господстве над туземным населением лишь на иной территориальной базе — Новгородско-Ростовско-Киевской¹.

А двумя страницами раньше т. Греков категорически заявил, что «на основании данных лингвистики мы можем говорить о скрещивании в Поднепровьи скифской культуры с другими местными культурами. Мы располагаем также в настоящее время вещественными памятниками, свидетельствующими о наличии весьма древнего

¹ Б. Д. Греков, Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне, Изд. ГАИМК, вып. 72, стр. 31.

местного земледельческого населения, жившего в укрепленных поселениях и вооруженного железом, мы можем говорить о дальнейшей эволюции этнических и социальных группировок и таким путем отодвигать истоки явлений русской истории, казавшихся еще недавно начальными, в очень далекое прошлое»².

И что еще важнее, так это то, что Б. Д. Греков признает, что предшественники полян, древлян, финских и тюркских народов X—XV вв. «не исчезали подобно ораму, как гласит старая пословица, а прочно входили вместе со своими культурными достижениями в состав новых и новых образований, чтобы дать нам впоследствии современную картину этнического состояния Восточной Европы. Основой культуры этой равнины послужило наследие местной вековой жизни, спаявшей местные элементы и поставившей их в связь с отдаленными странами не только связанного с античной культурой юга, но и финского севера и Дальнего Востока через Сибирь и Передней и Средней Азии по путям караванной торговли. Отсюда и появление торговых пунктов по берегам рек: города геродотовских гелонов, города, упоминаемые Птоломеем, по Бугу, Днепру, Дону, Кубац, города позднейших Киевщины, Полтавщины, Черниговщины»³.

Он признает также и связь земледельческой техники X—XV столетий с земледелием скифов и сарматов. И, несмотря на это, он выделяет Киевскую, Новгородскую и Ростовско-Суздальскую Русь как нечто единое, целостное, отличающееся и от Золотой орды и от других государственных образований неславянского типа. На наш взгляд это есть непоследовательность. Тов. Греков не доводит до конца начатого им дела пересмотра схемы русской истории. Но, несмотря на это, проделанная им работа является существенным вкладом в историческую науку.

После выхода в свет его двух книг «Рабство и феодализм в Древней Руси» и «Очерки по истории феодализма» уже не может подлежать никакому сомнению, что картина состояния земледелия в Древней Руси⁴ (согласно которой в X в. господствовали подсечная и переложная системы земледелия, а орудием обработки земли была суковатая палка), не соответствует действительности. В Древней Руси X в. согласно «Повести временных лет»⁵ платят дань с пашни и знают «рыло». Если же принять во внимание археологические исследования последних лет, в особенности исследования А. Федоровского и более ранние Антоновича⁶, Тамченко и др., то надо прийти к выводу, что в это время уже имело место пашенное земледелие двухпольной и трехпольной систем.

Заслуга г. Грекова заключается в том, что он резко подчеркнул то, что было выдвинуто некоторыми историками еще до революции.

Конечно само собой разумеется, что наряду с двух- и трехпольем существовали также подсека и перелог, но рост удельного веса первых двух по сравнению с двумя последними уже в X в. совершенно ясен. Каково было соотношение между этими системами земледелия в разных районах Восточной Европы — это особая проблема. Решить ее полностью без новых раскопок конечно невозможно. Но использование лингвистических данных и более внимательный анализ письменных исторических памятников должны дать материал для углубления этой проблемы. Следует поставить перед нашими историками и археологами задачу исследовать под этим углом зрения памятники Среднего и Нижнего Поволжья, в особенности местности, лежащие в районе впадения Камы в Волгу и в районе Ахтубы.

Если раскопки Сарая-Берке⁷ обнаружили много любопытного материала, характеризующего этот город, то западной его, как известно, имелись земледельческие поселения, и археологические изыскания в этом районе несомненно увеличили бы наши знания сельского хозяйства XIII в. в этом районе.

Двухпольная и трехпольная системы земледелия и употребление плуга в качестве земледельческого орудия сочетались с разведением домашнего скота: быков и коров, овец, свиней, лошадей, а также домашних птиц: уток, кур, гусей, лебедей и т. д.

«Русская правда» дает примерно ту же картину, которая вырисовалась в результате обработки материалов археологических наблюдений.

Это позволяет нам сказать, что уровень развития производительных сил у полян,

² Б. Д. Греков, Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне, изд. ГАИМК, вып. 72, стр. 29.

³ Там же, стр. 31.

⁴ М. Н. Покровский, Очерки по истории русской культуры, ч. I и Русская история.

⁵ «Повесть временных лет 981 г.».

⁶ Антонович, Раскопки в стране древлян. Материал по археологии России; 1893 г., № 11, стр. 15—16.

⁷ См. об этом А. Ю. Якубовский, К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке, 1931 г. Его же, Феодализм на Востоке, Ленинград, 1932 г.

древлян, северян и других так называемых славянских племен был относительно высок. «Никаких сомнений нет, что перед нами общество, производственная база которого основана прежде всего на земледелии. Хлеб — основная пища людей, как овес — лошадей, причем количество этих продуктов на едоков нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов»⁸.

Уже одно это говорит за то, что здесь не могло быть первобытно-коммунистических отношений. Если же добавить к этому указание на то, что, по рассказу Ибн-ал-Боби, лен, произведенный славянскими народами, продавался на востоке уже в IX в., то это сделает картину еще более ясной.

И действительно, даже Киевская Русь VIII и IX вв. была классовым обществом. Основное средство производства — земля концентрировалась в руках одной части общества, в то время как другая часть была лишена этого средства производства и эксплуатировалась. К тому времени, когда варяги пришли в район Новгорода и Киева, здесь уже оформились не только классы, но и государство. Конечно этот процесс не был равномерным. В то время как в одних местах он зашел очень далеко, другие делал еще только первые шаги в этом направлении. В результате этого как в Киевской, так и в Новгородской Руси IX—XII вв. создалось многообразие укладов. «Норманское нашествие сильно способствовало росту рабовладения на Руси, так как торговля рабами приносила огромные суммы денег. Несмотря на то, что создающееся земельное богатство, сосредоточенное в руках нового класса землевладельцев, опиралось в значительной степени тоже на рабскую силу, Киевскую и Новгородскую Русь IX в. нельзя характеризовать как страну рабского (античного) способа производства, так как рабский труд был не единственной и, что гораздо важнее, не самой главной формой труда в это время (раб чаще бывал здесь выгодным экспортным товаром); для правильной характеристики данного периода гораздо важнее подчеркнуть наличие и преобладающее значение мелкого самостоятельного производителя, что является основой феодального способа производства. Переплетение элементов разлагающегося патриархального строя с явными признаками развивающегося феодализма является основной чертой данного общества в рассматриваемый период»⁹.

И это совершенно правильно. Ни в коем случае нельзя согласиться с теми историками, которые общественный строй Киевской Руси X в. объявили рабовладельческим. В наших руках нет никаких данных, которые позволили бы сделать такое заключение. Наоборот, как «Русская правда», так и прочие источники указывают на господство феодальных отношений. Княжеский двор в «Правде» ярославичей обрисован очень рельефно. «Здесь князь изображен в качестве феодального землевладельца. За всеми сообщаемыми «Правдой» деталями ясно проглядывает княжеский двор в широком понимании слова, т. е. жилые и хозяйственные постройки, земля, княжеские слуги разных рангов, эксплуатируемое население — смерды, рядовичи, изгой и закупы. Из княжеских слуг называются: свободные — огнищане, ездовые, мечники, етцы и несвободные — тиуны, хотя последние и необязательно рабы, старосты, вероятно, также кормилицы и кормильцы; рядом с ними тут же называются и обыкновенные рабы»¹⁰.

Имеются в «Русской правде» также и косвенные указания на наличие барской пашни. В ней встречаются: ратойный староста, сельский староста, упоминаются поля, разграниченные межами. «Если допустить, а это вполне возможно, что «Правда» между прочим защищает княжескую пашню от посягательства всякого рода татей, то придется сделать заключение, что у князя имеется своя запашка, неприкосновенность которой от посягательства прежде всего смердов защищает закон. Княжеский двор неизбежно должен быть окружен дворами подвластного ему как феодалу населения. Бросаются в глаза два типа хозяйств: богатое, применявшее в земледелии волов, и более бедное, крестьянское, допольствовавшее по необходимости лошастью. Об этом говорит в дополнение к «Правде» «Ипатьевская летопись»¹¹.

Что князь имел свое хозяйство, это совершенно ясно. Но кто работал на княжеских полях, холопы или смерды?

Что холопы IX, X и XI столетий есть не что иное, как рабы, это теперь не может подлежать никакому сомнению. Гораздо сложнее другой вопрос, кем обрабатывались поля? Прямых указаний источники на этот счет не дают. Приходится допустить, что княжеские поля обрабатывались как холопами, так и смердами. Причем, чем дальше развивались феодальные отношения, тем все в больших и больших размерах князь и бояре применяли труд смердов на своих полях.

Значит в X—XIV вв. были смерды, выполняющие барщину, но наряду с ними в то же время существовали смерды, платящие князю или боярину только один об-

⁸ Греков, Рабство и феодализм в Древней Руси, стр. 15.

⁹ Греков, Очерки по истории феодализма в России, стр. 35—36.

¹⁰ Там же, стр. 37.

¹¹ Там же, стр. 38.

рок. Были смерды, которые одновременно несли баршину и платили оброк, и кроме того были смерды свободные.

Смерд — это непосредственный производитель, владеющий собственными орудиями производства и обрабатывающий землю, принадлежащую феодалу, иначе говоря, это крестьянин.

Русские историки вели большие споры по поводу того, что такое смерд, и давали этой проблеме самые различные решения. Так например, Ключевский считал, что смерды — это свободные люди, жившие на княжеской, т. е. на государственной земле, не составлявшей ничьей собственности; «смерд, государственный крестьянин, обрабатывал землю своим инвентарем»¹².

С точки зрения Никольского и Лешкова смерды — это люди князя, особый вид зависимого населения.

Тов. Греков вполне правильно считает, что смердов нельзя рассматривать вне времени и пространства, не учитывая ни эволюции в положении смерда, ни особенностей данного места. «Я не хочу сказать, — пишет он, — что все это учесть легко, что источники дают достаточный материал для этого. Тем не менее наша обязанность не забывать данной стороны дела и по крайней мере расположить весь материал по данному вопросу в определенном порядке. Например: мы имеем несколько северных новгородских купчих XIV—XV вв., упоминающих смердов. Большинство из них, надо думать, XV в. Здесь мы имеем смердов-землевладельцев, распоряжающихся своей землей. Три брата смерды, Филька, Родька, Онанька Григорьевичи, продают свою землю...»¹³. Наряду с этим т. Греков отмечает наличие бедных или худых смердов. В некоторых местностях смерды именуется сиротами и сярбами. В поучении сообщается о том, что сильные, т. е. князя и бояре, порабощают смердов.

Но все же картина, данная т. Грековым, очень и очень бедна. Кроме приведенного выше методологического заявления и нескольких фактов в его книге о смердах X—XIII вв. почти совершенно ничего не сказано.

Тов. Греков не сделал даже попытки обрисовать организацию деревни, в частности он совершенно обошел вопрос о происхождении и характере сельской общины. Здесь он не дал даже того, что дали Кулишер¹⁴ и Лященко¹⁵, не выявил своего отношения к концепциям Соловьева¹⁶, Соколовского¹⁷, Кавелина, Блюменфельда и Чичерина. Остался неразрешенным и вопрос о переделах. Взаимоотношения князей и бояр с крестьянами также обрисованы очень скупо.

Обещание использовать лингвистические данные, имеющиеся в начале книги, не выполнено. Благодаря всему этому две первых главы его книги оставляют у читателя чувство неудовлетворенности. Но все же было бы неправильным недооценивать их значения. По существу это одна из первых попыток марксистского анализа экономического строя Древней Руси, ибо исследования Лященко и Рожкова в этой области были очень далеки от марксизма.

Следующей экономической категорией людей Древней Руси, анализируемой т. Грековым, являются закупы. «Закуп, названный наймитом, — это человек, не просто продавший свою рабочую силу, но при помощи долга попавший в особого вида зависимость. Однако не следует, на мой взгляд, — добавляет тут же т. Греков, — делать большое ударение и на понятие долга, так как мы здесь рискуем модернизировать явления и впасть в ошибку. Договор займа совершенно ясно обрисован в «Русской правде», но задолжавший человек имеет очень мало общего с закупом. Это одна из категорий феодальной зависимости сельского населения, в какой находились непосредственные производители в средние века вообще. Это те отношения господства и подчинения, на которых базировались феодальные отношения, та несвобода, если говорить об эксплуатируемой стране, которая в реальной жизни может принимать различные оттенки»¹⁸.

Эта характеристика, несмотря на всю свою внешнюю категоричность, очень неопределенна. В самом деле, ведь фраза «одна из категорий феодальной зависимости сельского населения» есть просто отговорка или по меньшей мере тавтология.

На наш взгляд к этому вопросу следовало бы подойти конкретно, а именно взять закупа в процессе его становления. При таком подходе т. Греков мог бы выяснить следующее: 1) в закупа превращался смерд, давно живущий на данной территории,

¹² Ключевский, Курс русской истории, ч. I, стр. 301.

¹³ Греков, Очерки, стр. 44—45.

¹⁴ И. М. Кулишер, История русского народного хозяйства, т. I, стр. 14.

¹⁵ П. И. Лященко, История русского народного хозяйства, стр. 76.

¹⁶ Соловьев, Русская история с древнего времени, т. I.

¹⁷ Соколовский, Экономический быт земледельческого населения России, стр. 124.

¹⁸ Греков, Очерки, стр. 51.

2) закупом становился холоп и 3) закупом становился пришлец из другой области. Таковым мог быть не только смерд, но и любой другой человек. Какими путями?

Первый путь обрисован самим т. Грековым. Он пишет: «При неустойчивости экономической природы крестьянина достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии начать воспроизводства в старых размерах». Следовательно он попадает в руки ростовщика, и раз попав к нему, едва ли когда-либо от него может освободиться. Если принять во внимание, что кроме падежа скота в феодальный период крестьянина подстерегало много других бедствий и прежде всего непрерывные внутренние и внешние войны, то станет вполне понятным массовое разорение смердов и их принижение до положения закупа»¹⁹.

Это же самое стихийное бедствие, лишившее смерда той или иной части средств производства, вынуждало его обращаться за помощью к своему князю или боярину, а не к кому-либо другому. Но это значит, что между землевладельцем и смердом создавались наряду с прочими отношениями именно долговые отношения. Смерд, связанный таким отношением со своим господином, был конечно прикреплен к нему гораздо крепче, чем смерд, не задолжавший. Закуп может уйти от господина лишь тогда, когда он расплатился со своими долгами. Иначе говоря, в лице закупа X—XIII столетий мы имеем нечто очень близкое к крепостному XVII столетия. Закупа можно было превратить просто в холопа-челядина²⁰.

В другой своей работе²¹ т. Греков отрицает на основании анализа текста «Русской правды» возможность превращения закупа в холопа. В «Очерках» эта проблема попросту обойдена.

Второй путь образования закупничества следующий. Люди, приходившие на территорию данного князя или боярина издали по договору с князем или боярином, получали от него: а) землю, б) скот, в) сельскохозяйственный инвентарь на правах частной собственности. Но за это должны были: 1) отработать определенное количество дней на барском поле, 2) возратить с ростом полученное и 3) не имели права покидать данный район до выплаты всей ссуды. В хрестоматии Владимирского-Буданова собран относящийся сюда и всем известный материал. Очевидно эти же отношения имеет в виду «Псковская судная грамота» в статье 63 и Новгородская 1-я летопись.

Но есть еще и третий путь образования закупов. Князь или боярин своих рабов или холопов наделял орудиями производства и землей и обязывал работать на своем поле. На наш взгляд этот путь образования закупов удачно обрисован М. М. Цвибака²². «Наделение раба землей и средствами производства — вещь обычная в Древней Руси. Из него и вырастает феодальная эксплуатация, начальные формы крепостничества. Раб, ставший таковым, попав в плен во время войны или вследствие разорения, или не имея средств для уплаты выры, или просто продавая себя в рабство, мог быть превращен владельцем земли в крепостного. Военнопленных начинают селить на землях феодала. Так поступил Ярослав, взяв в плен ляхов, приведя их и поделив их со своим братом... Поселения военнопленных в княжеских селах по реке Роси были поселениями посаженных на землю рабов, ставших тем самым крепостными. Термины, обозначающие рабов, непосредственно переходят, меняя свое значение, в название крепостных. Основное название «холоп-раб» в Киевской Руси и в украинском языке означает крепостного. Слово «челядь» в основном своем значении обозначает раб. Это слово в ранних памятниках очень часто встречается, обозначая и рабов, живущих в домашнем хозяйстве, и рабов, являющихся экспортным товаром». По прошествии некоторого времени «челядин превращается в закупа. Рабство превращается в крепостничество»²³.

Но мы, само собой разумеется, не согласны с тем, что «закуп... никак не может быть понят нами вне его связи с холопством и только как категория, идущая от холопства». Мы не согласны с тем, «что этот путь является единственным путем образования закупов, а вместе с ним и крепостничества. Принять всерьез это утверждение т. Цвибака — это значит предположить, что Киевской Руси X—XIII вв. предшествовало рабовладельческое государство. Нелепость этой точки зрения ясна каждому, кто хоть немного знаком с историческим материалом. Впрочем и сам т. Цвибак на стр. 519 уже исправляет сказанное двумя страницами раньше²⁴.

¹⁹ Греков, Очерки, стр. 53.

²⁰ Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя Древней Руси.

²¹ Греков, Рабство и феодализм в Древней Руси.

²² Цвибак, К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси, см. сборник книг «Из истории докапиталистических формаций», стр. 518—519.

²³ Там же, стр. 518—519.

²⁴ Гречная филиппика т. С. Вознесенского во II «Историческом сборнике» имеет таким образом некоторое опровержение. Действительно т. Цвибак очень часто в силу словесной неряшливости противоречит сам себе. Но т. Вознесенский, увлекшись раз-
11 «Проблемы экономики» № 6

К сожалению т. Греков на этом вопросе не остановился с должной степенью внимательности. Проблема происхождения закупов он по существу смазал. Но его заключительный вывод, утверждающий, что отношение закупа к своему господину есть вид отработочной ренты, правилен во всех отношениях. Точно так же правильно и то, что «отработки смердов обнаруживаются только в отдельных намеках»²⁵. «Гораздо чаще, — пишет он, — источники говорят о смердах в качестве данщиков, поскольку эти источники имеют больше всего в виду смердов, еще не освоенных феодалами, еще не успевших попасть в непосредственную феодальную зависимость. Эта дань, обычно налагаемая победителем на побежденного, имеет тенденцию превращаться в ренту вместе с оседанием на земле князей и их дружинников и следовательно с освоением смердов, что мы можем наблюдать довольно рано. «Русская правда» и наши источники часто говорят о зависимых смердах и холопах вместе, подчеркивая их социальную близость. Эта близость могла появиться только в результате особого положения тех и других в сельскохозяйственном производстве. В княжеской вотчине они, очевидно, работали рядом»²⁶.

Итак, отработочная рента была представлена в Древней Руси закупами и лишь отчасти смердами.

Если допустить, что феодальные отношения в Восточной Европе возникли в своих зачаточных формах еще до прихода варягов и что уже в то время на базе возникновения и укрепления частной собственности должники отбачивали свои долги на полях землевладельцев, то отработочная рента будет действительно наиболее ранним видом ренты.

У нас нет в руках фактов, подтверждающих правильность этой точки зрения. Но нет и фактов, ей противоречащих. Поэтому она может быть принята как гипотеза, подлежащая проверке.

В таком случае приход варягов не создавал нового процесса, как это думает т. Вознесенский²⁷, а лишь усиливал уже имеющийся. Как всем известно, первоначально варяги довольствовались сбором дани и лишь потом, прочно осев на Днепре и Волхове, перешли к более планомерной эксплуатации туземного населения. Это выразилось прежде всего в том, что сбор дани стал более регулярным, т. е. дань стала превращаться в ренту продуктами. Во-вторых, это выразилось в захвате князьями и их дружинниками значительной доли освоенных смердами земель и в создании на них своего собственного хозяйства, первоначально основанного на применении холопского труда. На этой базе князья и бояре превращают часть своих холопов в закупов, и часть смердов переходит тоже в состояние закупа. Остальные же смерды уже в очень раннюю эпоху начинают выполнять на князя всевозможные работы, и в конечном итоге из всех этих трех группировок формируется класс крепостных.

Наряду с барщиной появляется оброк или, иначе говоря, натуральная рента продуктами.

Значит т. Греков по существу ограничился в этой части лишь новой интерпретацией старых документов, нового материала не привел и в своих выводах не дошел до конца, ограничившись лишь наброском эскизного характера.

II

Третий очерк своей книги т. Греков посвятил специально феодализму в Северо-восточной Руси.

Отмечая невозможность отождествления Северо-восточной Руси с Киевской Русью, т. Греков тем не менее полагает, что «нормы «Русской правды» не были совсем чужими даже в Москве. Двинская судная грамота носит явные следы влияния «Русской правды». Судебник Ивана III в качестве одного из источников знает «Русскую правду»²⁸.

Таким образом и в этой части наш автор отправляется от всем известных письменных источников. Совершенно ясно, что и здесь дело сводится по существу лишь к новой интерпретации давно известных фактов, ибо археологический материал очень беден, а лингвистических исследований нет совсем.

Но благодаря этому вместо выяснения специфичности Северо-восточной Руси т. Греков по существу ограничился лишь выделением сходства и даже тождества создавшихся в ней отношений отношениям Киевской Руси.

носом Цвибака, отбросил целый ряд азбучных для марксистов истин и пришел к утверждению таких положений, которые сейчас уже не защищаются даже буржуазными историками, ибо они совершенно устарели.

²⁵ Греков, Очерки, стр. 54.

²⁶ Там же.

²⁷ «Исторический сборник Академии наук СССР» № 2, стр. 206—209.

²⁸ Греков, Очерки, стр. 56.

Первый вывод, к которому он пришел в этом третьем очерке своей книжки, следующий: в Северо-восточной Руси X—XI столетий имелись: пашенное земледелие, индивидуальное крестьянское хозяйство и имущественное неравенство. Здесь т. Греков не оригинален. Он лишь повторяет то, что высказано П. Н. Третьяковым²⁹ и А. А. Спицыным³⁰.

Дальше он указывает на особый интерес, проявляемый феодалами к земле и расширению сельского хозяйства, — вывод тоже далеко не новый.

Затем, анализируя духовную (1498 г.) князя Ивана Юрьевича Патрекеевича, т. Греков констатирует, что «здесь холоп является владельцем условий своего труда и своего продукта и в то же время лично зависимым от своего господина. Это виллан, иначе крепостной. В этом положении находилась часть холопов. Надо думать, — полагает он, — что большая часть холопов, у которых не обозначено никаких профессий, либо работала на барском поле, либо составляла домашнюю прислугу всевозможных видов, объединяемых общим термином дворни»³¹.

И это заключение не показывает нам специфичности Северо-восточной Руси по сравнению с Русью Киевской.

По существу весь третий очерк, посвященный Северо-восточной Руси, является лишь подтверждением правильности положений, выставленных в двух первых очерках. «Древнейшие летописные сообщения, — пишет т. Греков, — говорят о том, что князья и бояре Северо-восточной Руси уже в XI—XII вв. являются крупными землевладельцами... могущество феодалов измерялось прежде всего количеством подданных. Перемена во взглядах княжеской власти на свои права и обязанности, хронологически совпадающая с этим временем, говорит о значительных успехах феодализации общества Волжско-окского бассейна уже в XII в. Князья, до недавнего времени жившие данью, начинают превращать ее в поземельную ренту... Думаю, что однако мы не очень сильно ошибемся, если картину княжеского хозяйства, нарисованную выше по данным «Русской правды», перенесем и сюда»³².

Мы не хотим сказать, что это неправильно. В основном это верно, но в то же время этого совершенно недостаточно.

Нельзя сказать того, что т. Греков не понимает необходимости более подробного изучения. Нет, это он сознает совершенно отчетливо, но сам не делает попытки в данной книге проанализировать деревню Северо-восточной Руси XII—XIV вв. более подробно.

Положительным моментом этого третьего очерка следует признать последовательно проводимую т. Грековым борьбу с теорией исконности крестьянской свободы.

Конкретным анализом целого ряда документов он показывает, что, несмотря на отсутствие юридического закрепления, крестьянин не был свободен. «Бродяжничества крестьян в сколько-нибудь широких размерах нет; подавляющее большинство крестьян сидит в своих деревнях подолгу. Крупные феодалы заинтересованы в сохранении рабочих рук и стараются удержать их за собой возможно крепче»³³.

Четвертый очерк под заглавием «Подъем производительных сил», кризис и крепостничество «2-го издания», написан гораздо интересней и глубже третьего очерка. Он охватывает собою время с XV по XVI столетие, касаясь отчасти и первой половины XVII столетия.

Эта эпоха замечательна во многих отношениях. Борющиеся друг с другом княжества Северо-восточной Руси слились в единое Московское княжество. Сильно уменьшился размер рабовладения. «Крестьянские повинности и право распоряжения ими становятся гораздо важнее владения личностью холопа. Одно из крупнейших преимуществ нового типа хозяйств перед старым боярским заключалось именно в том, что новые хозяйства строились на иной базе, обходились без массы холопской челяди, унаследованной боярской вотчиной от времен патриархальных, когда-то бывшей выгодным боярским преимуществом, сейчас ставшей тягостной обузой, от которой хозяева стараются освободиться»³⁴.

Холопский труд перестал быть выгодным. Увеличивается роль обмена и денег. Оброчный крестьянин становится основной фигурой зависимого населения в деревне. «Эксплоатация угодий — сенокосов, бортей, сокольных седбих, бобровых гонов, рыбных ловель, охота и связанные с нею обязанности — поручается оброчникам, свободным людям, которые получают от князя землю в свое обеспечение»³⁵. В это же время

²⁹ П. Н. Третьяков, Костромские курганы, Известия ГАИМК, т. X, вып. 6—7.

³⁰ Н. А. Спицын, Владимирские курганы, ИАК, вып. 15.

³¹ Греков, Очерки, стр. 60.

³² Там же, стр. 71—72.

³³ Там же, стр. 83.

³⁴ Там же, стр. 90.

³⁵ Там же, стр. 91.

возникают во множестве и быстро растут поселения городского типа. Они становятся ремесленными и торговыми центрами. В них находят себе место люди, выталкиваемые из деревни. Они становятся ремесленниками, торговцами, а некоторые вырастают даже в купцов и ростовщиков крупного масштаба. Ростовщики подталкивают боярское могущество, но их деятельность направлена не на уничтожение, а на консервацию феодального способа производства. Росло и углублялось расслоение крестьянства. Замена в ряде мест натурального оброка полностью или частично денежным еще более усиливала этот процесс. Число свободных людей к концу XV в. заметно увеличилось.

Одновременно с этим развивалась внешняя торговля Московского государства с Западом и Востоком. Завязываются торговые связи не только с Персией, но даже и с Индией, Польшей, Лейпцигом, Хивой и Бухарой.

Рост внутреннего рынка в Московском государстве XV в. отмечен многими историками.

В работах Ленина³⁶ также встречаются неоднократные указания на этот факт и на то, что этот процесс в конечном итоге вел к капитализму.

Но этот же самый процесс привел и к окончательному оформлению особой категории людей — так называемых кабальных людей. «При условии недоразвившихся капиталистических отношений, при сравнительной слабости и примитивности городской промышленности люди, вынужденные искать себе работы, в этом случае попадали в зависимость, более тяжелую, чем положение рабочего при капиталистическом способе производства... Где применялся труд кабальных? Очень большая часть, если не большинство кабальных людей находили себе работу в городах или же во дворах бояр, помещиков, духовенства и высших чинов приказных людей»³⁷.

Таким образом рост рынка и увеличение роли денег приводили не к ослаблению крепостничества, а к его усилению. Раскрестянившийся крестьянин мог стать мелким собственником вновь только при условии полного закрепощения³⁸. На этой почве классовая борьба обострилась очень сильно. Результатом действия всех обстоятельств явился кризис 80-х годов XVI в. Началась холопско-крестьянская война, затянувшаяся на несколько лет и кончившаяся поражением крестьянства и победой феодалов.

Следствием этого было новое усиление крепостничества в XVII в., которое надолго задержало развитие капитализма.

Подведем итоги. Тов. Греков по-новому подошел к экономической истории Древней Руси. Книга является вне сомнения полезным вкладом в нашу историческую литературу, но и она не лишена ряда иногда важных недостатков. Об этом мы говорили выше.

Как ни сложны проблемы, стоящие перед историком, изучающим экономический строй народов Восточной Европы IX—XVI столетий, они все же разрешимы. Если до сих пор исследователи шли главным образом лишь по линии анализа письменных документов, то теперь настала пора привлекать данные лингвистики и археологии. Без увеличения количества документов, характеризующих эту эпоху, двигаться вперед невозможно. А это значит, что мы должны дать нашим лингвистам и археологам наказ на усиление их деятельности по этой линии. В отношении XV и XVI вв. надо усилить разработку архивных документов.

Для того чтобы история народного хозяйства России стала научной, она должна теснее сомкнуться с политической экономией и общей историей.

К сожалению со времени ее введения в наших экономических вузах прошло более года, а до сих пор на эту тему не появилось ни одной работы. Историки считают, что это дело экономистов, а экономисты, как говорится, и в ус не дуют. В результате историю народного хозяйства преподают, как бог на душу положит.

Книга т. Грекова интересна тем, что она ставит ряд таких проблем, мимо которых не может пройти ни один человек, занимающийся историей народного хозяйства России. Мы считаем, что преподаватели по истории народного хозяйства России могут смело использовать работу т. Грекова.

А. Казарин

³⁶ Ленин, О государстве и «Что такое «друзья народа».

³⁷ Греков, Очерки, стр. 113.

³⁸ См. Дьяконов, Очерки из истории сельского населения, стр. 301—302.

Из новейшей иностранной литературы о мировом кризисе и фашизме

Материалы сектора библиографии библиотеки Комакадемии

Fischer, Irving. *Mastering the Crisis*. London, George Allan and Unwin Ltd. 1934, 168 p.

Ирвинг Фишер, автор книг «Inflation», «The Buying power of Money» и целого ряда других работ, в которых он старается обосновать количественную теорию денег, является вместе с тем одним из советников Рузвельта по экономическим вопросам. В своей новой книге Фишер разбирает мероприятия Рузвельта в области кредита и денежного обращения, пытаясь доказать не только их логическую последовательность и целесообразность, но и их соответствие с его, Фишера, теорией. В центре внимания у автора стоит вопрос о стабилизации «покупательной силы» доллара. Преодоление кризиса, по мнению Фишера, возможно только на основе этой стабилизации, ибо кризис, говорит он, явился в результате дефляции, т. е. сжатия размеров денежного обращения и нарушения равновесия между кредиторами и должниками в пользу «кредиторов». Фишер отбрасывает однако стабилизацию доллара на основе фиксации его золотого содержания, ибо в результате такой фиксации получится повторение смен «инфляции» и «дефляции», характеризующее промышленные циклы. Фишер предлагает стабилизировать «покупательную силу» доллара на основе индекса товарных цен, с тем чтобы золотое содержание менялось в зависимости от изменений индекса.

Фишер воображает и старается убедить читателей в том, что именно манипуляции с курсом доллара повели в США к улучшению экономической конъюнктуры, тогда как в действительности переход от низшей точки падения при кризисе к депрессии особого рода обуславливался прежде всего «действием внутренних экономических сил капитализма» (С т а л и н). Рецепт преодоления кризиса посредством стабилизации покупательной силы доллара, оказавший, по уверениям Фишера, столь благоприятное воздействие на экономику США, — типичное гомеопатическое средство буржуазных «защитителей экономической погоды», как их прозвал Маркс еще 70 лет назад.

Endrucks, E. *Not aus Überfluss. Gedanken und Wege zu einer neuen Wirtschaft*. Berlin, Kitzers Verlag, 1934, 166 S.

Книга Эндрукса представляет собой, по мысли автора, не только трактат по теоретической экономике, но и философское «обоснование» национал-социалистской экономической «науки». Автор начинает с вопроса о «преодолении капитализма». Капитализм, по его словам, есть экономическая система «недостатка», существовавшая в течение тысячелетий. Теперь все человечество якобы страдает от «избытка благ» и дело идет о том, чтобы приспособить условия существования «нации» к этому избытку благ. В этом, по утверждению Эндрукса, и состоит задача экономической науки третьей империи. До сих пор, заявляет он, хозяйственная жизнь и деятельность управлялись «голодом и любовью», теперь на смену им должно притти «экономическое знание о смысле и сущности всех ценностей и поэтому также и всех экономических ценностей». Основной экономической ценностью является, по словам Эндрукса, человеческая сила. Начальной и основной стадией «хозяйственного кругооборота» является... потребление. Дальше Эндрукс переходит к определению всевозможных понятий политэкономии. Так например, товар является у него суммой, составленной из следующих слогачемых: «Сила—человек плюс сила—орудие (духовная сила—человек) плюс сила—земля, плюс сила—пространство», а «реальный капитал» состоит из духовной силы человека плюс сила сбережения способностей человека плюс земля, плюс пространство.

Денежный капитал Эндрукс определяет таким образом: «Фабрика есть хозяйственная реальность, есть реальный капитал, а акция фабрики есть обозначенное словами отражение ценностей фабрики—денежный капитал».

В таком духе преподнесения читателю пустозвонных определений идет вся «теоретическая» часть книги. Особенно большое внимание уделяет автор определениям *процентов* и *рентабельности*. В подражании «главному теоретику» национал-социализма

Г. Федеру, выдвинушему лозунг «сокращения процентной кабалы», Эндрукс носится с лозунгом «сокращения кабалы рентабельности». Он предлагает строить все «антикапиталистическое» (!?) хозяйство третьей империи не на рентабельности, а на удовлетворении потребностей «народного коллектива».

Особое внимание Эндрукс уделяет вопросам кризиса.

Он утверждает, что экономический кризис вызван «обесценением ценностей, хаосом цен» и по существу является не кризисом перепроизводства, а «первым великим кризисом потребления». Для преодоления кризиса Эндрукс считает необходимым духовное обновление, преодоление материализма, нашедшего, по мнению автора, свое «грубейшее выражение» в марксизме, в «большевизме». Для Германии автор считает необходимой автаркию. По мнению автора, постоянная крупная армия была экономически полезна именно тем, что она «ничего не производила», а только «потребляла».

В этом сказывается стремление автора подвести теоретико-экономическую базу под усиленную милитаризацию и подготовку к войне, осуществляемую германским фашизмом.

Lewinson, Richard. Histoire de la crise 1929—1934. Paris, Payot, 1934, 235 p.

Рихард Левинсон (псевдоним Морус)—известный германский либеральный журналист, бывший сотрудник «Frankfurter Zeitung», автор нескольких книг: «Die Umschichtung der europäischen Vermögen» (имеется русский перевод 1926 г.), «Das Geld in der Politik» и др.

В «Истории кризиса» Левинсон-Морус сохраняет свою фельетонно-описательную манеру изложения. В книге например очень мало статистических данных. Нет в книге и общей концепции кризиса. Автор просто излагает события в хронологическом порядке. Отправным пунктом является у него американское «процветание» и европейское «благополучие», установившиеся с 1925 г. Затем автор переходит к «великому буму» в Америке, к краху 1929 г., «разгрому» (la débâcle) европейских банков, отказу от золотого стандарта в Англии, банкротству крупнейших концернов, аграрному кризису, обесценению доллара и т. д.; завершается описание кризиса главой VIII, посвященной «симптомам улучшения» экономического положения в США. Последняя глава книги—о последствиях кризиса—излагает различные концепции кризисов и рецепты спасения капиталистического хозяйства. Тут автор, следуя за социал-фашистами, приписывает Марксу фаталистически-автоматическую концепцию, по которой «кризисы... следуют один за другим со все возрастающей интенсивностью, пока капитализм, подорванный изнутри и созревший для крушения, не погибнет окончательно во время одного из таких кризисов» (стр. 22). Левинсон утешает читателей, что капитализм еще поживет и что якобы «марксовой теории кризисов не разделяют даже его ученики». Зато буржуазные ученые подхватили, по словам Левинсона, эту теорию автоматического крушения капитализма. Фашизм является, по его мнению, «псевдо-социализмом». В результате кризиса, говорит Левинсон, возрастает власть государства и его вмешательство в хозяйственную жизнь. Книга Левинсона о кризисе несравненно ниже по своему уровню и гораздо беднее интересным фактическим материалом, чем его предыдущие работы.

Bohler, E. Korporative Wirtschaft, Eine kritische Würdigung. Zürich, Rotapfel Verlag, 1934, 175 S.

Автор—швейцарец, буржуазный экономист-эклектик, дает в этой книге, которую он считает первой систематической критикой корпоративного хозяйства, очерк структуры и деятельности органов корпоративного хозяйства в фашистской Италии и проектов сторонников корпоративизма в Швейцарии. Относительно фашистского корпоративизма автор констатирует, что ничего по существу нового в экономическую действительность им не внесено и что фашистские «достижения» сводятся к подчинению экономики националистским политическим заданиям. Различая в швейцарском корпоративизме авторитарную и демократическую тенденцию, а между сторонниками демократического направления—представителей интересов среднего класса, католицизма и социально-политических стремлений, автор утверждает, что осуществление корпоративистских стремлений в духе любой из этих тенденций только обострило бы кризис и никого не удовлетворило бы. Большую половину книги занимает приложение, в котором напечатаны соответственные итальянские законы и швейцарские проекты.

Barlolotto, Guido. Fascismo e nationalsocialismo. Bologna, Nicola Zanichelli editore, 1933, 198 p.

Книга Бартолотто, написанная им осенью 1933 г., представляет собой расширенное и переработанное издание его лекций, прочитанных в разных городах Германии в феврале и мае 1933 г. Все содержание книги основано на сопоставлении итальянской

фашистской и национал-социалистской теории и практики, причем автор заявляет, что он «старался объяснить сущность, природу, дух и цели обеих революций, базируясь главным образом на директивах и программах обеих политических тенденций и на тех аутентичных комментариях к ним, которые давали их вожди». Автор неоднократно подчеркивает свои симпатии к германскому национал-социализму, к его вождям и к идее «национальной революции» в Германии. Тем не менее, проводя параллель между национал-социализмом и итальянским фашизмом, он не может удержаться от критики и довольно резких полемических выпадов против германских национал-социалистских теоретиков. В особенности протестует он против утверждений Альфреда Розенберга о том, что характерной чертой древнеримского общества было то, что оно основывалось на рабстве, а что Рим католический был Римом семитическим, ибо, по Розенбергу, «католическая религия была лишь продолжением принципов религии Израиля». Непочтительные отзывы Розенберга о Риме вызывают со стороны Бартолотто резкую отповедь. Расизму национал-социалистов Бартолотто противопоставляет «универсализм фашистской доктрины», «мифу чистоты крови» Гитлера—«национальный идеал» Муссолини. В вопросе о национальном государстве и о корпоративном хозяйственном строе Бартолотто посвящает свое главное внимание и находит в этой области почти полное совпадение между итало-фашистской и национал-социалистской установками. Такое же совпадение существует, по заявлению автора, и в вопросе о мерах борьбы против кризиса, и в вопросах внешней политики, ибо «усилия и задачи национальных революций направлены к преодолению кризиса и спасению Европы и всего мира». В книге Бартолотто гораздо больше риторики, чем фактического содержания.

E i n z i g, P a u l, Germany's Default. The Economics of Hitlerism. London, Macmillan and Co. Ltd. 1934, 128 p.

Среди английских буржуазных экономистов Пауль Эйнциг выделяется тем, что живо и занимательно излагает вопросы международной валютной политики, борьбы из-за золота, всевозможных закулисных и явных биржевых махинаций и т. д. Написанные им за последние 3—4 года книги «Behind the Scenes of International Finance», «Finance and Politics», «The Fight for Financial Supremacy», «The Dollar, Pound and Frank Tangle» и др. посвящены главным образом валютно-денежной борьбе между империалистическими странами, борьбе, в которой все симпатии Эйнцига на стороне английского империализма. В самое последнее время Эйнциг стал все более склоняться к фашизму и в изданной в 1933 г. книге «The Economic Foundations of Fascism» заявил себя решительным сторонником итальянского фашизма с его корпоративным строем, запрещением стачечной борьбы, сращением государства с монополиями и т. п. Настоящая книга Эйнцига, посвященная германскому фашизму, представляет собой резкую критику «экономики гитлеризма», которая, по мнению автора, дискредитирует самую идею фашизма. Эйнциг заявляет: «Относясь очень благосклонно к идеалам фашизма, как они осуществляются в Италии, автор вынужден относиться с тревогой и неодобрением к внутреннему развитию Германии, которое клонится к тому, чтобы дискредитировать фашизм». Чтобы спасти репутацию фашизма вообще, Эйнциг вынужден обсуждать и отвергать фашизм в его практическом воплощении в Германии. Основная идея книги заключается в том, что фашистская Германия—злостный банкрот. Фашисты умышленно прекратили уплату процентов погашения по частным долгам сейчас же после прихода гитлеровского правительства, хотя имели полную возможность «честно» договориться с иностранными кредиторами о льготах и рассрочке платежа. Злостное банкротство понадобилось фашистам для того, чтобы освободившиеся средства употребить на усиленную подготовку к войне. Эйнциг считает, что «ближайшие годы будут свидетелями возрастающей напряженности отношений между Германией и странами, затрагиваемыми ее честолюбивой внешней политикой». Он предсказывает ухудшение отношений между Германией и Англией и говорит, что наивно думать, будто Германия, удовлетворив свои честолюбивые замыслы в Северной, Восточной и Центральной Европе, раздавив Францию и Бельгию, опочнет на лаврах и предоставит Великобритании возможность безмятежно властвовать над морями и над всей британской колониальной империей. Поэтому Эйнциг предлагает британскому империализму вооружиться возможно быстрее и энергичнее, чтобы противопоставить силу силе. В то же время Эйнциг рекомендует усилить и экономический отпор Германии. Для этого, по его мнению, нужны прежде всего объединение всех иностранных кредиторов Германии и предъявление ими более решительных требований. Эйнциг отличается одним существенным достоинством—он не только выражает интересы влиятельных банковских и биржевых кругов Англии, но и умеет отчетливо формулировать желательное им направление политики английского империализма. В этом смысле его позиция по отношению к германскому фашизму представляет несомненный интерес.

Strachey, John, *The Menace of fascism*. London, Victor Gollancz Ltd. 1933, 280 p.

Джон Стречи, бывший член парламента от лейбористской партии, был в 1930 г. «парламентским секретарем» Освальда Мосли, теперешнего лидера английских фашистов, в бытность его министром в кабинете Макдональда. Вместе с Мосли и другими «молодыми» Джон Стречи критиковал лейбористское правительство за его бездействие в вопросе о борьбе с безработицей. Вся эта группа вышла в ноябре 1930 г. из лейбористской партии и основала свою «новую партию», но эволюция Мосли в сторону фашизма оттолкнула от него Джона Стречи, который, наоборот, эволюционировал влево.

В своей книге Джон Стречи ставит себе целью дать анализ сущности фашизма и причин его успеха в Италии и Германии. Фашизм, по его мнению, это попытка капиталистов сохранить частную собственность на средства производства путем террора по отношению к рабочему классу. Вместе с тем фашизм—это возрождение крайнего национализма, подготовка к войне и война. По словам Стречи, фашизм мог притти к власти только благодаря разочарованию рабочих масс в демократии. А разочарование это вызвано неспособностью и нежеланием реформистских лидеров использовать достижения демократии для повышения зарплат, улучшения условий труда и борьбы за социалистическое преобразование общества. Вместо этого реформистские лидеры заботятся главным образом о сохранении капиталистического строя и тем самым способствуют успеху фашизма и его торжеству. Стречи считает, что и в Англии угроза фашизма нарастает, ибо экономическое положение рабочего класса и мелкой буржуазии ухудшается, а лейбористские лидеры проводят такую же, как и в Германии, политику «меньшего зла», ведя в то же время борьбу против коммунизма. Единственным радикальным средством борьбы против угрозы фашизма Стречи считает использование демократии для борьбы за улучшение положения рабочего класса и за переход средств производства в руки общества. Автор является сторонником единого антифашистского фронта, но в конце концов на основе все той же «действенной демократии». Угрозе фашизма он не противопоставляет борьбу за диктатуру пролетариата.
